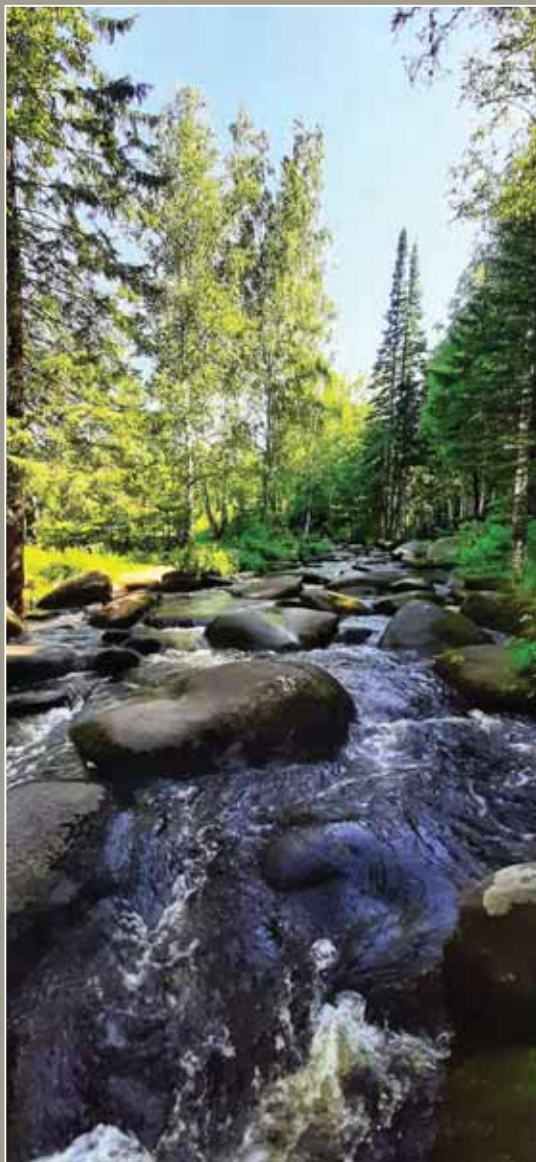

АНИТА ЦОЙ:

*«Все возможно,
если в сердце живет любовь!»*

О путешествии и красоте северного края читайте на стр. 110

Минувшее		
<i>Владимир Братченко</i>	Просто поэт. Но непростой...	4
Неизвестное об известном		
<i>Юрий Осипов</i>	Александр Радищев. «Потомство отомстит за меня»	22
Из российской истории		
<i>Александр Ралот</i>	Ольга — дочь Александра III	30
Рассказ		
<i>Святослав Тараховский</i>	Мертвая хватка	40
Это интересно		
<i>Марина Бойкова</i>	Снился мне сад...	56
<i>Виктор Елисеев</i>	«Дело Волынского»	72
Судьбы		
<i>Светлана Марлинская</i>	Дочь Карамзина	66
Замечательные современники		
<i>Дарья Парчинская</i>	Анита Цой: «Я мечтаю поставить на большой площадке шоу на музыку Скрябина»	77
История одной картины		
<i>Ирина Опимах</i>	Приключения русских во Франции, или Картина Льва Бакста «Карнавал на улицах Парижа в честь прибытия русских моряков 5 октября 1893 года»	86
Школьная история		
<i>Екатерина Зверева</i>	«Не уезжайте!»	95
Звезды не гаснут		
<i>Евгения Белогорская</i>	Сказочная Баба-яга	100
Житейские истории		
<i>Валерий Румянцев</i>	Голос прошедших лет	106
Путевые заметки		
<i>Евгений Пономарев</i>	Притяжение Севера	110
Детектив		
<i>Георгий Ланской</i>	«Синий лед»	122
Кроссворд. Эрудит 188		

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Гордынская Мария Александровна,
sales-smena@yandex.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

**Собственный
корреспондент**

Зелов Дмитрий Дмитриевич,
smena-the-best@mail.ru

Обложка

Певица, композитор, музыкант
и телеведущая Анита Цой
Фото из личного архива

Иллюстрации

Сотов Иван Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции и издателя:
127137, Москва,
ул. Правды, д. 24, стр. 4
+7 (495) 612-15-07

Для писем:
127015 Почтовое отделение
Россия, Москва, Бутырская
улица, 21, а/я 52
для ООО "Журнал "Смена"
www.smena-online.ru

Распространение,
кроме подписки,
осуществляется через
ООО «МДП "Маарт"»
127018, г. Москва,
Марьиной Рощи 3-й проезд,
40, строение 1
+7 (495) 744-55-12

© **ООО «Журнал «Смена»**

ООО «Журнал «Смена» имеет авторские права
на подборку и оформление материалов.
Фото, участвующие в оформлении, —
из открытых источников Интернета.

Отпечатано: **ООО «Типография «Миттель Пресс».**
127254, г. Москва, ул. Руставели, д. 14,
стр. 6, офис 7

Тираж —
Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 15.11.2024

Номер выходит при финансовой поддержке
Министерства цифрового развития связи
и массовых коммуникаций Российской Федерации

Мнение редакции может не совпадать с мнением автора

!!! ВНИМАНИЕ, КОНКУРС !!!

Дорогие читатели!

Лев Николаевич Толстой писал в своем дневнике: «Счастлив тот, кто счастлив у себя дома». И он был прав, потому что самое ценное, что мы имеем, это наш дом, наша семья, наши родители и дети. Дом — это наш очаг, который мы стараемся поддерживать и сохранять. Но кроме этого, у каждого из нас есть еще один дом — родительский. Там нас любят, ждут и простят все наши промахи и ошибки. Это наши родители, наши бабушки и дедушки. Какие у вас с ними отношения? Передаете ли вы любовь к ним своим детям? Это очень важно, потому что в трудные моменты нашей жизни мы, в первую очередь, спешим к своим родителям, чтобы обрести «почву под ногами».

Самые любящие, самые преданные, они всегда готовы помочь, потому что их сердца наполнены любовью к нам.

Вот мы и решили в 2025 году объявить конкурс

«ТЕПЛО РОДНОГО ОЧАГА»

Тексты принимаются в электронном виде на адрес: tomasmena@mail.ru
до конца октября 2025 года.

Итоги будут подведены в конце года и опубликованы в первом номере 2026 года, а победители получат премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

Первая премия — бесплатная годовая подписка

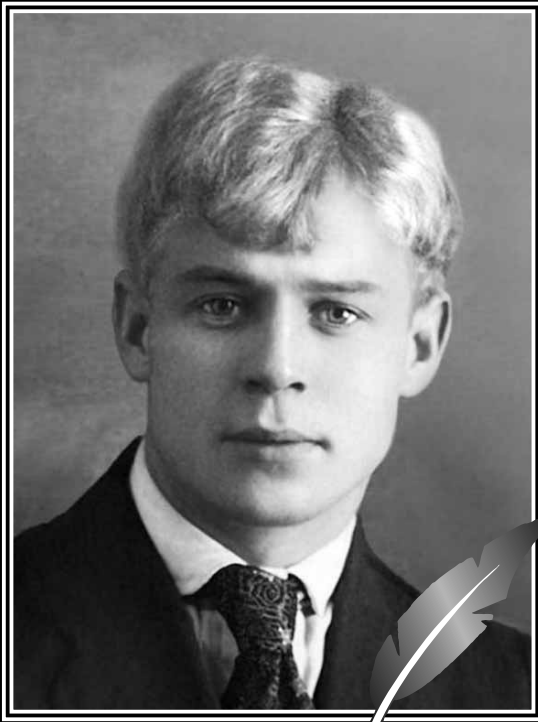
Вторая премия — бесплатная годовая подписка
на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*

Владимир Братченко

ПРОСТО ПОЭТ.

НО НЕПРОСТОЙ...

В августе 1912 года семнадцатилетний Сергей Есенин, закончив учебу в церковно-приходской школе, считавшейся также учительской школой, простился с родной деревней Константиновкой и с тетрадками своих юношеских стихотворений отправился в Москву покорять литературный Олимп. Родные мечтали, чтобы Сергей стал учителем. Но у юноши были другие планы. Поначалу Сергей жил у отца, который к тому времени перебрался в Москву и работал в мясной лавке. Вскоре он познакомился с поэтом Николаем Клюевым, ставшим его близким другом и советчиком. Николай преподавал деревенскому парню первые уроки жизни в «страшном мире» большого города и познакомил с членами Су-

риковского литературно-музыкального кружка. Привезенные Сергеем стихи, объединенные в цикл под названием «Больные думы», принесли ему некоторое признание и первый гонорар, который он с гордостью принес отцу. Отец был против увлечения сына поэзией, но к этой новости отнесся спокойно, имея в виду, что Сергей к тому времени уже работал в знаменитой Сытинской типографии и посещал лекции на историко-философском факультете в Народном университете Шанявского. В типографии Есенин служил помощником корректора, которым была симпатичная, образованная девушка Анна Изряднова. Она вспоминала: «Он только что приехал из деревни, но по внешнему ви-

ду на деревенского парня похож не был. С золотыми кудрями он был кукольно красив. Он был такой чистый, светлый, у него была такая нетронутая, хорошая душа — он весь светился. Ко мне он очень привязался. Все свободное время читал, жалование тратил на книги, журналы, несколько не думал, как жить».

Есенин приходил к Анне домой, читал свои стихи. Как и следовало ожидать, между ними вспыхнула любовь, и в девятнадцать лет он стал отцом. Анна отмечала, что в типографии Сергей «слыл за передового, посещал собрания, распространял нелегальную литературу». В результате на снятую ими квартиру нагрянули с обыском агенты царской охранки, а за парнем была организована слежка. Есенин бросил работу в типографии и учебу в университете и, по словам Анны, «весь отдался стихам». Благодаря ее содействию в январе 1914 году в детском журнале «Мирок» было напечатано его стихотворение «Березовое дерево». Далее последовали публикации в газетах «Новь», «Парус», «Заря», в журналах «Проталинка» и «Млечный путь». Ободренный достигнутыми успехами и похвалами друзей-поэтов из Суриковского кружка, молодой поэт посчитал, что пора отправиться в Петроград — Мекку блистательных поэтов, писателей и музыкантов — и встретиться с обожаемым им Александром Блоком. Оставив гражданскую жену и сына Юрия, он в марте 1915 года поехал в столицу и прямо

с вокзала отправился на Офицерскую улицу, где проживал Блок. Дверь открыл сам Александр Александрович. От волнения, как признавался Есенин, у него выступил пот. Блоку понравились «свежие, чистые, голосистые, многословные стихи рязанского парня», и он направил Есенина к поэту Сергею Городецкому, у которого Сергей и поселился на первых порах. Городецкий, много внимания уделявший так называемым «новым крестьянским поэтам», открыл Есенину дорогу в литературный мир столицы. Поэт познакомился с Максимом Горьким, Владимиром Маяковским, Анной Ахматовой, побывал в гостях у Ильи Репина, Алексея Ремизова, Леонида Андреева.

Восхождение Есенина на литературный Парнас было на редкость легким и стремительным. Его публиковали в «Ежемесячном журнале», «Новом журнале для всех», в «Голосе жизни», «Ниве», «Русской мысли» и в других изданиях. Максим Горький, даже с некоторой долей зависти, писал Ромену Роллану: «Город отнесся к нему с восторгом гурмана, запасающегося клубникой на зиму. На него обрушился шквал похвал, чрезмерных и часто неискренних».

В 1916 году вышел первый сборник стихов Есенина «Радуница», а в рождественском номере журнала «Биржевые новости» в одном ряду со стихотворениями Блока, Брюсова, Бунина, Белого, Волошина, Ремизова и Тэффи стояли и его стихи. Это окончательно утвердило лите-

ратурную репутацию Есенина. Он с гордостью сообщал Крюкову: «Стихи мои произвели большое впечатление. Все лучшие журналы того времени стали печатать меня, а осенью появилась моя первая книга «Радуница». О ней много писали. Все в один голос говорили, что я талант. Я знал это лучше других».

Элита «Серебряного века» приняла кудрявого самородка в свои ряды. Он стал желанным гостем на литературных вечерах, в богатых буржуазных салонах Петрограда.

ществлением долгожданного чуда». Но столь удачное начало творческой жизни поэта неожиданно было прервано. Шла Первая мировая война, и как раз в день приезда Есенина в Петербург вышел царский указ о призыве в армию. В апреле 1916 года он получил повестку явиться в призывной пункт. Однако на фронт Есенин не попал: выручил всемогущий старец Григорий Распутин. Он написал своему другу полковнику Ломану записку следующего содержания: «Милой, дорогой, присы-

Восхождение Есенина на литературный Парнас было на редкость легким и стремительным. Его публиковали в «Ежемесячном журнале», «Новом журнале для всех», «Голосе жизни», «Ниве», «Русской мысли» и в других изданиях. Максим Горький, даже с некоторой долей зависти, писал Ромэну Роллану: «Город отнесся к нему с восторгом гурмана, запасавшегося клубникой на зиму. На него обрушился шквал похвал, чрезмерных и часто неискренних»

В гостеприимном доме Дмитрия Марьянова собирались известные писатели и литературная молодежь. Бывал там и Есенин. Красавица-жена Марьянова, Мальвина Мионовна, вспоминала: «Есенина я вижу золотоволосым юношей с голубыми глазами, в которые еще не успела всосаться горечь и хмель испитых дней... В Петербурге он часто бывал у нас, читал свои стихи, приводившие нас в восхищение».

Сергей Городецкий считал, что «факт появления Есенина был осу-

лаю к тебе двух парешков. Будь отцом родным, обогрей. Робята славные, особливо этот белобрысый. Ей-Богу, далеко пойдет». (Вторым «парешком» был Н. Клюев.)

Есенина сначала определили санитаром в санпоезд, а оттуда перевели в Царскосельский лазарет. Там Сергей познакомился с дочками Николая II Ольгой и Татьяной, которые служили сестрами милосердия.

Однако в феврале 1917 года Сергей вновь получил повестку. На этот раз его «выручила» Февральская ре-

волюция. Несколько бравируя, поэт признавался: *«Я бросил мою винтовку,/ Купил себе «липу», и вот,/ Под грохот и рев мортир/ Был первый в стране дезертир»*.

Полный творческих сил, Есенин вернулся в Петроград, и с азартом приступил к любимому делу. Стихи, как из рога изобилия непрерывным потоком полились из-под его пера. Но вот беда: сомнительные друзья и поклонники стали таскать его по ресторанам и светским тусовкам. Среди этой «полупочтенной» публики Сергей изображал себя деревенским парнем в лаптях или валенках, с гармошкой в руках. Владимир Маяковский полагал, что таким образом Есенин «рекламировал свою крестьянскую поэзию», и даже поспорил с ним, утверждая, что «все эти лапти да петушки-гребешки» он вскоре забудет. А Зинаида Гиппиус, увидев однажды Есенина в валенках, особо не церемонясь, заявила: «Вы, вообще-то, кривляетесь». Однако такое поведение поэта было не просто чудачеством. Своему близкому другу Анатолию Мариенгофу он признавался: «Сапог-то я никогда в жизни таких рыжих не носил, и поддевки такой задрипанной, в какой пред ними предстал». И по-дружески поучал уже довольно известного поэта: *«Так, Толя, с бухты-барахты, не след идти в русскую литературу. Искусно надо вести игру и тончайшую политику... Трудно тебе будет, Толя, в лаковых ботинках и с пробором волосок к волоску»*. Даже на концерт в

Царскосельском лазарете по случаю именин вдовствующей императрицы Есенин явился в плисовых шароварах и желтых сапогах. За чтение стихотворения «Русь» он получил от Марии Федоровны в подарок золотые часы и высочайшее разрешение посвятить ей цикл стихов. От заманчивого соблазна стать придворным поэтом его вновь спас-

С Анатолием Мариенгофом

ла Февральская революция, которой Есенин посвятил цикл поэм. Но сам он признавался, что «первый период революции встретил сочувственно, но больше стихийно, чем сознательно».

В марте 1917 года Сергей познакомился с секретарем «эсэровской» газеты «Дело народа» Зинаидой

Райх и не на шутку увлекся этой симпатичной и неглупой девятнадцатилетней девушкой. Летом они отправились в путешествие на Соловки, но, доехав до Вологды, обвенчались в Кирико-Улиттовской церкви в деревне Толстикovo Вологодского уезда. Однако счастье длилось не долго. Есенин был страшно ревнив, и, бывало, выпив лишнего, поколачивал супругу. Правда, потом на коленях вымаливал прощение. Райх не выдержала такого обращения, уехала к себе на родину в Орел и там родила ему дочь Татьяну, а после двух лет примирений и размолвок — сына Константина. Но, в конце концов, брак был расторгнут, и Райх с детьми ушла к набирающему известность режиссеру Мейерхольду, который усыновил детей. (Надо сказать, что Есенин не забывал их и часто встречался с ними на квартире Всеволода Эмильевича.)

12 марта 1918 года решением Советского правительства столица России была перенесена из Петрограда в Москву. Сергей Есенин также отправился в новую столицу. К этому времени он был уже признанным и известным на всю Россию поэтом. Есенин поселился в особняке Морозова, где размещался Пролеткульт. Его комната находилась в чердачном помещении под самой крышей. Иногда он ночевал у поэта Михаила Герасимова, который занимал ванную комнату, а в начале 1919 года поэта приютил его друг, литературный деятель Георгий (Жорж) Устинов, кото-

рый обожал Сергея и был неплохим компаньоном по части выпивки.

В издательстве ВЦИК в сентябре 1918 года Есенин познакомился с поэтом Анатолием Борисовичем Мариенгофом, который работал там литературным секретарем. Анатолий был образованный молодой человек, воспитанный в культурной, богатой купеческой семье, проживавшей в Пензе. После трагической смерти отца он переехал в Москву, сразу сошелся с Владимиром Маяковским, Борисом Пастернаком, другими поэтами, сотрудничал с московским Камерным театром. Его называли не иначе как «Первым денди страны Советов». Знакомство поэтов очень быстро переросло в настоящую дружбу. Они сняли квартиру в Богословском переулке и стали жить вместе. В своей «Книге без вранья» Мариенгоф вспоминал: «Мы жили вместе и писали за одним столом. Паровое отопление тогда не работало. Мы спали под одним одеялом, чтобы согреться. Года четыре кряду нас никто не видел порознь». Мариенгоф имел определенное влияние на творчество Есенина, не говоря уже о том, что эксцентричную манеру поведения и стиль в одежде Есенин также перенял у него, расставшись с сапогами, валенками, лаптями и любимой гармошкой. Маяковский, встретив его однажды в галстукe-бабочке, пиджаке, брюках в полоску и штиблетах, напомнил ему о споре и потребовал отдать проигрыш. Вот только причесать «воло-

сок к волоску» как у Мариенгофа, для поэта оставалось непреодолимой проблемой...

В России шла гражданская война, царили разруха и тотальный дефицит. Тем не менее литературная жизнь в Москве была, что называется, ключом, а временами даже через край. Возникали и исчезали многочисленные литературные течения и школы, одно за другим открывались литературные кафе, где встречались поэты, писатели и художники. Здесь проходили литературные

нобольных», что вызывало немало насмешек в адрес литераторов.

В январе 1918 года, на одном из поэтических вечеров, четверка друзей-поэтов: Есенин, Мариенгоф, Ивнев и Шершеневич, решила создать новую школу поэзии — имажинизм, основная идея которого заключалась в том, что некий поэтический образ должен преобладать над смыслом произведения. Было образовано общество «Орден имажинистов», а затем «Ассоциация вольнодумцев», устав которой утвердил сам нарком просвещения Луначарский!

В

1918 году на одном из поэтических вечеров четверка друзей-поэтов: Есенин, Мариенгоф, Ивнев и Шершеневич, решила создать новую школу поэзии — имажинизм, основная идея которого заключалась в том, что некий поэтический образ должен преобладать над смыслом. Было образовано общество «Орден имажинистов, а затем «Ассоциация вольнодумцев», устав которой утвердил сам нарком просвещения Луначарский

вечера и жаркие дебаты, на которых можно было встретить футуристов, акмеистов, центрифугистов, эклектиков, неоромантиков, париастцев и даже ничевоков. Подобные встречи проходили также в консерватории, в Колонном зале Благородного собрания, в Политехническом музее, в театрах, свободных от спектаклей. Однако самым популярным местом сбора было кафе «Домино». Над футуристической вывеской кафе на весь второй этаж красовалась другая вывеска: «Лечебница для душев-

Председателем «Ассоциации» избрали Есенина. Своими идейными противниками имажинисты считали футуристов во главе с Владимиром Маяковским. На Тверской улице, дом № 37, имажинисты открыли ставшее знаменитым на всю Москву кафе «Стойло Пегаса». Здесь проходили литературные чтения, спектакли, концерты, лекции, выставки, творческие вечера поэтов, которые часто перерастали в жаростные дискуссии, сопровождавшиеся взаимными оскорблениями, экстрем-

вагантными выходками и даже «хватанием за грудки», после которых разгоряченные и голодные поэты мирно шли в столовую, где могли дешево пообедать, а также и выпить. Есенин подсаживался то к одному, то к другому столику, его уговаривали выпить рюмку-другую. Но, как свидетельствует Рюрик Ивнев, «все это время, с небольшим перерывом, начиная с Петрограда, я часто встречался с ним и знаю хорошо и точно, что он был равнодушен к вину. Миф вокруг его имени создан далекими и от Есенина, и от литературы безграмотными и беспринципными людьми». Однако надо признать, что-то уже намечалось. Писатель Борис Полевой вспоминал: *«Трудно даже установить, какое количество литературных сутенеров жило и пьянствовало за счет имени и кармана Есенина».*

Сергей понимал, что разгульный образ жизни в шумных и нетрезвых компаниях до добра не доведет. *«Им, видите ли, приятно выпить со мной! — жаловался он. — Я не знаю даже, как и отделаться от такого головоулетства, а прожигать себя стало совестно и жалко».*

Для пропаганды своего литературного течения имажинисты устраивали скандальные акции и пускались на различные рискованные выдумки. Однажды, темной осенней ночью, группа поэтов-имажинистов появилась на Большой Дмитровке. Приставив лестницу к стене одного из домов, они сняли табличку с на-

именованием этой улицы и приколотили другую, на которой значилось: «Улица Кусикова». Таким же способом улица Петровка была переименована в «Улицу Мариенгофа», Большая Никитская — в «Улицу Шершеневича», а улица Кузнецкий мост была удостоена особой чести, получив имя «Есенинской». В следующий раз они появились у стен Страстного монастыря и принялись расписывать их богохульными стихотворными цитатами, а на памятнике Пушкину умудрились повесить табличку «Я с имажинистами». В прессе поднялся страшный шум. «Вечерние известия Москвы» опубликовали статью с заголовком «Хулиганство или провокация?»

Однако все эти «художества» несколько не мешали Есенину заниматься тем, что было смыслом его жизни. Поэт начал работать над драматической поэмой «Пугачев». Он решил проехать по местам пугачевского движения, заодно «отдохнуть» от московской суеты. С другом Коробовым, ответственным работником Наркомата путей сообщения, в служебном салон-вагоне, служившим в царские времена сановникам и министрам, они в апреле 1921 года отправились в путешествие, длившееся два месяца. Поездка в творческом отношении оказалась весьма продуктивной: поэт в основном закончил написание поэмы «Пугачев».

Вернемся, однако, на полгода назад. В конце 1920 года в кафе

«Стойло Пегаса» Есенин познакомился с журналисткой из газеты «Беднота» Галиной Бениславской и серьезно увлекся ею. Галина стала его литературным секретарем и преданным другом. Есенин жил у нее на квартире. Возможно, это были одни из самых счастливых дней в его жизни — она понимала все нюансы непростого характера поэта и во многом способствовала его продуктивной работе. Однако счастье длилось недолго... В октябре 1921 года Есенин на вечеринке у художника Жоржа Якулова увидел всемирно известную американскую балерину-авангардистку Айседору Дункан, которая, что называется, «с порога» покорила влюбчивого поэта. Один из очевидцев этой встречи вспоминал: «Айседора полулежала на диване, а Есенин стоял рядом на коленях. Артистка гладила его по волосам и с трудом выговаривала: «Золотая голова...» и добавляла — «Черт!»

Дункан не говорила по-русски, а поэт вряд ли знал дюжину английских слов, тем не менее, они «проговорили» весь вечер, и можно было подумать, что они давным-давно знают друг друга... *«У нее душа наша, она меня хорошо понимает»*, — говорил Есенин.

Он бросил Бениславскую, после чего она с нервным срывом попала в больницу.

В те голодные и холодные годы в Москве наблюдался небывалый энтузиазм не только в литературной

жизни, но и в хореографии. Огромное число юношей и девушек спешили по вечерам на танцевальные площадки или на курсы по обучению танцам. Приезд Айседоры Дункан еще больше способствовал этому увлечению. Дункан приехала в Советскую Россию по приглашению Наркома просвещения Луначарского с целью открыть свою балетную школу и познакомить публику со своим необычным творчеством. Нарком обещал ей всяческую поддержку. На улице Пречистенка танцовщице предоставили роскошный особняк, принадлежавший семье миллионера-чаепромышленника А. Ушкова. Его жена, прима-балерина Большого театра Балашова, имела в особняке специальный репетиционный зеркальный зал. Покинув после революции Россию, семья обосновалась в Париже, и надо же такому случиться, что именно в том доме, который раньше принадлежал Айседоре Дункан.

Первое выступление Дункан состоялось в Большом театре 8 ноября 1921 года, в день четырехлетней годовщины Октябрьской революции. Известный балетмейстер и педагог А. Румнев так описал это знаменательное событие: *«Никакие преграды не могли остановить толпу людей, жаждавших поскорее увидеть прославленную танцовщицу. Она появилась под звуки «Славянского марша» Чайковского, одетая в прозрачный хитон, согбенная, с руками, как бы закованными в кандалы, тяжело*

ступая босыми ногами по огромной сцене Большого театра, в гневе и ярости разрывала связывавшие ее кандалы. Освобожденная, как тот народ, который сбросил с себя оковы рабства и сидел в зале, она мажорно заканчивала свой танец».

Тем временем между Есениным и Изадорой (так называл ее Сергей, а еще — Дунькой) стремительным темпом развивался бурный роман.

*Галина
Бениславская*

Поэт переселился в особняк, и туда нескончаемой чередой устремилась богемная публика и прочие любители «потереться» возле двух знаменитостей, а заодно выпить и закусить «на халяву». Вскоре выяснилось, что «босоножка», так в Москве прозвали балерину, также была не промах выпить фужер-другой русской водки. Именно в это время, как утверждает Мариенгоф, у Есенина появилась серьезная тяга к алко-

лю. Временами он вообще становился неуправляемым, и тогда любовная идиллия нарушалась громкими скандалами с битьем тарелок и бокалов. Иногда ссора перерастала в рукоприкладство, но Айседора каждый раз прощала его. А Есенин рассказывал: *«Любит, чтобы ругал ее по-русски, нравится ей, и когда бью — нравится, чудачка ...»*

Третьего декабря в особняке Дункан открыла свою школу танца, однако обещанной от правительства помощи оказалось недостаточно, и большую часть расходов она покрывала самостоятельно. Зима для нее, не привыкшей к русским холодам, стала серьезным испытанием: с отоплением особняка было много проблем, гонорары от выступлений были не регулярны, денег постоянно не хватало. Айседора предложила Есенину уехать на гастроли в Европу и Америку. Он не возражал. Чтобы избежать недоразумений при выезде за границу, 2 мая 1922 года они оформили официальный брак. Айседора получила советское гражданство, и молодожены взяли двойную фамилию Дункан-Есенин. Невеста была на восемнадцать лет старше жениха, но при оформлении заграничного паспорта она договорилась, чтобы ее возраст записали почти вдвое меньшим. Другьям поэт многозначительно заявил: *«Я еду на Запад для того, чтобы показать Западу, что такое русский поэт».* В Германии он планировал организовать издание книг русских поэтов

и свои стихи, а в Америке поставил цель урегулировать отношения между Россией и США, хотя Наркомат иностранных дел таких поручений ему не давал. 10 мая супруги на самолете, совершающем первый международный рейс, вылетели в Кенигсберг. Так началось заграничное турне звездной пары, во время которого они побывали в Германии, Бельгии, Италии, Франции и США. В Берлине Есенин сразу окунулся в литературную жизнь, принимал участие

вались громовой овацией. И овацией кончился вечер».

Однажды молодожены побывали в гостях у Алексея Толстого. На вечере был Максим Горький, который до этого встречался с поэтом лет шесть назад. Он вспоминал: *«От кудрявого, игрушечного мальчика остались только очень ясные глаза, да и они как будто выгорели на каком-то слишком ярком солнце. И было видно, что он — человек пьющий. Его сопровождала Айседора Дункан. И эта*

В 1921 году Есенин на вечеринке у художника Жоржа Якулова увидел всемирно известную американскую балерину-авангардистку Айседору Дункан, которая, что называется, «с порога» покорила мгновенно влюбившегося в нее поэта. Они не отходили друг от друга в течение всего вечера, словно давно были знакомы, хотя она не говорила по-русски, а он вряд ли знал несколько английских слов. **«У нее душа наша, она меня хорошо понимает», — говорил Есенин**

в диспутах и литературных вечерах. Один такой вечер, состоявшийся в «Доме Искусств», описывал писатель Р. Гуль: *«В зале были советские эмигранты. Одни запели, другие зашвистали. Кто-то на кого-то бросился в драку. Скандал разразился. Во время него Есенин стоял на стуле. Он кричал об Интернационале, о России, о том, что он русский поэт, что он и не так умеет свистеть, а в три пальца. И зашвистал. Но все стихло внезапно, когда Есенин начал читать стихи. Он читал лирику, стоя на стуле. Стихотворенья покрыв-*

знаменитая женщина, воспетая тысячами эстетов Европы, рядом с маленьким, изумительным рязанским поэтом была ему совершенно не нужна — как показалось мне. Когда она плясала, он, сидя за столом, пил вино и краем глаза посматривал на нее. Есенина попросили читать. Он охотно согласился, встал и начал читать монолог Хлопуши. Вскоре я почувствовал, что читает он потрясающе. Даже не верилось, что этот маленький человек обладает такой огромной силой, такой совершенной выразительностью. Читая, он побледнел

до того, что даже его уши стали серыми. Взволновал он меня до спазма в горле, рыдать хотелось. Помнится, что я даже не смог ему от волнения сказать никаких похвал. После этого я попросил его прочитать стихотворение о собаке и добавил: "Если вы не устали". "Я не устаю от стихов", — ответил Есенин. После прочтения им этого стихотворения мне невольно подумалось, что Сергей Есенин создан природой исключительно для поэзии, для воспевания любви, природы, милосердия».

В Берлине Есенин договорился с издателями и переводчиками о выпуске сборника его стихов, который и был выпущен в 1923 году под названием «Стихи скандалиста».

Во Франции супруги пробыли два месяца. Есенина познакомили с бельгийским поэтом Францом Эллином — переводчиком поэмы «Пугачев». Как и в Берлине, на одном из вечеров его попросили прочитать эту поэму. Вот как Франц описал этот «театр одного актера»: «Есенин то неистовствовал как буря, то шелестел как молодая листва на заре. Никогда в жизни я не видел такой полной слиянности поэзии и ее творца. Он пел свои стихи, он вещал их, выплевывал их, он то ревел, то мурлыкал со звериной силой и грацией, которые пронзали и околдовывали слушателя».

Путешествуя по Европе, Есенин не прекращал работать: еще в Берлине написал первые стихи из цикла

«Москва кабацкая», начал писать драматическую поэму «Страна негодяев», делал первые наброски поэмы «Черный человек».

Из Франции молодожены 25 сентября отплыли в Америку. Знаменитую пару американские власти приняли настороженно: их в течение почти двух часов допрашивали, приняв за большевистских агитаторов, представляющих опасность для американской демократии. Лишь после того, как с поэта взяли расписку не петь на своих выступлениях Интернационал, им удалось пройти миграционный контроль. Известный импресарио Сол Юрок заблаговременно подготовил для Дункан обширную программу гастролей. Выступления прошли в Нью-Йорке, Бостоне, Чикаго, Луисвилле, Канзас-сити, Мемфисе, Индианаполисе, Кливленде, Толидо. Американские газеты пестрели аршинными заголовками: «Айседора Дункан со своим мужем, молодым большевистским поэтом», «Танцовщица с русским мужем» и тому подобное. Роль мужа при жене была унизительна, Есенин чувствовал себя «не в своей тарелке», часто оказывался в двусмысленном положении, и, в конце концов, сорвался и начал пить. Впоследствии Айседора рассказывала Мариенгофу: «В Америке актриса должна бывать в обществе — приемы, балы. Конечно, я приезжала с Сережей. Вокруг нас много людей, кругом шум и разговоры. Тут, там на-

зывают его имя... Но Сережа не понимал ни одного слова, кроме "Есенин". А ведь вы знаете, какой он мнительный. Это была настоящая трагедия! Ему всегда казалось, что над ним смеются, издеваются, что его оскорбляют. Это при его гордости! При его самолюбии! Он делается злой, как демон...»

Четыре месяца пребывания в США оказались для Есенина мучительными и неудачными. Он считал, что как поэта в Америке его не оценили. Надежды на публикацию своих стихов были весьма призрачны, а Айседора считала, что поездку испортили падкие на сенсации газетчики. Они решили покинуть Америку. Прощаясь со своей родиной, Айседора Дункан заявила: «Не нужны мне ваши роскошные отели. Я лучше буду жить в России на черном хлебе и водке».

Супруги вернулись в Москву. «Я привезла этого ребенка на родину, но у меня нет более ничего общего с ним», — пожаловалась Айседора своему секретарю и уехала отдохнуть в Ялту, где вскоре получила телеграмму: «Я люблю другую, женат и счастлив Есенин». Под словами «люблю другую» имелась в виду Галина Бениславская, которая также отправила Дункан телеграмму: «Вы должны понять, он не вернется к Вам».

Есенин съехал с Пречистенки и поселился у Галины, будто и не покидал ее. Мариенгоф считал, что Галия стала для него самым близким человеком: возлюбленной, другом,

нянькой. Она отдала Есенину всю себя, ничего не требуя взамен. Однако он так и не женился на ней.

Айседора Дункан навсегда покинула Россию и до самой своей трагической смерти не позволила себе сказать ни единого плохого слова в адрес своего единственного законного супруга. Скульптор Коненков писал: «Дункан была яркая, необычная фигура. Она много дала Есенину, но еще больше забрала у него нравственных и душевных сил».

В течение года Есенин выпустил несколько сборников стихов, в том числе «Москва кабацкая», участвовал в публичных выступлениях, рассказывая о своей поездке. Но теперь это был как бы другой человек, не похожий на прежнего Есенина. В его лирике стало меньше жизнерадостности, почти исчезла деревенская тема, на смену им пришли тревожные и мрачные мотивы. А вот в личной жизни поэт, как и прежде, проявлял завидную активность. В 1923 году у него завязался роман с актрисой Августой Миклашевской, которой он посвятил цикл прекрасных стихотворений «Любовь хулигана». Однако актриса, когда ей было уже семьдесят пять лет, призналась, что роман был платоническим, и она даже не целовалась с поэтом. На следующий год случился другой роман, с поэтессой и переводчицей Надеждой Вольпиной, результатом которого у Есенина появился еще один сын — Александр.

В конце 1923 года литературную Москву облетела сенсационная новость: Есенин с Мариенгофом поссорились! В журнале «Гостиница для путешественников», который редактировал Мариенгоф, был опубликован сборник Есенина «Москва кабацкая», но его поставили после стихов Мариенгофа. Есенина это сильно задело: «Я капризно заявляю, почему Мариенгоф напечатал себя на первой странице, а не меня». Эта нелепая обида послужила началом конца их дружбы. Была еще одна,

кий дом с голубыми ставнями...», «Видно, так заведено навеки...» Деревенские мотивы звучат также в других произведениях поэта: «Этой грусти теперь не рассыпать...», «Не вернусь я в отчий дом...», «Спит ковыль. Равнина дорогая...» Знаменитое стихотворение «Письмо к матери», написанное в начале 1924 года («Ты жива еще, моя старушка?») полно сомнений мятущейся души: «С того и мучаюсь, что не пойму, куда несет нас рок событий». Есенин решает уехать на Кавказ, возможно,

Врачи считали, что Есенину нужно пройти курс лечения от алкоголизма и психоза. Он и сам чувствовал, что над ним все больше «сгущаются тучи», поэтому согласился лечь в психиатрическую клинику к знаменитому доктору Ганнушкину. За время пребывания в клинике он окреп, посвежел, у него появилось желание покончить с московской богемной жизнью и уехать в Ленинград. Там он остановился в гостинице «Англетер», а на следующее утро его нашли в номере мертвым с петлей на шее. Что произошло в ночь с 27-го на 28-е декабря 1925 года, так и осталось неизвестным...

более серьезная причина: в газете «Правда» было опубликовано письмо, в котором Есенин объявил о конце имажинизма. На этот раз обиделся Мариенгоф, что и привело к полному разрыву отношений...

В родную деревню поэт приезжал неохотно. Тем не менее здесь он создал замечательные стихотворения «Возвращение на родину», «Отговорила роща золотая...», «Низ-

добраться и до Персии, куда стремилась его поэтическая душа. В начале поэт побывал в Батуми. В этом знойном южном городе он познакомился с молодой учительницей русского языка по имени Шаганэ. Восточная красавица вдохновила поэта написать одно из самых знаменитых лирических стихотворений «Шаганэ, ты моя Шаганэ...», которое вошло в цикл из пятнадцати стихотворений, впоследствии

получивший название «Персидские мотивы».

В начале сентября поэт приехал в Баку и пробыл здесь почти полгода. Бродя по узким улочкам и переулкам, он наблюдал картинку восточного быта: неспешное чаепитие в чайхане, работу уличного цирюльника-брадобрея и веселого мальчишки, чистильщика обуви, наслаж-

блике приятным и полезным. Есенин оказался в окружении добрых и заботливых друзей и воспрянул душой. Его поселили в курортном местечке Мардакьяны на даче бывшего бакинского промышленника. 20 сентября Есенин на площади Свободы, перед памятником Двадцати шести бакинским комиссарам читал написанную всего за одну

*С Айседорой
Дункан*

дался звуками зурны и прислушивался к доносившемуся издали пению муэдзина. Республикой руководил пламенный революционер, по профессии журналист, Сергей Миронович Киров, который поручил своему другу, редактору газеты «Бакинский рабочий» Петру Чагину сделать пребывание поэта в респу-

ночь «Балладу о двадцати шести». С Чагиным у него сложились дружеские отношения, и он много времени проводил в редакции, часто публиковался в газете «Бакинский рабочий» и в других местных газетах. Иногда на пару-тройку дней он исчезал из поля зрения друзей, но его быстро разыскивали и бе-

режно доставляли на квартиру к Чагину. Впрочем, случалось это очень редко. Он много и плодотворно работал, о чем писал Галине Бениславской: «Работается и пишется мне дьявольски хорошо». Здесь родились поэма «Анна Снегина», стихотворение-исповедь «Мой путь», «Русь уходящая», «Русь бесприютная», «Страна Советская», упомянутые «Персидские мотивы» и несколько более мелких стихотворений. В Персию он так и не попал, друзья отсоветовали ему пускаться в это рискованное путешествие. Москву Есенин вернулся в феврале 1925 года. А в начале марта отмечался день рождения Галины Бениславской. В гости, вместе с писателем Борисом Пильняком, пришла внучка Льва Толстого Софья Андреевна. Она вспоминает: «Чувствовала я себя весь вечер как-то особенно радостно и легко... Наконец я стала собираться. Было очень поздно. Решили, что Есенин пойдет меня провожать. Мы долго бродили по ночной Москве... Эта встреча и решила мою судьбу...» После этого вечера они практически не расставались. В июне Есенин переехал к своей новой избраннице, а в июле они отправились в свадебное путешествие на Кавказ. Софья знала и о его пристрастии к алкоголю, и о существовании у него внебрачных детей. Мать и друзья советовали ей остановиться, не калечить свою жизнь, но она была непреклонна: «С ним, только с ним, никто не нужен», и 18 сентября гуляка и скандалист Сергей Есенин и двадцатипятилетняя аристо-

кратка Софья Толстая официально зарегистрировали свой брак. Есенин считал, что Кавказ исправил его. Однако это было не так. Болезнь никак не отпускала поэта из своих объятий и настойчиво требовала губительного «лекарства». Вновь начались загулы и метания. Брак не принес ему счастья и покоя: «Все, на что я надеялся, о чем мечтал, идет прахом. Видно, в Москве мне не остепениться. Семейная жизнь не клеится, хочу бежать». И совершенно неожиданно он вновь уехал в Баку, но через месяц вернулся.

Состояние здоровья поэта вызывало у родственников и друзей все более и более серьезную тревогу. Сам он также стал осознавать нависшую над ним беду. В поэме «Черный человек», завершенной в ноябре 1925 года, Есенин пишет: «...Я очень и очень болен./Сам не знаю, откуда взялась эта боль./То ли ветер свистит/Над пустым и безлюдным полем,/То ль, как рощу в сентябрь,/Осыпает мозги алкоголь». Обеспокоились здоровьем Есенина и на «самом верху», и кому-то в голову пришла даже та мысль: приставить к нему «товарища из ГПУ, который не давал бы ему пьянствовать». Впрочем, «товарищи» уже давно приглядывали за поэтом. Софья Андреевна всеми силами пыталась уберечь супруга от пагубной страсти, вернуть его в нормальную жизнь и создать крепкую семью, но все ее усилия были тщетны. Врачи считали, что поэту необходимо пройти курс лечения от алкоголизма и психоза, однако Есенин

даже слышать об этом не желал. Тогда сестра поэта, знавшая о его панической боязни милиции и судов, где на него было заведено более дюжины уголовных дел, предложила Софье припугнуть поэта, внушив ему, что ОГПУ в его поэмах «Страна негодяев», «Черный человек» и «Поэме о Зб» разглядели сатиру на существующий строй. «Ложись в больницу, — убеждали они Есенина. — Больных не судят». На этот раз он согласился, сам чувствовал, что, несмотря на официальное признание, вокруг него сгущаются тучи. Двадцатого его положили в психиатрическую клинику к знаменитому доктору П. Ганнушкину. Защищенный от назойливых посетителей, он написал в клинике много прекрасных стихов: «Не гляди на меня с упреком...», «Ты меня не любишь, не жалеешь...», «Может, поздно, может, слишком рано...», «Кто я? Что я? Только лишь мечтатель...», которые вошли в цикл «Стихи о которой...»

За время пребывания в клинике Есенин окреп, посвежел и даже пополнел. Раздумывая над прожитыми годами, у него появилось желание решительно покончить с московской богемной жизнью, уехать в Ленинград и начать там новую жизнь.

Василий Федорович Наседкин, муж сестры Есенина Кати, вспоминает: «Последний раз у Есенина в клинике я был 20 декабря. Пришли с Екатериной, после пяти вечера. Срок лечения ему казался слишком длительным. И вот, Есенин едет в Ленинград. Впереди новая жизнь. Об этом

он говорит больше всего. В Ленинграде он, возможно, женится, только на простой и чистой девушке, устроит свой двухнедельный журнал, будет редактировать, будет работать. А по весне, пожалуй, следует съездить за границу к М. Горькому».

Не завершив курс лечения, Есенин покинул клинику и уехал в Ленинград, накануне помирившись с Мариенгофом и попрощавшись с Бениславской и Зинаидой Райх. Он остановился в гостинице «Англетер», где проживавший там его друг Жорж Устинов забронировал ему номер. Что произошло в этом номере в ночь с двадцать седьмого на двадцать восьмое декабря 1925 года, досконально не известно. Но утром Сергея Есенина нашли мертвым с петлей на шее, причем дверь в номер пришлось взламывать. О причинах смерти Есенина до сих пор существует много загадок и домыслов, показания видевших поэта накануне трагедии противоречивы и неубедительны. Однако официальная версия гласит — это было самоубийство. Гроб с телом Есенина доставили в Москву и установили в Доме печати на Большой Никитской. Проститься с поэтом пришли тысячи людей, с пяти вечера и всю ночь до утра не заканчивался людской поток. Похороны стали поистине всенародными. Из Дома печати процессия направилась к памятнику Александру Сергеевичу Пушкину, который в то время находился в начале Тверского бульвара. Гроб три раза обнесли вокруг памятника. Сергей Есенин часто

приходил к этому памятнику: «Стою я на Тверском бульваре,/ Стою и говорю с тобой», и заверяет Александра Сергеевича: «Еще я долго буду петь... /Чтоб и мое степное пенье/ Сумело бронзой прозвенеть».

Но судьба распорядилась по-другому. Ленинградская «Новая вечерняя газета» опубликовала прощальные слова Алексея Толстого на смерть поэта: «Погиб величайший поэт... Он горел во время революции и задохнулся в будни. Он ушел от деревни, но не пришел к городу. Последние годы его жизни были расто-

чением гения. Он расточал себя. Его поэзия есть как бы разбрасывание обеими пригоршнями сокровищ его души». А Максим Горький в письме Ф. Элленсу с горечью сообщал: «Мы потеряли великого русского поэта...»

Похоронили Сергея Александровича Есенина на Ваганьковском кладбище в погожий день 31 декабря 1925 года.. Ему было неполных тридцать лет. В 1995 году, в столетний юбилей со дня рождения Сергея Есенина, на Тверском бульваре ему был поставлен бронзовый памятник, как он и мечтал.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

* * *

*Гой ты, Русь, моя родная,
Хаты — в ризах образа...
Не видать конца и края —
Только синь сосет глаза.*

*Как захожий богомолец,
Я смотрю твои поля.
А у низеньких околиц
Звонно чахнут тополя.*

*Пахнет яблоком и медом
По церквам твой кроткий Спас.*

*И гудит за корогодом
На лугах веселый пляс.*

*Побегу по мягкой стежке
На приволь зеленых лех,
Мне навстречу, как сережки,
Прозвенит девичий смех.*

*Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!» —
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою».*

* * *

*Заметался пожар голубой,
Позабылись родимые дали,
В первый раз я запел про любовь,
В первый раз отрекаюсь скандалить.*

*Был я весь — как запущенный сад,
Был на женщин и зелие падкий,*

*Разонравилось пить и плясать
И терять свою жизнь без оглядки.*

*Мне бы только смотреть на тебя,
Видеть глаз злато-карий омут,
И чтоб, прошлое не любя,
Ты уйти не смогла к другому.*

Поступь нежная, легкий стан,
Если б знала ты сердцем упорным,
Как умеет любить хулиган,
Как умеет он быть покорным.

Я б навеки забыл кабаки
И стихи бы писать забросил,

Только б тонко касаться руки
И волос твоих цветом в осень.

Я б навеки пошел за тобой
Хоть в свои, хоть в чужие дали...
В первый раз я запел про любовь,
В первый раз отрекаюсь скандалить.

* * *

Шаганэ ты моя, Шаганэ!
Потому что я с севера, что ли,
Я готов рассказать тебе поле,
Про волнистую рожь при луне.
Шаганэ ты моя, Шаганэ.

Потому что я с севера, что ли,
Что луна там огромней в сто раз,
Как бы ни был красив Шираз,
Он не лучше рязанских раздолий,
Потому что я с севера, что ли.

Я готов рассказать тебе поле,
Эти волосы взял я у ржи,

Если хочешь, на палец вяжи,
Я нисколько не чувствую боли.
Я готов рассказать тебе поле.

Про волнистую рожь при луне
По кудрям ты моим догадайся.
Дорогая, шути, улыбайся,
Не буди только память во мне
Про волнистую рожь при луне.

Шаганэ ты моя, Шаганэ!
Там на севере девушка тоже,
На тебя она страшно похожа,
Может, думает обо мне...
Шаганэ ты моя, Шаганэ...

* * *

Цветы мне говорят — прощай,
Головками склоняясь ниже,
Что я навеки не увижу
Ее лицо и отчий край.

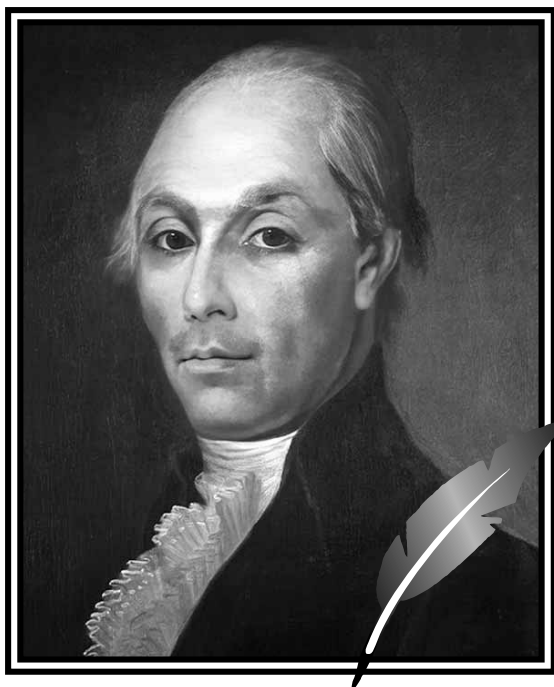
Любимая, ну что ж! Ну что ж!
Я видел их и видел землю,
И эту гробовую дрожь
Как ласку новую приемлю.
И потому, что я постиг
Всю жизнь, пройдя с улыбкой
мимо, —

Я говорю на каждый миг,
Что все на свете повторимо.

Не все ль равно — придет другой,
Печаль ушедшего не сгложет,
Оставленной и дорогой
Пришедший лучше песню сложит.

И, песне внемля в тишине,
Любимая с другим любимым,
Быть может, вспомнит обо мне,
Как о цветке неповторимом. □

Александр Радищев

*«Потомство
отомстит
за меня»*

Александр Николаевич Радищев выступает одной из самых трагических фигур века отечественного Просвещения и русской литературы в целом. Открытый противник само-

державия, человек пытливого ума и обостренной совести, он снискал славу первого российского революционера, будучи сослан Екатериной в Сибирь за бунтарское, в сущности, произведение — «Путешествие из Петербурга в Москву». А там, «во глубине сибирских руд» продолжал писать во многом новаторские философские сочинения о необходимости правильного государственного устройства и отмене крепостного права, политические трактаты и даже стихи...

Его горькая судьба послужила вдохновляющим примером поколениям борцов с самодержавием, а знаменитое «Путешествие» вызвало ряд литературных подражаний. Он способствовал укреплению традиции изображения «внутреннего человека» в нашей словесности (Паскаль-Радищев-Гоголь) и, безусловно, был приверженцем той «внутренней свободы» творца, которую позднее воспел Пушкин.

Примечательный факт. Радищев стал первым русским писателем, чьи произведения запретила цензура, а его обличительное «Путешествие», напечатанное, кстати говоря, анонимно, увидело свет лишь благодаря невнимательности цензора, посчитавшего, что перед ним простой путеводитель.

Александр Николаевич провел в сибирской ссылке долгих пять лет и был помилован вступившим на престол Павлом I, ненавидевшим все дела бабушки. Сын Павла, Александр I, по достоинству оценил Радищева, он пригласил его в свое окружение и сделал членом комиссии по составлению законов. В скором времени Радищев скончался, приняв смертельную дозу яда. Биографы писателя до сих пор спорят, было ли это самоубийством или же нелепой случайностью...

Александр Радищев родился в августе 1749 года в богатой дворянской семье. Детство будущего писателя прошло в родовом имении в Пензенской губернии. Отец был хорошо образован, знал разные языки, много читал и к концу жизни собрал обширную библиотеку. Мать, Фекла Аргамакова, происходила из старинного дворянского рода, связанного с передовой русской интеллигенцией. Ее близкий родственник Алексей Аргамаков стал первым директором Московского университета, открывшегося в 1755 году.

Семья Радищевых была большой и дружной — у Саши имелось десять братьев и сестер. Им всем разрешалось играть с детьми крепостных села Верхнее Аблязово, и народные сказки, песни, «преданья старины глубокой» рано вошли в жизнь будущего писателя. Он упоминает об этих крестьянских сказителях в одной из глав «Путешествия».

В 1762 году юношу приняли в самое привилегированное высшее учебное заведение царской России — Пажеский корпус. Атмосфера его разительно отличалась от той доброжелательной и свободной, что царилла в доме Аргамаковых. В чопорных залах Пажеского корпуса из воспитанников готовили чиновную и офицерскую элиту, обучали их танцам, фехтованию, картографии, придворному этикету, но и прикладным наукам тоже. В 1766-м году Радищев и еще 11 лучших выпускников Корпуса по решению Екатерины II были

отправлены на стажировку в центр европейского просвещения — Лейпцигский университет.

Там они жадно слушали лекции маститых профессоров по философии, праву, логике, математике, изучали иностранные языки, обсуждали сочинения французских просветителей. Именно там Александр почувствовал тягу к литературе и даже начал переводить брошюру А. Гика «Желания греков — к Европе христианской».

В Лейпциге Радищев близко сошелся с самобытным русским философом Федором Ушаковым, приехавшим, как и он, набираться ума-разума в Германию. Однако окончить университет Ушакову помешала внезапная болезнь и смерть. Александр тяжело переживал потерю друга, сохранил его университетские работы и заметки с оригинальными мыслями, опубликовав позднее свое первое сочинение «Житие Федора Ушакова». В 1771-м году срок стажировки истек, и Радищев с товарищами по учебе вернулся в Россию.

В столице империи Александра Николаевича приняли на службу в Сенат с чином титулярного советника. Карьера будущего писателя шла вверх, но служба протоколистом была монотонной и не отвечала пылкой натуре молодого дворянина, поэтому Радищев перешел под крыло генерала Брюса и вскоре получил важное назначение военным проку-

рором (по тем временам обер-аудитором). На этом посту он также показал себя с лучшей стороны, получал похвалы за усердие и трудолюбие, отличался повышенным чувством ответственности.

колаевич неожиданно вышел в отставку и женился на своей давней избраннице Анне Рубановской. Ее родители почему-то долго не соглашались на брак дочери с подававшим большие надежды чиновником, но, в

Путешествие из Петербурга в Москву» Радищев писал почти девять лет, а потом больше года тщетно пытался опубликовать книгу: все московские типографии, к которым он обращался, посчитали ее весьма «опасной». Тогда он открыл собственную типографию в верхних покоях своего дома и отпечатал 650 экземпляров «Путешествия», которые были мгновенно раскуплены.

Его охотно принимали в лучших домах Петербурга, он был вхож в литературные салоны северной столицы, где и увлекся писательством, познакомившись с состоянием дел отечественной словесности. Приятельские отношения с видным издателем и просветителем, а к тому же тайным масоном Николаем Новиковым открыли Радищеву путь как на страницы издаваемого Новиковым сатирического журнала «Живописец», так и во влиятельную масонскую ложу. В журнале Новикова вскоре стали появляться первые сочинения Александра Николаевича из «Путешествия». Причем, казалось бы, «Размышления о греческой истории» и «Офицерские упражнения» отнюдь не предвещали появления знаменитой взрывной книги Радищева...

Резкий поворот в жизни его произошёл в 1775 году. Александр Ни-

конец концов, смирились с выбором девушки.

После женитьбы начался новый виток радищевской служебной карьеры. Его ждали чин надворного советника, должность помощника начальника петербургской таможни, а затем — и ее начальника.

Но вскоре в семье писателя произошла трагедия — супруга Александра Николаевича после тяжелых родов скончалась. Он пребывал в полном отчаянии, благо воспитанием осиротевших детей — дочери и трех сыновей — самоотверженно занялась сестра покойной.

Сам же глава семейства находил забвение от постигшего его горя в неустанной работе. Он дослужился до коллежского советника, получил орден Святого Владимира IV степени, не оставляя при этом литературных занятий. В журнале «Общество

друзей словесных наук», членом которого он состоял, появлялись его политические и философские статьи.

«Путешествие из Петербурга в Москву» Радищев писал почти девять лет и закончил свое произведение в 1788-м году. Подходила к концу эпоха блистательного и неприглядного царствования Екатерины II, сильно изменившейся с возрастом во взглядах и убеждениях. Позади остался ужаснувший ее пожар пугачевского восстания, и она уже не пыталась заигрывать с Вольтером и казаться Европе гуманной и просвещенной российской государыней.

Около года тщетно пытался Радищев опубликовать «Путешествие». Все московские типографии, к которым он обращался, посчитали книгу слишком «опасной». Екатерину взбесили рассуждения о плачевной судьбе русского крестьянства и нелюбимая критика правительства, да еще с эпиграфом, неточно цитировавшим «Телемахиду» Тредиаковского: «Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй». «Да он бунтовщик хуже Пугачева!» — воскликнула она в приступе гнева...

Упорства Радищеву было не занимать, и, чтобы выпустить книгу, он открыл собственную типографию в верхних покоях своего дома на петербургской улице Грязной (ныне улица Марата). Там на печатном станке, выкупленном у книгопродавца Шнора, он и отпечатал 650 экземпляров «Путешествия», получив

Анна Васильевна Радищева

разрешение обер-полицмейстера, который, просмотрев оглавление, решил, что перед ним обычный путеводитель по окрестностям двух столиц в духе весьма популярного тогда жанра сентиментального путешествия (формально книга такому представлению соответствовала!).

Поступив в последних числах мая 1790-го года в книжную лавку, весь тираж был мгновенно раскуплен, и через пару недель о сочинении г-на Радищева уже судачил весь Петербург. Книгу передавали из рук в руки, везли в другие города, восхищались смелостью автора, разделяли и столь же пылко возмущались его обличениями крепостничества.

Уже вечером 30-го июня в дом к Радищеву явилась полиция, арестовала его и препроводила в Петропавловскую крепость. Июль стал для писателя месяцем бесконечных до-

просов, вести которые Екатерина поручила своему главному церберу — Степану Шишковскому, который заведовал в качестве начальника Тайной канцелярии при Сенате политическим сыском и отличался крайней жестокостью. Все найденные экземпляры «Путешествия» были конфискованы и сожжены.

Гневное сочинение Радищева ходило в списках даже после отмены крепостного права, вплоть до Первой русской революции (мизерные сто экземпляров, чудом напечатанные в 1888 году, разумеется, не в счет).

24 июля Александру Радищеву был вынесен приговор: смертная казнь. «Путешествие из Петербурга в Москву» обвинители назвали книгой, «наполненной самыми вредными умствованиями, разрушающими покой общественный и умаляющими должное ко властям уважение, стремящимися к тому, чтобы произвести в народе негодование противу начальников и начальства и, наконец, оскорбительными, неистовыми выражениями противу сана и власти царской». Вот так, ни много ни мало...

Больше месяца Александр Николаевич мучительно ждал в сыром каземате смертной казни (тоже своего рода пытка!). А исполнение приговора все оттягивали, пока в начале сентября ему не сообщили, что императрица милостиво заменила смертную казнь десятилетней ссылкой в Сибирь, в мрачный Илимский острог. На тексте нового приговора рукой государыни было начертано:

«Едет оплакивать плачевную судьбу крестьянского состояния, хотя и то неоспоримо, что лучшей судьбы наших крестьян у хорошего помещика нет во всей вселенной». (Недаром все же Пушкин назвал Екатерину «Тартюфом в юбке».)

Сломленный одиночным заключением и допросами «с пристрастием», Радищев, скорее всего, не доехал бы живым до места ссылки, если бы не вмешательство давнего друга и покровителя графа Александра Воронцова. Тот писал чиновникам губерний, через которые пролегал путь Радищева в Илимский острог, с просьбой обращаться с ссылкой помягче и высылал ему деньги. Хлопотал он в Петербурге и за смягчение приговора.

Сестра покойной жены, Елизавета Васильевна, ставшая предшественницей жен декабристов, с двумя сыновьями Радищева последовала за ним в Сибирь. В Илимске они сочетались браком. Вернуться из Сибири домой ей было не суждено, она умерла в 1797 году в Тобольске. «Почто, мой друг, почто слеза из глаз катится, \Почто безвременно печалью дух крушится?» Но горечь потери родной души вновь не сломила дух писателя.

Александр Николаевич не откладывал перо с того момента, как тронулся в скорбный путь. Писал с дороги Воронцову о своих впечатлениях. Работал над «Записками путешествия в Сибирь», над трудами по истории края, над философским

трактатом «О человеке, о его смертности и бессмертии». Сам он старался сохранить в себе человека и мыслителя, сохранить достоинство литератора и противостоять злосчастной судьбе.

Положенные 10 лет в ссылке Радищев, к счастью, не отбыл. Вступив на престол, Павел I, отменявший по возможности все решения ненавистной ему матери, в 1796 году вернул писателя в Центральную Россию, правда, с распоряжением проживать в родовом имении отца в

крепостного права. За это непосредственный начальник Радищева в Комиссии, граф Завадовский прозрачно намекал ему на возможность повторной ссылки в Сибирь... Радищев, надо отдать должное, не испугался и продолжал писать о своем недовольстве властью. Еще находясь под надзором полиции в фамильном имении Немцово, Александр Николаевич создал экономический трактат, где доказывал политическую необходимость и хозяйственную выгоду освобождения крестьян.

Вскоре к Радищеву явилась полиция и препроводила его в Петропавловскую крепость. Целый месяц продолжались мучительные допросы, после которых Радищеву был вынесен приговор: смертная казнь. Он долго ждал ее в сыром каземате, но исполнение приговора все оттягивалось, пока императрица милостиво не заменила казнь на десятилетнюю ссылку в далекую Сибирь

Калужской губернии, без права покидать усадьбу. Полностью амнистирован Радищев будет уже только при Александре I, который в 1801 году дозволит ему проживать в Петербурге и по ходатайству все того же графа Воронцова привлечет его к членству в Комиссии по составлению новых законов.

Новая ответственная должность воодушевила стареющего писателя, и он с головой ушел в работу над проектом Гражданского уложения, основанного на идеях отмены

После возвращения в Петербург Радищев начал, но не закончил две поэмы из древнеримской истории, в которых довольно точно описывал современные ему события — гибель Павла в результате дворцового переворота и воцарение его сына Александра, ставшего фактически отцеубийцей. «Вождь падет, лицо сменится, \ Но ярем, ярем пребудет...» Смело сказано, очень смело для того времени!

Горечь последних лет жизни провалилась у писателя многозначитель-

ными словами: «Потомство отомстит за меня». И впрямь, потомки воздали должное и его общественно-политической деятельности, и литературному наследию во главе с гневным каталогом российского бесправия — «Путешествием из Петербурга в Москву».

«Уши мои задернулись печалию, и радостный глас нехитрого веселия до сердца моего не проник».

О книге Радищева имеются достаточно пренебрежительные отзывы Пушкина, Толстого... Но она, эта удивительная книга, обращенная тогда, конечно же, не к безграмотным крестьянам, а к власти имущим, дворянскому сословию, вот уже более двух столетий продолжает жить своей особой, сокровенной жизнью, столь радикальная по сути, но разбитая на незатейливые очерковые главы по названиям почтовых станций на тракте меж двух столиц. Вот лишь отдельные из них: «Медное» (о продаже крепостных с публичного торга), «Торжок» (о бесчинствах цензуры), «Чудово» (о безразличном начальнике, способном подвергнуть путников смертельной опасности)...

Заимствуя у Стерна с его «Сентиментальным путешествием» прием комического повествования, автор нашего «Путешествия» одновременно иронизирует над ним, наполняя легкую форму путевых заметок острым политическим содержанием. Такое контрастное совмещение стилей рождает под пером Радищева своеобразный, местами трудный

для восприятия язык, можно сказать, некий литературный гибрид обыденной разговорной речи представителей разных сословий, перемешанной чисто бытовыми зарисовками, либо внезапными диалогами, — и тяжеловесного архаического слога публицистических фрагментов книги, где фраза, по примеру Стерна, зачастую обрывается на полуслове.

Такая умышленная архаизация текста явилась препятствием к пониманию произведения Радищева читателями. Любопытный стилистический эксперимент «Путешествия» они не оценили. Между тем Радищев во многом опередил этой книгой свое время: он ввел в обиход жанр политической публицистики, совмещенный с художественным повествованием. Причем возвышенным предметом описания и рассуждения у него становятся не религия, искусство, деяния царей, но проповедь свободы. Он ведь первым в России в литературной форме не просто осудил крепостничество, но сравнил положение русских крепостных с американскими чернокожими невольниками. Подобное сравнение тогда еще было непривычно.

Новый человеческий тип литературного героя — еще одно бесспорное достижение Радищева. Сочувственно описывает он некоего Крестьянкина (говорящая фамилия!), встреченного им на станции Зайцево и не имеющего реальных прототипов. Этот добродетельный чинов-

ник уголовной палаты оказался бессилён перед жестокой буквой закона и, чтобы не иметь отношения к готовящейся несправедливой казни, подает в отставку. Крестьянкин рассказывает автору случай, когда один дворянин, начинавший придворным истопником, приобрел деревню и обращался со своими крепостными, как со скотом. «Он... отнял у них всю землю, скотину всю у них купил по цене, какую сам определил, заставил работать всю неделю на себя, а дабы они не умирали с голоду, кормил на господском дворе, и то по одному разу в день... сек розгами, плетью, батожем...»

В конце концов отчаявшиеся крестьяне убили и его и помогавших ему в расправе над ними сыновей. Вот этих-то «невинных убийц» и хотел оправдать правдолюб Крестьянкин. (Приведенный эпизод вызвал у Екатерины безудержную ярость еще и потому, что содержал очевидные намеки на придворных фаворитов, которых властители осыпали незаслуженными чинами и званиями.)

Разумеется, уверенность в неизбежности революции совсем не то, что прямой

призыв к ней. Радищев с ужасом предчувствовал революцию и призывал, пока не поздно, изменить существующий порядок вещей.

Внезапная кончина писателя в сентябре 1802 года породила много вопросов. По одной версии, он случайно выпил жидкость, которую его сын приготовил для чистки эполет — смесь соляной и азотной кислоты, прозванную «царской водкой». Официально причиной смерти была названа чахотка.

Похоронили Александра Николаевича неподалеку от Воскресенской церкви на Волковском кладбище в Петербурге. Удивительно, но могила не сохранилась. На стене храма уже в наши дни прикрепили мемориальную табличку: «Здесь на территории Волковского кладбища в 1802 году был погребен писатель-революционер Александр Радищев». □

Ольга — дочь Александра III

*«Дело в почве,
на которой ты вырос,
в вере, в которой
воспитан,
в языке, на котором
говоришь».*

Ольга Александровна
Романова

**Третьего июня тысяча восемь-
сот восемьдесят второго года.
Санкт-Петербург**

Жители столицы, задрав головы
вверх, считали количество залпов,
доносящихся с бастиона Петропав-
ловской крепости:

- Сто один!
- Плоховато это.
- У царя нашинского вновь дев-
ка народилась.

— Первая — багрянородная (рож-
денная уже после вступления отца
на трон).

— Дворцовые судачат, что Оль-
гой нарекли.

— Эх, не видать нам поблажек
и скидок.

— Вот ежели бы на пару сотен
больше залпов с крепости пальнули
за народившегося мальчонку, тады,
мож, кое-кому долги, от царских ще-
дрот списали, иль еще какие милости

на наши грешные души перепали бы. А так что?! Баба, она баба и есть, хоть крестьянка, хоть царишна, — судачили в толпе.

Дело в том, что о рождении ребенка у правящей династии помимо манифеста объявляли при помощи артиллерийских залпов орудий, сто один давали при рождении девочки, а триста один — когда на свет появлялся мальчик. При этом все царевичи и царевны получали при рождении титул великого князя или княгини, со всеми вытекающими от этого последствиями.

Так уж природа распорядилась, что княгиня Ольга не была красавицей.

Царица Мария Федоровна сильно сокрушалась по этому поводу, ведь потенциальные женихи из правящих семей Европы изучали свою возможную избранницу не по портрету, а по ставшей ныне модной фотографической карточке.

Но подрастающую княжну сей печальный факт волновал мало. В круг ее интересов входили не только изготовление новомодных фотографических снимков, но и живопись. Девушка любила изображать на своих полотнах лошадей, рисовала с утра до вечера. Даже на уроках арифметики, постигая азы сложной науки, не расставалась с карандашом, воспроизводя на листе бумаги дикие цветы.

В те безмятежные годы Ольга и представить себе не могла, что это увлечение через много лет даст ей возможность выжить в трудные годы,

а доходы от продажи ее полотен составят основу семейного бюджета.

1901 год. Гатчинский дворец

— Ты знаешь, дорогая, сердце мне подсказывает, что тебя не следует отпускать за границу. Остаешься при мне, не буду я тебя замуж выдавать ни за какого заморского принца, — вздохнув, произнесла вдовствующая мать-императрица и развернула дочь к окну, чтобы лучше рассмотреть.

— Воля ваша, матушка, — прильнула к Марии Федоровне Ольга, — как вы скажете, так и будет. Вдруг мне повезет, и я смогу выйти замуж за того, кого люблю.

— А вот это вряд ли. Мы с твоим братом, императором Николаем, уже подыскали тебе достойную партию.

— И кто же он?

— Твой троюродный брат, герцог Петр Александрович Ольденбургский!

— Но маменька! — Девушка загнулась на мгновение, и ее глаза наполнились слезами: — Ему ведь уже целых тридцать три, и он ни разу не был женат. А мне всего девятнадцать. К тому же о нем при дворе ходит такая нехорошая молва, что я стыжусь произнести ее вслух.

— Возраст мужчины никогда не был, да и не будет помехой к браку. В этом преимущество сильного по-

*Великая княгиня Ольга
Александровна*

ла, — ответила Мария Федоровна, расхаживая по залу. — Это во-первых. Во-вторых, в том, что твой будущий супруг равнодушен к женщинам, я вижу большой плюс. Он не будет тебе изменять. Наконец третье и, на мой взгляд, главное: герцог проигрывает в карты крупные суммы, и твоя задача — избавить его от этого пагубного пристрастия! Давай на этом закончим. Вопрос решен и, как говорят политики, обжалованию не подлежит!

Все так и произошло, Ольгу выдали замуж за герцога Ольденбургского. Этот брак нельзя было назвать счастливым по многим причинам, но главной оказалось то, что

детей от герцога княгиня так и не родила. Всю свою душевную доброту и любовь она отдавала племянницам — дочерям брата, царя Николая II.

— Мадам, прошу вас впредь не донимать меня просьбами сопровождать вас на бал или в театр. Нет у меня ни времени, ни желания на эти скучные и никчемные времяпрепровождения.

— Но не могу же я на них появляться одна, это — моветон, — ответила Ольга и закусила губу, чтобы не разрыдаться.

Заметив это, Петр Александрович неловко улыбнулся:

— Ну, ну, мой друг, не стоит так отчаиваться. Я прикажу моему адъютанту Николаю Куликовскому повсюду сопровождать вас. Более того, с сегодняшнего дня он из казармы переселится в наш дом. Надеюсь, такой вариант вас устроит? И давайте более к этому вопросу никогда не возвращаться. По вашей милости я уже опоздал к началу скачек.

Из воспоминаний Ольги Александровны Романовой:

«Это была судьба. И еще — потрясение. Видно, именно в тот день я поняла, что любовь с первого взгляда существует».

Да, можно сказать, это была любовь с первого взгляда. Но воспитанная на христианских ценностях

княжна Ольга не желала быть обычной любовницей, поэтому неоднократно писала брату-императору письма с просьбой о разводе. Но ни царь, ни супруг не давали своего согласия на расторжение этого странного брака.

Зима 1916 года

Всем известно, что «вода камень точит». В этот судьбоносный для Ольги день император Николай II решил посетить госпиталь, в котором трудилась его младшенькая сестричка.

Нам неизвестно, о чем беседовали брат с сестрой, но, прощаясь, самодержец подарил ей на память свое фото и написанное от руки письмо на английском языке (наверное, из опасения, что посторонние смогут его прочесть). В нем в нескольких фразах была изложена царская воля:

Первое. Брак Ольги Александровны с принцем Ольденбургским отныне считается расторгнутым.

Второе. Император дает свое благословение на свадьбу с полковником Куликовским.

Тринадцать лет ожидания и неопределенности, наконец, закончились!

Однако вместо тихого семейного счастья, влюбленных ждали новые испытания...

1918 год

Княгиня Ольга вместе с мужем и Марией Федоровной оказались в Кры-

С первым мужем герцогом П.А. Ольденбургским

му, занятом большевиками. Всех Романовых и сопровождающих их людей арестовали.

Совет большевиков Ялты настаивал на их немедленном расстреле. Но не успели: весной Крымский полуостров оккупировали немецкие войска...

Ноябрь того же года

Правитель Великобритании, король Георг V прислал за своей родной тетей Марией Федоровной военный корабль. Однако вдовствующая императрица поставила англичанам условие: она покинет родину только вместе со всеми, кто пожелает с ней уехать.

*Акварельные
рисунки
княгини
Ольги Алек-
сандровны
Куликовской-
Романовой*

Ольга с мужем не пожелали. Княгиня очень надеялась на победу Белой армии. Ей с мужем и малышом-первенцем с большими трудностями удалось добраться до ставки Деникина в Ростове-на-Дону. Однако легендарный главком их так и не соизволил принять!

Из воспоминаний Ольги Александровны Романовой:

«Мы рассчитывали, что он проявит к нам сочувствие, но он не захотел сделать этого. Генерал прислал к нам ординарца, который со-

общил нам, что в Ростове мы не нужны!»

И тогда Тимофей Ксенофонович Ящик, царский телохранитель, предложил им перебраться на его малую родину. Где на попутных телегах, а где и пешим ходом, чета Куликовских все же добралась до плодородных кубанских земель. Обосновались в небольшой станице с красивым названием — Новоминская, где и стали ожидать прихода армии Деникина.

Справа:
*Со вторым
мужем
Николаем
Куликовским,
сыновьями
Тихоном
и Гурием*

Словно простая кубанская казачка, великая княгиня Ольга ходила босиком, полола огород, держала скотину, научилась выпекать хлеб в печи, стирать белье в пруду и... конечно... рисовала. Переносила на холст все, что видела вокруг себя. Появилась у нее еще одна огромная забота: родился второй сын, Гурий.

Супруг денно и ночью пропадал в соседнем хозяйстве. Зарплату получал не деньгами, а продуктами и вещами. Ни голода, ни жажды чета Куликовских не испытывали, жили спокойно, по вечерам обсуждая новости о победах генерала Деникина.

На Юге России повсюду бушевала Гражданская война. Брат в смертельной схватке шел на брата, а на рисунках великой княжны возникал умиротворенный сельский быт в сочетании с маленьким, светлым семейным счастьем. Эти «пришлые» ничем не отличалась от обычных станичников. Занятые своими повседневными делами, односельчане даже и представить себе не могли, что рядом с ними живет родная сестра последнего российского императора.

В обыденных трудах и заботах прошел год, но... вместо освободительной армии к станице стремительно приближалась... Армия Красная!

Вот тогда в их семье и прозвучало страшное слово: эми-гра-ция!

Четыре казака, бесконечно преданные царской семье, рискуя соб-

ственной жизнью, сопровождали семью великой княгини. Зачастую ночевать приходилось в заброшенных амбарах и нетопленных хатах. Заглядывая в бледное личико своего малыша, мать не раз задумывалась над тем, сумеет ли он выжить, да и наступит ли конец всем этим мучениям для ее семьи? Однажды им повезло, и они смогли сесть в проходящий мимо поезд, но, узнав, что следующая станция в руках красных, верные казаки успели высадить их. По промерзшему полю кое-как добрались до соседней станции, а уже оттуда, чуть передохнув, и до Ростова.

Февраль 1920 года

Британский корабль дал прощальный гудок и отчалил от берега.

Великая княгиня стояла на холодной палубе и не стеснялась своих слез:

«Мне не верилось, что я покидаю родину навсегда. Я была уверена, что еще вернусь. У меня было чувство, что мое бегство было малодушным поступком, хотя я пришла к этому решению ради своих малолетних детей. И все-таки меня постоянно мучил стыд...» (из воспоминаний княгини)

Великая княгиня Ольга Александровна Романова-Куликовская тихо скончалась 24 ноября 1960 года.

Она пережила своего любимого супруга всего лишь на два года.

Ее скромно похоронили на русском кладбище «Норт-Йорк», в ка-

*Портрет
мужа Николая
Куликовского
с первенцем*

надском городе Торонто, рядом с могилой полковника царской армии Николая Куликовского.

Из газет:

03.04.2024 года.

Русский музей представил 180 рисунков великой княгини Ольги

Александровны, младшей дочери императора Александра III и сестры Николая II.

Помимо коллекции работ августейшей художницы музей получил в дар от Фонда святой Екатерины и около 50 предметов семьи императора... □

Мертвая хватка

В факультетском чате выскочила инфа, что желающие прыгнуть с парашютом могут обратиться в наш Военно-учебный центр. Круто!

Народ среагировал по-разному. Моя заводная Анжелка даже захлопала в ладоши, некоторые стихушничали, а особо «смелые» интеллектуалы стали морщиться: а зачем оно вообще? Но все сразу сообразили, что это идея Кленина.

Наш Кленин — капитан второго ранга, кавторанг, по сухопутному соответствию — подполковник, но на факультете его уважали и за глаза величали «адмиралом». Симпатичный был мужик, доверительный и негромкий, никогда не орал, но как скажет — сразу для нас приказ. Роста небольшого, кителек на нем темно-синий, не новый, но ухоженный, осанка адмиральская, походка вразвалку, морская, возраст адмиральский, под шестьдесят, но наши молодежные анекдоты воспринимал правильно. Было известно, что он служил в разведке, в морской пехоте, и это вызывало у всех уважение. Потому я сразу решил, что прыгну.

Мне было девятнадцать, и эту свою решимость я объясняю тем, что подсознательно стремился поскорее стать мужчиной. Не в смысле секса, а в смысле приобретения мужской крутизны. Испытаний, зарубок на сердце — вот чего мне не хватало для того, чтоб занять желваки на скулах и стать во взгляде. Прыжок с парашютом, думал я, это как раз то самое испытание, которое в обычной студенческой жизни не получишь.

Но радовался я недолго. По дороге домой Степа Мкртчян из арабской группы весьма кстати вспомнил о случае, когда парашют не раскрылся, но парашютист чудесным образом избежал катастрофы, угодив при приземлении на снежный склон. Мне, если честно, как-то сразу не захотелось

спасать свою жизнь таким образом, и я тогда подумал, что вполне могу перебиться без желваков и стали во взгляде.

Короче, я заколебался и в таком настроении явился домой. Тут в дело вступили дорогие родители. Я их, конечно, люблю, хотя они у меня «одуванчики» непростые. Стоило мне за тарелкой борща упомянуть о парашюте, как они в два голоса заголосили, чтоб я и думать о прыжке забыл.

— Зачем тебе это, Евгений? — спросила мама. — Ты что, самый смелый? Калекой хочешь стать? Или, не дай бог, вообще...? — наступала она на меня.

Становиться калекой или, не дай Бог, вообще, не входило в мои ближайшие планы. Ситуацию окончательно усугубил отец. Возможно, предположил он, что наш сын собирается послужить где-нибудь в Африке, где хорошо платят. Насчет «хорошо платят» я бы не возражал и хотел об этом прямо родителям заявить, но меня снова опередил папа и сказал, что я просто хочу набрать очки перед этой своей Светланой. Я не стал их радовать тем, что Светка уже месяц как не со мной, что у меня сейчас Анжелка и молча доедал борщ, удивляясь про себя, как здорово родители обошлись в дискуссии без меня и как толково меж собой договорились, чтобы я не прыгал.

Они совершили роковую ошибку. Знали меня до последней косточки, но не учли, что дух противоречия есть самый сформировавшийся в моем характере элемент и что каждый их аргумент производит во мне обратное действие. А уж последний и категоричный мамин запрет: «Евгений, никаких прыжков не будет!» поставил меня в абсолютно безвыходное положение: я понял, что приговорен к прыжку. Короче, спасибо родителям. Все самое страшное с детьми происходит из-за них. Глубокая мысль. Главное, свежая.

На другой день поступью героя, подписавшего себя на подвиг, я явился к «адмиралу». Кленин пил чай с чабрецом.

— Хочу записаться на прыжок, — сходу произнес я и решительно добавил: — Как сказал, так и будет.

— Молоток, Никашин, — среагировал Кленин. — Первым будешь. Почет!

— Другие ребяташки, готовые к прыжку, тоже есть.

— Уверен? — спросил Кленин.

Не прост был «адмирал», ох, не прост! Что ему мое согласие? По разнарядке сверху ему бы хотелось весь курс приобщить к парашюту. Потому на следующий день он выстроил первокурсников в две шеренги и выступил перед нами с негромким вдохновенным словом. Верная Анжелка держалась со мной рядом и совсем не обращала внимания на Мкртчяна, который на нее косил.

— Здорово, орлы, будущие военные переводчики! — начал Кленин. — Державе нужны отважные парни и девушки — вижу, все вы такие и есть! Давно мечтаете прыгнуть, но скромность вам мешает! Я прав?

Народ загудел, но не опроверг его слова. И «адмирал» нанес последний опрокидывающий удар:

— Короче! Кто из вас трус, кто боится — шаг вперед!

Каждый из нас в строю косился на другого, мы все вместе высматривали того, кто даст слабину, и такого не нашлось. Кленин хорошо знал законы стаи. Здесь и сейчас перед его глазами, а, главное, друг перед другом, никто не осмелился сыграть труса и покинуть строй.

— Молодцы, первокурсники! — подытожил свой триумф «адмирал» и обратился ко мне: — Староста, перепишите людей, и список мне на стол.

Я кивнул и бросил: «Есть, переписать!»

И этого было бы вполне достаточно, жизнь пошла бы своим непредсказуемым чередом по новой дороге, а уж кто бы там прыгнул, кто бы только записался на бумаге, показало бы время. Жаль, мы этого никогда не узнаем, потому что в тот момент я, как психиатрический больной, не отвечающий за свои поступки, отмочил такое, что до сих пор вспоминаю с гордостью и рассказываю детям, как своим, так и детсадовским, которых спонсирую.

— Один вопрос, товарищ подполковник, — вылетело из меня. — А лично вы будете с нами прыгать?

Кленин, надо сказать, слегка опешил. Да я и сам опешил от собственной наглости. Все опешили. Степа крикнул, Анжелка торкнула меня заточенным кулачком в бок. Если бы «адмирал» отшутился или сказал бы нет, число желающих прыгать уменьшилось бы в разы. Но Кленин умел держать удар. Минутная растерянность на лице морпеха сменилась выражением большой любви ко мне.

— Отвечаю лично Никашину, — изрек Кленин, и я подумал, что отныне у меня с военной кафедрой устанавливаются особые доверительные отношения. — Прыгать — прыгну, причем, с удовольствием. С вами, Никашин, персонально прыгну в паре. Наверху посмотрим, какой вы герой. Вы все поняли, староста?

— Так точно, — ответил я. — Один вопрос: а как это прыгнуть в паре?

— Включите голову, Никашин, — ответил Кленин, — тогда поймете.

Я включил голову на полную мощь, понял, что прыжок с «адмиралом» — это что-то очень почетное, и больше вопросов не задавал.

В тот же день нас повезли на инструктаж — первое и, как выяснилось, единственное занятие по теории и практике парашютного дела.

— Сегодня — занятие, завтра — прыжок, — объявил Кленин. — С неба — в бой!

Жужжащей толпой мы ввалились в зал с высоченным куполом и замерли без всякой команды замереть. Из-под самой крестовины купола свешивались к полу четыре толстые, пересекающиеся внизу лямки, а под ними болталось то самое, на чем я должен был высоко и гордо парить над землей. «Извини, парашют, — мысленно сказал я ему, — если честно, в таком виде ты не смотришься.

— Объясняю, — услышали мы голос человека лет сорока пяти, с лицом, уставшим от каждодневного повторения одного и того же недоумкам типа нас. Негромким голосом инструктор принялся демонстрировать на себе то, от чего, как мы сразу сообразили, зависит теперь наша долгая или короткая жизнь. — Прыгать вы будете с самолета, всего с восьмисот метров высоты, это как бы восемь зданий МГУ, поставленных друг на друга... Ранец с основным парашютом находится у прыгающего за спиной. Из него торчит тросик, на конце которого карабин с защелкой. Позитура такая: перед прыжком вы закрепляете карабин в самолете, в момент прыжка тросик выдергивает из ранца парашют, который и должен раскрыться принудительно, без вашего участия, поскольку вы уже в воздухе. Запасной парашют у прыгающего впереди. Позитура такая: ваша левая рука поддерживает запасной парашют снизу, правая рука, сжатая в кулак, лежит на его кольце, вот так. Если основной парашют раскрылся, запасной вам уже не нужен, прыгнувший усаживается на лямки, как в кресло и кайфует. Потому что парашют — это большой кайф...

— Извините, — кинув взгляд на Анжелку, возник въедливый Степа Мкртчян, — у меня вопрос: а что, если основной парашют не раскроется?

— Позитура такая, — ответил инструктор, — вы дергаете кольцо запасного парашюта, он раскрывается, и вы снова кайфуете.

— А если не раскроется запасной? — настаивал Степа.

— Да, такое бывает, и тут главное — без нервов, — кивнул инструктор. — Повторяйте себе, что все идет нормально, подтягивайте к себе нераскрывшийся парашют и бросайте его в правую от себя сторону по ходу вращения. Увидите, он раскроется.

Я сразу представил, как, падая, буду это повторять и, одновременно, подтягивать к себе тряпочку парашюта, но не смог до конца сообразить, какая моя сторона в процессе свистящего падения станет правой и какая — левой. По лицам ребят заметил, что и они одновременно со мной пытаются, но не могут решить этот вопрос.

— А если он опять не раскроется? — добивал инструктора любознательный Степа.

Надо отдать должное инструктору: он обладал колоссальной выдержкой и самоконтролем, чтобы не сорваться и не послать Степу куда подальше. Я бы точно послал.

— Объясняю для не очень умных, — ответил он Мкртчяну. — Позитура такая: вы снова подтягиваете и снова бросаете. Через правое плечо по ходу вращения. В конце концов он раскроется.

— А если вообще не раскроется? Какая будет позитура?

— Очень простая, — ответил инструктор. — В хорошем настроении и без шапки вы идете весной по улице, и вдруг вам с крыши на маковку

падает кирпич. Бабах — и вы отбрасываете коньки. Вероятность, как и с парашютом, практически нулевая, но зато, уж извините, кайф совсем другого рода. Еще вопросы есть?

Вопросов ни у Степы, ни у кого другого практически не осталось, зато у всех возникли мрачные мысли.

— Поскольку вопросы отпали, — сказал инструктор, — займемся главным: научимся складывать парашют. Запомните, господа, каждый прыгающий всегда сам складывает для себя парашют. Это закон. А почему? По глазам вижу, что сообразили: с воздухом шутить нельзя. В случае чего претензии вы сможете предъявить только самому себе. Причем с того света...

Никто из нас даже не улыбнулся на эту, так сказать, шутку. Складывая беспомощные шелковые тряпки в парашютный рюкзак, я почему-то усиленно думал только о том, на какую сумму выставить претензию, и как ее можно будет получить.

На прощание мы поблагодарили усталого инструктора за важные и полезные знания, которые он так тактично донес до каждого любителя воздушного кайфа.

Не буду врать, что обратный путь в автобусе был таким же бесшабашным, как путь туда... Кое-кто пытался шутить, но все чувствовали, что в нашу бесконечную жизнь, как в просторную квартиру, вселилось новое живое существо — страх. За два часа мы узнали слишком много. Страх, понял я тогда, всегда начинается с познания.

— Ну, блин, Кленин, — подвел итог молчавший до сих пор Славка Толченков. — Устроил...

— Позитура, — добавил Степа. — На полные штаны.

Никто не засмеялся, и я подумал, что, если уж такой первоклассный юмор не катит, положение серьезное, и спросил:

— Ну, что будем делать? Прыгать или как?

Я ждал ответа от автобуса. Возникла долгая пауза. Ребята смотрели в окна и шевелили мозгами. Я сравнил колеблющихся с собой и вдруг с гордостью за себя ощутил, что страх во мне обломался. Как решил, так и сделаю — прыгну!

— Лично я завтра прыгаю, — озвучил я свое решение и впервые в жизни почувствовал, как приятно самого себя уважать.

Домой я завалился поздно. Маме сообщил, что жутко устал на фитнесе и немедленно отрубаясь, потому что завтра в универе на первой паре у меня контрольная. Мама все поняла правильно и сказала, что, если завтра я собираюсь совершить прыжок, то я полный идиот, и она с себя ответственность за мой идиотизм снимает. Я хотел ее успокоить, объяснить, что прыгаю не просто так, а под серьезным присмотром, в паре с опытным

«зверем», подполковником Клениным, но делать этого не стал, потому что вовремя сообразил, что жизнь «зверя» маму совсем не волнует.

Спал я, конечно, плохо. Страх, если и был во мне, гнезвился где-то глубоко, в голову я его не пускал. А утром вскочил и сам себе удивился: глаз горел, мышцы звенели, настроение круто лезло на Эверест. Я был в порядке.

Автобус уже стоял на месте, ждал. Почему в путешествия и на тусовки транспорт вечно опаздывает, а на пытки и подвиги — никогда?

Ребят я насчитал человек четырнадцать — вместо записавшихся накануне двадцати трех. Они хохмили, но, судя по их сероватым лицам и проблискам в глазах, ночь им далась непросто. Подскочившая Анжелка сунула мне в ладонь горячий пирожок, но я дома плотно позавтракал, поэтому предпочел пирожку сигаретку, которую стрельнул у Мкртчяна, хотя два года в рот курева не брал.

Мы ждали Кленина, который почему-то не появлялся.

«Наобещал и соскочил? — мелькнула в голове мысль. — Невозможно! Кленин — железо, морпех, разведка, сказал — закрыл тему! А, может, вообще все отменяется? Может, в Тушино снег стеной повалил, у самолета хвост расшатался, парашюты не той конструкции подвезли?»

Секунды бежали, и надежды мои росли. Но они мигом увяли, когда на горизонте возник «адмирал». Его внешний вид вызвал у всех одобрение. Спортивный костюм и куртка. Боевой подполковник, отец, на которого можно положиться.

Кленин крепко пожал мне руку и всем громогласно заявил: «Кто явился — молодцы, остальные — бабы!», но, заметив среди нас девчонок, уточнил, что дело не в штанах и юбках, а в том широком смысле, который вкладывает народ в понятие «не мужик, а баба».

С появлением Кленина стало легче, но все равно страх не отпускал нас с короткого поводка. «Адмирал» в автобусе усадил меня рядом с собой на заднем сиденье и неожиданно предложил:

— Неплохо бы спеть, господа будущие офицеры. Никашин, вы староста, запевайте.

— Что петь, товарищ подполковник, — слегка растерялся я.

— Группу «Крематорий» очень люблю, — сказал Мкртчян. — Хотите?

— Перебор, — поморщился Шленкин.

Тушинский аэродром открылся перед нами с левой стороны. Вертолеты и легкие самолеты на пространстве летного поля, покрытого свежим снежком. А над ним — парашюты в ярко-синем небе. На огромной высоте их обладатели выбрасывались точками из самолета и вдруг разноцветными огнями вспыхивали над ними купола парашютов. Я даже ахнул — это было похоже на настоящий салют! Парашютисты не просто спускались к земле, они кружились, вращались, скользили, исполняли бальный танец в пространстве!

— Спортсмены, — сказал водитель автобуса. — Эти люди страха не знают.

Мы наблюдали, как лихо они приземлялись, как гасили свои парашюты, как перекидывались непонятными словечками, как блестели их глаза и зубы на загорелых неземных лицах. Зрелище нас заворожило, умолк даже шутник Мкртчян со своей любовью к группе «Крематорий». А потом эти «люди без страха» прошли мимо нас. Прошли солидно и неторопливо, как поезд мимо полустанка, останавливаться на котором не имеет смысла. Жителям неба мы были неинтересны. В одну секунду и мне, и всему автобусу захотелось стать такими же, как эти люди неба, нам жутко захотелось прыгнуть. Предчувствие чего-то прекрасного охватило нас, и только одна мысль терзала наше воображение: во что бы то ни стало — прыгнуть!

«Адмирал» повел нас в дальний угол аэродрома, и выяснилось, что прыгаем мы не бок о бок со спортсменами и не с высотного самолета, а вместе с такими же первачками — студентами других вузов. А поднимет нас на неинтересную — после увиденного — высоту восемьсот метров не высотный самолет, а старикашка Ан-2, который кряхтел неподалеку.

По команде Кленина мы рассыпались по полю и, задрав головы, начали охоту на тех первачков, что уже приближались к земле.

Я держал на мушке своего первачка, и, стоило ему коснуться башмаками снега, тут же вырос перед ним и, ткнув пальцем в небо, крикнул:

— Стой! Ну, как оно там?

— Кайф! — ответил первачок.

Я тотчас стянул с него, плохо соображающего, опавший шелковый шлейф основного и нетронутый ранец запасного парашюта и, не чуя ног, кинулся к месту сбора нашей группы, где ребята уже захватили и складывали для себя парашюты.

Я тоже занялся делом, но тут увидел Кленина и водителя нашего автобуса, которые неторопливо курили в стороне. Меня это очень удивило, и я, не утерпев, крикнул:

— Товарищ подполковник, разрешите вопрос! Где ваш парашют? Нам же с вами прыгать!

— Обещали принести, — развел руками Кленин. — Пока не несут.

— Мужики! — обратился я к своим ребяташкам. — У «адмирала» парашюта нет!

Несколько человек поняли меня без объяснений и вместе со мной бросились в поле на новую охоту.

Через десять минут у Кленина было на выбор три парашюта. Он, как мне показалось, слегка озадачился таким выбором и некоторое время оставался в раздумьях. Тогда мы со Степой сами выбрали для него пара-

шют, сами аккуратно сложили и смонтировали и его, и запасной на торсе подполковника.

— Ну, зачем вы, зачем? — то ли от смущения, то ли еще по какой причине повторял «адмирал» и, нервничая, поглядывал на часы. — Ладно. Спасибо, спасибо!

Все! Четырнадцать наших студентов плюс подполковник были полностью экипированы и готовы к великой минуте.

— Равняйся! — наконец скомандовал Кленин. — Смирно!

Мы выстроились перед ним в подобие шеренги, и он объявил, что у каждого еще есть шанс передумать и отказаться от прыжка, и что на принятие последнего решения он дает одну минуту.

Минута пролетела мигом.

Кленин хорошо знал законы стаи и был уверен, что сейчас уж точно никто не откажется.

— Горжусь, — без эмоций оценил он. — Считайте, что зачет вы сдали автоматом.

Затем объявил посадку, и мы двинулись к «Аннушке». Ноги шли, все было классно, но нервная шероховатость момента выбивала из меня вопросы, которые я вовсе не собирался задавать.

— А в Афгане, там, где горы, прыгать, наверное, трудней, товарищ подполковник? — зачем-то спросил я.

— Прыжок, Никашин, он везде прыжок, — коротко отрезал Кленин.

— А скажите конкретно, товарищ подполковник, как это прыгать в паре? В связке, что ли?

— В паре — это в паре, — хмыкнул «адмирал». — Потерпите, Никашин. Немного осталось.

Кашляющий Ан-2 подрулил к месту старта за новой порцией людей. Чья-то рука изнутри отодвинула в сторону входную дверцу самолета. Кленин первым ступил на трап. За ним — я, верная Анжелка, Мкртчян, пессимист Толченев и другие ребята.

Ан-2 не порадовал нас роскошью интерьера. Сплошь темно-зеленое железо, что и снаружи, плюс две железные скамьи вдоль бортов, плюс металлическая штанга над головой, на которую, мы уже знали, цепляются карабины наших парашютов. Короче, салон для первого — последнего подвига вполне подходящий. О подвиге последнем я, конечно, старался не думать, но он упорно лез в голову.

— Группе разделиться на два захода, — услышали мы бас-приказ и обернулись. Даже Кленин послушно обернулся — на борту самолета командовал уже не он.

Лучше бы мы слышали только голос, но когда я увидел того, кому он принадлежит, то подумал: еще неясно, что страшнее: первый прыжок или встре-

ча с владельцем голоса в безлюдном месте вечером. Это был могучий, лысый тяжеловес, с крепкой как ствол березы шеей и круглым как фонарь лицом. Отчетливо виднелись два роскошных шрама — на щеке и на шее. Гладиатор прикрывал собой доступ в кабину пилота. В одной огромной своей клешне он держал кусок пиццы, в другой — бутылку колы.

— Здравия желаю, товарищ подполковник, — приветствовал гладиатор Кленина, после чего разделил нашу девятку на две части: пять и четыре.

Я оказался во второй четверке вместе с Анжелкой, Толченычем, Клениным — с ним мы вообще прыгали в паре, и Мкртчяном.

— Чтоб все у меня делать только по команде! — объявил гладиатор. — Первыми пойдут на цель люди из первой пятерки. По команде встанут, зацепят карабины за штангу, по одному подойдут к открытому выходу и — по команде «Пошел!» — сделают два шага вперед. Все ясно?

— Ясно, — нестройно закричали все, и я в том числе, и только потом понял, куда я должен буду сделать два шага.

— И чтоб руки не распускать! — остерег нас тяжеловес. — Чтоб никаких там хватаний и цепляний за самолет, никаких мертвых хваток, ясно?

Я пытался сообразить, что такое «мертвая хватка», но не успел: гладиатор с березовой шеей продемонстрировал всем свой кулак, и я открыл для себя, что кулак у некоторых людей бывает размером с голову. Потом он постучал по кабине пилота. Автоматическая связь сработала, Ан-2 взревел, как мог, и, потряхивая крыльями, пошел на взлет, незаметно оторвавшись от земли.

— Как чувствуете себя, Никашин? — отечески поинтересовался Кленин.

— Чувствую, товарищ подполковник, бодро, — ответил я и ни капли не соврал.

Вдруг над кабиной пилота замигала красная лампочка, и в салоне самолета раздались отвратительные крякающие звуки. Гладиатор мгновенно поднялся, привычным движением столкнул в сторону овальную боковую дверцу самолета, и в двух метрах напротив меня открылся черно-белый провал в бесконечные десять МГУ. Я знаю, раньше людей в порядке наказания сбрасывали в бездну, но чтоб они прыгали туда добровольно — этого я не знал. И зачем? Мама, может ты была права, когда называла меня идиотом?

Я люблю тяжелый рок, уважаю децибеллы, которые лупят по мозгам, но звук, который ворвался в самолет, был намного круче. Воздух за бортом кипел и пищал как сто тысяч комаров одновременно. Высокие частоты так резали по ушам, что я поначалу зажмурился. Блин, мелькнуло у меня, в этот кипящий и режущий звук я должен сделать два шага?! Я взглянул на подполковника — он сурово взирал сквозь дыру в космическую даль и, должно быть, вспоминал свои афганские подвиги. Что ему этот прыжок? Семечки!

Я сразу повеселел и теперь уже вполне сознательно принял вызов судьбы, сказав себе: «Ответим стальной волей на любой ее вызов!»

— Пятерка — встать! — рявкнул гладиатор. — Защелкнуть карабины на штанге!

Удивительно, но ребята из первой пятерки беспрекословно подчинились. Клацнули карабины на штанге. Хулиганистый Валька Крюков, перекрестившись и придерживая запасной парашют на уровне живота, абсолютно добровольно приблизился к ревущей дыре и на мгновение замер. Валька — герой, — мелькнуло у меня в голове, — он и женился первым на курсе, тоже подвиг.

— Пошел! — крикнул гладиатор.

Валька сделал шаг, второй, оттолкнулся от самолета и... не упал, как положено, вертикально вниз, а, превратившись в клочок бумаги, выброшенной на скорости из окна автомобиля, был унесен куда-то вбок и исчез. Вслед за ним, на глазах нашей ожидающей участи четверки, пропали Мишка Гучанин, Светка Консовская, Славка Кузин, Димка Акжигитов. Все, как один, они были достойными людьми поколения, обещавшими со временем стать украшением страны. Значит, и со мной будет так же? — озарило меня. Так, да не так, ответил я себе. На земле мы все станем героями!

Все правильно, Никашин, улыбнулся мне глазами партнер Кленин, так и будет.

Гладиатор задвинул дверцу и снова взялся за пиццу и колу. «Жуй, милый, — подумал я, — жуй подольше».

— Идем на второй заход, — вдруг объявил гладиатор. — Приготовиться четверке.

Он снова распахнул дыру в борту старика АН-2 и приказал:

— Встать!

Не вопрос, сказал я себе. Безотказные спортивные ноги меня не подвели.

— Защелкнуть карабины! — раздался следующий приказ.

Будьте любезны, сказал я себе и защелкнул карабин на штанге. Все шло отлично, даже весело. Первым у нас шел Степа, второй — Анжелка, третьим — я, четвертым — мой напарник Кленин, пятым Толченых.

— Первый пошел! — сурово приказал гладиатор.

Лица на Мкртчяне не было, но он все же заставил себя подковылять к борту и, подчинившись толчку гладиатора в спину, уронил свое большое тело в пропасть...

— Второй! — объявил гладиатор.

Анжелка легко ступила на краешек борта, обернулась ко мне и во всеуслышание объявила:

— Жду тебя внизу, родной!

— До скорой и радостной, — сказал я и в знак ее поддержки сжал свой кулак. — Через пятнадцать минут у автобуса.

Анжелка улыбнулась и как перышко исчезла в космосе. Хорошая девчонка, успел я подумать, количество плюсов в ее ведомости все-таки больше, чем минусов, но это не значит, что я...

Больше ни о чем подумать не успел, так как гладиатор объявил:

— Следующий!

Все дружно смотрели на меня.

А чего на меня смотреть? — спросил я себя. — Я свое дело сделаю. — И, подмигнув Кленину, спокойно подошел к дверце борта.

— Пошел! — негромко распорядился гладиатор, и я сделал еще полшага к самому краю.

Но вдруг совершенно неожиданно руки мои слетели с запасного парашюта, растопырились крабом на обе стороны и насмерть вцепились в дверной проем. Почему так произошло, я не понял, только сообразил, что совсем нечаянно, блин, сотворил ту самую мертвую хватку, о которой предупреждал гладиатор. Гениальный я парень, сказал я себе. Талантливый. Супер!

— Пошел, твою мать! — перекрикивая друг друга, заорали одновременно и гладиатор, и Кленин, и Толченых. Я разделял их волнение, даже пытался им помочь, но «мертвая хватка» потому и называется «мертвой», что хватает оцепенелыми руками намертво, так что сам творец хватки ничего с ней сделать не может. Опытный гладиатор — ему-то было не впервой! — попытался решить проблему привычным путем. Оттянув свою ногу-пружину, он со всей своей тяжеловесной силой двинул меня чугунным коленом под зад. Я взвыл, но легко выдержал удар и в пространство не вылетел, зато услышал за спиной матерщину гладиатора и негромкий голос Кленина:

— Никашин, сынок, не тормози! Я ведь с тобой в паре прыгаю — ты первый, я синхронно за тобой. И Анжелка внизу ждет. Что ты ей скажешь, если не сдюжишь? А другие ребята? Будут тебя после этого уважать?

И так он по-отечески все объяснил, что меня как-то сразу отпустило. Анжелка — это, конечно, важно, но подполковника я точно подвести не могу. Будь мужчиной, вспомнил я к месту всегдашний отцовский наказ и... сбросил руки с дверного проема.

Фыр! Я, как все, скакнул куда-то в сторону, провалился, кувыркнулся, зажмурился, задохнулся, но стропы парашюта жестко рванули меня за шиворот и перевернули как тряпичную куклу. Падение прекратилось, я повис на лямках как беспомощный червяк.

Нет, господа, я прекрасно повис между небом и землей. Мертвяна уже не увидел, но Анжелку под собой успел заметить, даже помахал ей рукой. Но бог с ней, с Анжелкой, бог с ней, родной, сейчас было не до нее. Кайф начался, самый настоящий кайф! Инструктор с позитурой, рассказывавший

нам о нем, оказался прав. Подтянув ляжки парашюта, я уселся в нем как на троне и стал озирать окрестности, близкое матовое солнце, снежные поля и ледяную реку... Я, свободный орел в поднебесье, парил над землей! Первые минуты полета ты не чувствуешь, что летишь к земле, тебе кажется, что полет будет вечным. В поисках Кленина я взглянул вверх — адмирал уже должен быть в небе, — но сразу его не нашел. Я вращал во все стороны своей сохранившейся головой, но Кленина нигде не обнаруживал. Где же «адмирал»? Отнесло нас друг от друга?

Волшебство кончается, когда ты приближаешься к земле. Она нарастает, закрывает собою пространство и рождает привычные мысли. Главное — грамотное приземление! Я вспомнил инструктора с позитурой. Ноги — обязательно вместе! Коснуться поверхности и сразу упасть на бок! Я все сделал грамотно. И, едва приземлился и затоптал парашют, едва передал его подскочившему ко мне рыжему парню из другого вуза, как услышал знакомый голосок.

— Это было, круто, круто, родной! Мкртчян матерился на всю страну, а я от счастья пела гимн, веришь?

Расцеловав Анжелку, я подумал, что пора знакомить ее с родителями. И вдруг спросил:

— А где Кленин? Где «адмирал»?

— Не знаю, родной, — отозвалась Анжелка и прижалась к мне. — Ты сам с ним прыгал в паре.

Все верно, подумал я. В паре с Клениным прыгал я. Но где он? Вдруг жуткая догадка током пробила мозги. «Запомните, господа, — вспомнились слова инструктора, — любой парашютист всегда сам складывает для себя парашют, чтоб в случае несчастной позитур... претензии... к самому себе».

Синь, солнце, купола, белый снег, прекрасный полет — кайф разом оборвался. Я вспомнил, что парашют Кленину складывали мы со Степой. Две неумехи, которым показали, как это делается, только вчера. Мы сами сложили и сами навесили на «адмирала» два парашюта: основной и запасной. А что если?.. Какое мы право имели складывать парашют? Главное, зачем Кленин доверился нам, двум дегенератам? Его парашют мог не раскрыться. Мы прыгали с ним в паре, значит, пока я балдел в небесном кайфе, Кленин камнем пролетел мимо меня, я просто не поймал его взглядом. А его запасной? Тоже не раскрылся? Не может этого быть! Не может! Не может!

«С воздухом не шути!» — вспомнил я слова инструктора.

Несчастный случай? Что это такое вообще? Откуда он здесь, на этом празднике жизни? Чушь, нелепица, абсурд! Так не бывает! Именно так и бывает, честно сказал я себе.

Собрав парашют и опираясь на Анжелку, которая никак не могла унять в себе фонтан впечатлений, я двинулся по полю в поисках Степы. Двигал

ногами и думал о том, что нам с ним полный абзац: вместе складывали, вместе будем отвечать.

— Что с тобой, родной? — спросила чуткая Анжелка. — Тебе нехорошо?

— Все в порядке, — ответил я, а про себя добавил, что свое состояние занимает меня не сильно, а вот подполковника, своего в доску мужика, мне было жалко до боли. Какая же я скотина, и какой же тупой Степа! В мозгу мелькнула слабая надежда на то, что Кленину, лихому афганцу, удалось упасть на шапку мягкой сосны или в глубокий спасительный сугроб. Он может, может!

Надежда моя лопнула. Я мгновенно вспотел, когда заметил на краю поля машину «скорой помощи», у которой суетились люди. А еще по ходу увидел на поле Степу. Я спешил к Степе, он спешил ко мне, мы встретились на полпути недалеко от самолетов.

— Новый прикол! — орал сияющий Степа. — Автограф филолога на стене универа. «Мичтазбилас, я прыкнул з порошутом!» А? Зацените!

— Ты Кленина видел? — спросил я.

— Нет. А ты?

— Мы тоже не видели, — опередила меня Анжелка, хотя ее никто не просил.

— А это ты видел? — показал я ему «скорую» и толпившихся вокруг людей.

— Какая связь? — начал, было, сообразительный Степа, но тут же переменялся в лице. — Ты чего? С какого?..

— С того самого, — уточнил я. — Кто ему парашют укладывал?

— Ну... ты, — неуверенно ответил Степа.

— Я? Один?

Анжелка ничего не поняла, зато я все понял и пошел к автобусу и «скорой» — идти мне было больше некуда. Рядом со мной шла Анжелка, чуть поодаль плелся Степа, хотя ему волноваться было незачем: следователю он четко покажет, что парашют Кленину складывал я один. А я скажу, как было на самом деле. Что будет, то и будет. Ничего особенного. Похороны «адмирала», суд, тюрьма и кошмар. Мне было очень жалко Кленина, Анжелку, но еще больше — родителей. Я представил себе их на процессе и словно почувствовал, что в момент вынесения приговора один из них точно умрет. Наверное, мама.

Чем ближе мы подходили к автобусу и «скорой», тем тревожней становилось вокруг них людское вращение. Кто-то в темном — понятно, кто — лежал на земле, а над ним суетились врачи. Тело перевалили на носилки и потащили к медицинской карете. Дверцы захлопнулись. Я понял, что опоздал. Может, так и лучше. Ладно, сказал я себе, будь мужчиной, теперь это точно понадобится.

До нашего автобуса оставалось метров, наверное, сто, и я уже различал некоторых своих ребят, топтавшихся на снегу. Я представил себе, какие идиотские вопросы сейчас навалятся на меня, и как я буду на них отвечать. И вдруг — я даже тормознул от изумления — у заднего бампера автобуса я четко увидел две знакомые фигуры. Водила-отставник и... Кленин. Как обычно покуривая, они неторопливо вели беседу.

Блин! По-моему, я даже подпрыгнул — так резко взял старт. Во всяком случае, Степа и Анжелка явно от меня отстали.

«Раскрылся у него парашют! — Только одна мысль вертелась в моей голове: — «адмирал» прыгнул, и все у него в порядке! В полном!»

Я подлетел к ним с таким сияющим лицом, что оба они слегка оторопели.

— Товарищ подполковник, разрешите вопрос! Как же мы с вами так прыгнули в паре, что я вас даже не заметил?

— Вот так и прыгнул, Никашин, — добродушно усмехнулся Кленин. — Затяжным. Плохо смотрели, Никашин.

Я вообще ничего не понял, хотя уже мог бы. Но тут водила все мне, дебилу, объяснил.

— Если подполковники с каждым студентом в паре прыгать будут — армии не хватит. Понял, сынок?

Я замотал головой, что нет, не понял.

Тогда заговорил «адмирал»:

— Ты, Никашин, подумай хладнокровно и ответь, что главное для меня как командира? А я отвечу. Главное, чтобы подчиненный выполнил боевую задачу. Вот. Ты ее выполнил, ты молодец. Поздравляю!

Ни фига мне это не объяснило, только еще больше злость взяла.

— Вы меня обманули, товарищ подполковник! Всех обманули! Перед строем слово давали, что прыгнете! Мы даже парашют на вас надевали! И что? Кто вы после этого, товарищ подполковник? Сами скажите!

Кленин не психанул, не сорвался, наоборот, еще спокойней стал и посмотрел на меня:

— Без хитрости и смекалки, Никашин, в нашем деле никак нельзя, пропадешь. У нас, например, в разведке, на допросе знаешь как? С одним — кофе пьешь, угощаешь сигаретами, а другому — и по сусалам пройти приходится. Смекалку в нашем деле никто не отменял. Вы голову-то включите, Никашин, посмотрите, что в мире происходит.

Он правду сказал: не включалась моя голова. Она была пуста и звенела от обиды. Вот она, твоя мертвая хватка, усмехнулся я про себя, ухватила наверху и держит до сих пор.

Я молча смотрел на Кленина, не зная, что сказать, но спасибо Анжелке, она вовремя меня оттащила и шепнула, что выгляжу я глупо.

Кленин быстро отошел от меня и дал команду на посадку. Ребята попрыгали в автобус и, объятые эмоциями, галдели весь обратный путь. Мишку Гучанина, сломавшего ногу и загремевшего в больничку, конечно, жалели, но как-то вскользь, главной темой было собственное мужество и встреча с небом.

Сутулая глыба сидевшего теперь рядом с водилой Кленина перекрывала мне вид на дорогу. Я видел его непробиваемую спину, видел веселившихся вокруг ребят, и странная мысль вошла в мою голову: прыгнули все пятнадцать, все, кто собирался. А не найдись тогда перед строем Кленин с этим фокусом: прыгнуть со мной в паре, мало кто бы прыгнул вообще. И я бы, скорее всего, не прыгнул. Ну, схитрил он со мной, но ведь фактически во имя общего блага? Значит, если брать по результату, он прав? Отец мой точно бы сказал, что неправ, но такие люди, как мой отец, всегда по жизни в проигрыше. Значит, Кленин прав, приходил я к выводу, но что-то мешало мне сказать твердое «да»...

Доблестные мои родители не поверили, что я прыгнул. Напрасно я битый час пересказывал им детали и подробности — ирония и улыбки, вот как они реагировали. Однако когда к нам приехал старший папин брат Михаил, и отец, как бы между прочим, рассказал ему о моем прыжке, я заметил, как гордо блеснули родительские глаза.

Через полгода Кленин получил полковничьи погоны, а вскоре его куда-то перевели. Ушел он скромно, и больше я его никогда не встречал.

Еще через пять лет я окончил универ. С суахили — хитроумным своим африканским языком, работать не стал, застолбил фирму, производящую мороженое по маминым рецептам, и прилично поднялся.

Однажды пришел ко мне на фирму наш юморист и бывший поклонник группы «Крематорий» Степа Мкртчян. Но я его на работу не взял. Не потому, что верная моя Анжелка вышла за него замуж, клянусь, не потому. А потому, что когда-то, по словам Степы, парашют для Кленина складывал только я один. Такую смешную деталь я забыть не смог.

Как не смог забыть и свой первый и последний прыжок в паре. Теперь мне тридцать шесть, и у меня семьдесят прыжков, спасибо Кленину, я это дело полюбил. И ему же спасибо за то, что я, наконец, понял, что вся наша жизнь есть, один к одному, прыжок с парашютом. Сначала ты благостно плывешь в воздухе, тебе кажется, что так будет всегда, и от невыразимой легкости дыхания ты кричишь как счастливая птица, а потом ты утыкаешься взглядом в землю, сталкиваешься с ней и, чтобы выжить, тебе приходится включать голову и иногда давить в себе тошноту.

Завидую пилотам и другим воздухоплавателям, которые большую часть жизни проводят в чистом небе... □

СНИЛСЯ МНЕ САД...

Марина Бойкова

На своем журналистском веку мне довелось встречаться с представителями самых разных профессий. А вот садовников среди них не было — до этого памятного дня в петербургском Ботаническом саду Петра Великого. Вспоминаю сейчас красоту этого места и людей, ее создающих, и с трудом удерживаюсь от высокопарных слов, они рвутся из моего сердца. Однако сами они точно не захотели бы никакой патетики в свой адрес, поскольку очень-очень скромные.

Главный же герой — сам Сад, отмечающий в 2024 году своеобразный юбилей — 310 лет. Созданный по указу Петра как Аптекарский огород «для сеяния на нем лекарственных трав и цветов», за три с лишним века он не раз оказывался на грани исчезновения. Однако сберегли красоту добрые люди! И сегодня петербургский Ботанический сад не только старейший в России, но и один из богатейших по количеству и качеству коллекций.

Во время прогулки по этому волшебному уголку в центре мегаполиса мой «экскурсовод» Владимир Михайлович Рейнвальд, ведущий агроном, куратор коллекции «Сад непрерывного цветения», то и дело наклонялся то к одному цветку, то к другому, что-то поправлял. Одним словом, продолжал работать. А я, попутно задавая вопросы, одновременно пребывала в двух состояниях: восторга от окружающей красоты и нарастающего уважения к этому 79-летнему, по-юношески стройному человеку, к его делу и судьбе, сложные перипетии которой по ходу разговора становились мне известны. Однако какая опасная и интересная профессия — садовник! Но его рассказ я приведу чуть позже...

«Ты обратила внимание, какие у Вероники руки? Очень красивые — руки человека, работающего с землей, и никакого маникюра!» — сказал мне Владимир Михайлович, приведший меня в Сад и познакомивший с его хранителями. Признаюсь, на руки я не посмотрела, меня привлекли глаза молодой садовницы — удивительного зеленого оттенка. Говорят же, что у людей, на чью заботу растения особенно отзывчивы, «зеленые пальцы». Но может, и зеленые глаза определяют этот природный дар?

Вероника Рыбальченко — представитель самого молодого поколения здешних волшебников. Пришла в Ботанический сад сезонным садовым работником весной 2018 года после окончания лесотехнического университета. Надо сказать, их, молодых ребят, я наблюдала на территории повсеместно — пробежали мимо с тачками, что-то делали среди посадок... Тоже «сезонники», подрабатывающие здесь в теплое время года. Вероника была одной из многих, но ее за трудолюбие и старание отметил Владимир

Михайлович и поспособствовал тому, чтобы девушку взяли на «постоянную ставку». Через год Веронику повысили до агронома. Сейчас на ней ответственность за участок «Степь» и две альпийские горки из пяти (Европа

призвание — хранить и выращивать сад? И Вероника удивила больше всех. Она — коренная петербурженка, чей «зеленый мир» с детства ограничивался комнатными растениями, а потом небольшим газоном

и Северная Америка), представляющих собой коллекции-экспозиции высокогорных травянистых растений открытого грунта. А вообще в саду представлены и Альпы, и Кавказ, и Гималаи, и Северная Америка... И все требует прополки-прополки-прополки... Да и много чего еще. Какой уж тут маникюр.

Я в этот день всем своим собеседникам задавала один и тот же вопрос: как судьба вывела их на это

возле родной многоэтажки. Не было ни родительской дачи, ни деревенской бабушки, у которой бы проводила будущая садовница каникулы. Но, оказывается, достаточно цветка на подоконнике, чтобы любовь к природе возникла, потом крепла на газоне, на котором городская девочка высаживала уже садовые растения, и окончательно утвердилась как жизненный путь на школьных уроках биологии. Отсюда и выбор вуза.

А вот у Владимира Михайловича история иная (как раз время к ней приступить), и такая, что ее непременно нужно рассказать с самого начала. Вернее, пусть он сам расскажет:

— Я родился в Сибири, куда по причине немецкой фамилии в начале войны выслали отца с молодой женой, моей матерью. Отец работал шофером на шахте имени Сталина в Кемеровской области, возил пленных немцев, потому что немного знал язык.

А вообще мои родители — коренные петербуржцы. Тут жило много наших родственников, обе бабушки. Одна не пережила блокаду — ушла в город, и больше ее никто не видел, видимо, покоится где-то в общей могиле.

В послевоенные годы родители пытались вернуться в Ленинград, но не смогли — отправились «на сто первый километр». Это район Сосново, бывшая финская территория. В сороковом году по итогам совет-

ско-финляндской войны эти земли перешли к СССР, и когда финны отсюда уезжали, то поджигали все дома, все постройки. Зато остались сады. Я маленьким гулял по ним, совсем заброшенным. Помню, увижу красивые лилии, ирисы — выкопаю и тащу домой, сажаю на своей клумбе. Еще и соседи похваливали: «Ой, как у Володи кирпичики красиво уложены! Какая у него клумба!» А я и горжусь... Куплю какую-нибудь книгу по цветоводству — зачитаю до дыр. Все конспектировал и вел записи — что высадил на своем участке, когда зацвел, например, гладиолус Арабская Ночь, какой он высоты, какого размера... Я маме из армии писал: «Мама, что там у меня цветет?» Она отвечала: «Да какая-то кувшиночка». Ну, думаю, мама дает — тюльпан кувшиночкой назвала! Хотя понятно: нас, детей, у нее было пятеро, я старший — некогда ей было вникать в науку ботанику. Да и жила наша семья в какой-то финской завалюхе, не в доме, а в пристройке, которую, видимо, по причине ветхости финны даже жечь не стали. То есть много было забот у мамы...

Между прочим, из тех моих детских и юношеских записей кое-что сохранилось. Иногда просматриваю их и удивляюсь — боже, какой я был наивный!

После армии стал работать в нашем совхозе. Однажды вызывает меня директор: «Поедешь учиться в сельхозинститут за счет совхоза». Директор был фронтовик, уже пожилой, и ему, видимо, хотелось, чтобы кто-то из молодых нашел свой путь в

жизни. Я учился в городе Пушкине и после получения диплома честно отработал несколько лет агрономом в родном хозяйстве. Однако отработал не до конца положенного срока: моя первая жена, очень ловкая женщина, добилась, чтобы мы переехали в Ленинград, вернее, в город Павловск, и чтобы я получил возможность работать в Ботаническом институте. За все это я очень ей благодарен, хотя мы и разошлись довольно быстро.

Помню, вставать приходилось в 5 утра, чтобы ехать на работу в Ленинград, но я был счастлив. С тех пор в ботаническом саду, который является подразделением нашего института, и тружусь. Практически всю жизнь.

Не подумайте, что это был монолог. Владимир Михайлович — человек немногословный, скромный, поэтому потребовалось задать много вопросов, чтобы добыть сведения. И сразу предупрежу: это лишь начало увлекательной биографии садовника Рейнвальда.

Кстати, о его скромности. Владимир Михайлович по сей день живет в коммуналке и абсолютно, как выражаются молодые, «не парится» по этому поводу. Главное, говорит, что дом — рядом с садом, буквально через дорогу.

Похоже, что все, кто трудится в этом ботаническом саду, — бессребреники, беззаветно любящие свое дело. Иначе как объяснить многолетнее служение «зеленому миру» за очень скромную зарплату? Ирина Андреевна Коршунова, ведущий специалист, заведующая тремя оранжереями

с коллекциями цитрусовых, камелий, хвойных, пальм и «прочих пришельцев» (в основном из Юго-Восточной Азии) печалится как раз по поводу того, что из-за маленьких зарплат (а труд тяжелый и требующий полной самоотдачи) молодежь у них не задерживается. И что на все оранжерейное хозяйство (25 оранжерей) у них сейчас меньше сорока работников, а это мало, и большинство — пенсионного и предпенсионного возраста.

На мой вопрос о пути в профессию и предположении, что ее, горожанки, любовь к «травинкам и былинкам» тоже возникла каким-то небывалым образом, Ирина Андреевна ответила так:

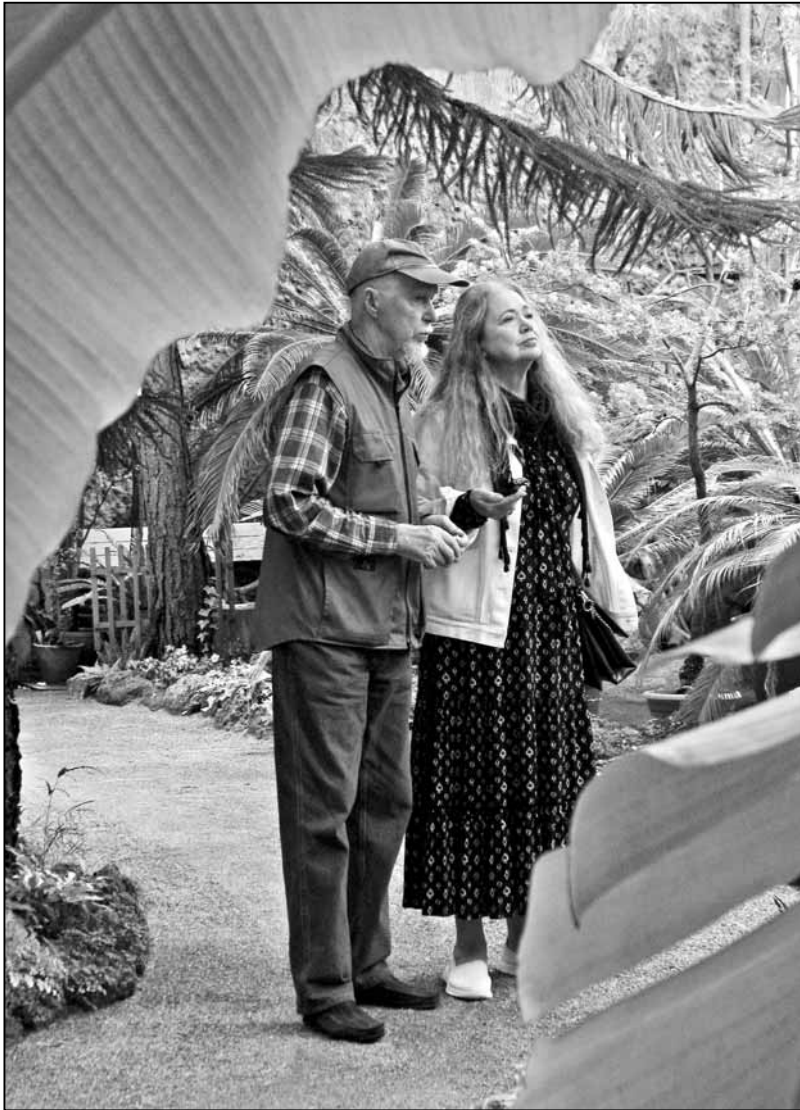
— Я не совсем горожанка, потому что в детстве по полгода жила на хуторе в Эстонии, бродила по лесам, ходила на лесное озеро, а там — прозрачная вода, белый песок на дне, кувшинки... Все это запало в душу. После школы я не набрала баллы в медицинский институт и пошла работать в ботанический сад Ленинградского государственного университета. Через год стала студенткой вечернего отделения биофака, окончила кафедру ботаники. С тех пор занимаюсь тем, что мне ближе всего, — работаю непосредственно с растениями.

В этот день я отвлекла Ирину Андреевну от важного дела: стояла благодатная прохлада, подходящая для пересадки «страждущих» растений, и заведующая с небольшой группой подчиненных спешила этим обстоятельством воспользоваться. Я, видя вокруг шикарные «джунгли», буйство

сочной тропической и субтропической зелени, поинтересовалась, чем же опасна жара для «подопечных» Ирины Андреевны?

— Условия здесь для наших растений абсолютно не подходящие, — ответила она. — Вот вы говорите «зелень пышет», но нам для этого приходится прикладывать столько усилий! Могло быть гораздо лучше,

но, к сожалению, техническое состояние оранжерей никуда не годное. Мы здесь под сотовым поликарбонатом как в огуречном парнике. Нет достаточного проветривания, а оно субтропическим растениям необходимо, без него растения перегреваются, страдают, болеют. Раньше, еще до революции, коллекцию субтропических растений вывозили «гулять» на улицу, для этого существовали специальные рельсы, вагонетки. Сейчас такого нет. И нет площадей, куда можно было бы их вывезти, все занято другими коллекциями. Проблему можно решить правильным устройством оранжерей, чтобы они эффективно проветривались. Грядут ремонты, и мы надеемся, что наши пожелания будут учтены. Хотя и пребываем в большой трево-

ге от того, как переживем ремонт и какой получим результат.

Однако были у сада проблемы еще более серьезные — в 90-е годы, которые Владимир Михайлович называет жуткими. Тогда вообще стоял вопрос о выживании. Сотрудники, практически ничего не получая за свой труд, героически сберегали коллекции. А чтобы их дети не голодали, подрабатывали на стороне. Владимир Михайлович, например, таскал тяжеленные носилки с гранитным отсеком на стройке «нового русского». Потом тучи над садом еще более сгустились: предприимчивые люди решили устроить на его территории «зону отдыха» с кафе и прочими увеселительными атрибутами, облюбовали место у здешних прудов, привезли доски, бревна, сделали большие помосты — стройка началась. И тогда «ботаники» поднялись на бой! И отстояли свой сад...

А вот советский период Владимир Михайлович вспоминает добрым

словом. Тогда ленинградские садовники дружили с садовниками всего СССР и особенно тесно и плодотворно — с коллегами из Прибалтики. Обменивались и знаниями, и растениями. Где сейчас та дружба?.. Однако, как рассказывает Владимир Михайлович, уже в 80-е годы, читая лекции по садоводству и цветоводству в Доме природы, он стал замечать, что слушателей все чаще интересует, где и за сколько можно купить те или иные «модные» растения. То есть на его лекции приходили люди уже новой формации — дельцы, имевшие к цветам сугубо корыстный интерес. И эти господа лектору не нравились, потому что садовник Владимир Михайлович Рейнвальд был и остается чужд любой корысти.

Благодаря знакомству с ним я узнала, что садовник — это не только

тот, кто обихаживает и бережет растения. Садовник — это еще экспериментатор, исследователь и первооткрыватель. Более того, эта профессия сопряжена с опасностями и приключениями! А сделала я такой вывод из рассказа Владимира Михайловича:

— Меня четыре раза отправляли в командировку на Дальний Восток. Помню, приехал на Сахалин, а там в сопки, в горы нельзя ходить одному — велика вероятность встретить медведя. Местные говорили: медведи, особенно по весне, когда голодные, нападают на людей, выедают животы, а остальное бросают. Но и летом такое случается. Как раз июль был. Но разве меня удержишь? Уж очень хотелось найти какие-нибудь редкие, а может, и неведомые никому расте-

ния. Пошел. И действительно встретился с мишкой. Он сидел в кустах и ел, чмокая, малину. Как я от него бежал! Но потом, куда только там не ходил, медведя больше не встречал, а вот змей видел много.

Помню, показали мне тропку на пик Чехова, сказали, иди по ней и увидишь редкие растения. Я пошел, но того, что искал, не обнаружил. Подумал: нет, надо идти не по тропке. А там очень густая растительность, двухметровые травы. Продирался через них напролом — и нашел! Вообще из командировок на Дальний Восток в наш ботанический сад я привез очень большую коллекцию. В том числе сакуру и одну никому не известную тогда разновидность лоха многоцветкового — это красивый ягодный кустарник с плодами размером со сливу. Я назвал его

«урожайный Вавилова», сейчас его разводят многие садоводы-любители. Но я не стал это растение как бы записывать на свой счет, собирать для этого какие-то комиссии. Понимаете? Я подумал: а кому это надо? Растет куст и растет. Если людям нравится, пусть пользуются.

А как чудесна услышанная мной в тот день от Владимира Михайловича «лавстори» про дикие российские лилейники и культурные американские! Последние — красивы, обильно цветут, но не пахнут, а наши — хорошо пахнут, однако внешность и другие показатели подкачали. И что сделал садовник-экспериментатор Рейнвальд? Он взял дикий лилейник, женское растение, и опылил его мужским растением — «американцем». «Дикарка» была рыжая, а «амер-

риконец» — розовый с пятнами. Получились лилейники, которые всем понравились, — они ранние, обильно цветут и с хорошим запахом. Вот только их цветом — красным — Владимир Михайлович остался недоволен. Он считает, что этот «плод любви» мог бы быть и поэффектнее.

Вот так, беседуя, шли мы по саду — мимо гряды шикарных пионов, вдоль рабатки с ирисами, флоксами и хостами... Владимир Михайлович задерживался на несколько секунд то у одного цветка, то у другого: «Видите розовые маки? Мне их семена прислали из Донецка. Очень красивые! А этот сорт ирисов называется «Танцуй еще раз», потому что они дважды цветут. Немцы создали... Обратите внимание на те пионы. Они необычные. Это один японец скре-

стил древовидные пионы с травянистыми. Другие пытались — не получалось, а у него получилось. Сорт называется Ито — по фамилии того японца...»

Не уверена, что полученные знания задержатся в моей голове, но то, что я не забуду людей, с которыми посчастливилось встретиться в этот день, не забуду дорогу в сад — это абсолютно точно.

А закончить хочу цитатой, обнаруженной мною уже в процессе написания этого текста. Принадлежит фраза, показавшаяся мне удивительно точной, британской актрисе Одри Хепберн. Вот она: «Посадить и хранить сад — значит, верить в завтрашний день»... □

Фото Евгения Сладковского

Светлана Марлинская

Дочь Карамзина

Первый раз знаменитый российский историк Николай Карамзин женился в 35 лет. Его избранницей стала Елизавета Протасова, соседка по имению. По его же словам, он «тринадцать лет знал и любил ее». Однако их семейное счастье продлилось недолго. Через год после свадьбы его любимая умерла. В марте 1802 года произвела на свет дочь, а в апреле скончалась от послеродовой горячки.

Дочку называли Софьей. Она была в меру шаловливой, миловидной, грациозной и общительной барышней. По воспоминаниям ее современников, она целыми днями, надевая старые башмаки, возилась в огороде, а по вечерам рассказывала близким свои сны. А еще обожала верховую езду. Увлекаясь английскими романами, иногда останавливала свою лошадь и кричала:

— Вон, смотрите, совсем тот вид, каким восхищалась леди Камилла!

С мачехой Софью связывала дружба, хотя в романе «Пушкин» Тынянов зачем-то вывел ее несчастной жертвой недоброй мачехи. Часто падчерица и мачеха вместе встречали гостей в доме Карамзиных. Салон, организованный Екатериной Андреевной, вскоре стал самым популярным в Петербурге. Его называли в обществе «то муз приют семейный» — все чувствовали себя здесь по-домашнему уютно и непринужденно. После смерти Карамзина в 1826 году Екатерина Андреевна сумела ради детей сохранить салон, а его душой была Софья Николаевна, которую друзья в шутку называли «Самовар-паша», так как она всегда сама разливала гостям чай. Частыми гостями здесь были Пушкин, Жуковский, А.И. Тургенев, князь Вяземский, Лермонтов. Поэт вообще был очарован Софьей, и хотя она была на 12 лет старше его, их связывали очень теплые отношения. По просьбе бабушки Лермонтова Софья даже хлопотала за него перед царем, чтобы тот простил поэта. А он оставил как-то в ее альбоме такие строки: «Люблю я разговоры ваши, и «ха-ха-ха и хи-хи-хи»...

Софья Николаевна Карамзина родилась 5 (17) марта 1802 года в фамильном имении при селе Покровское (Бортное) Мценского уезда Орловской губернии. Рождение дочери крайне обрадовало Н.М. Карамзина, в письме И.И. Дмитриеву он писал: «Милый друг, я отец маленькой Софьи. Лизанька родила благополучно, но еще очень слаба. <...> Я уже

люблю Софью всею душою и радуюсь ей».

Однако вскоре у Елизаветы Ивановны развилась «послеродовая горячка», как в то время называли послеродовой сепсис, от которой она скончалась.

«Я лишился милого ангела, который составлял все счастье моей жизни, — писал Карамзин своему

брату. — Судите, каково мне, любезнейший брат. Вы не знали ее; не могли знать и моей чрезмерной любви к ней; не могли видеть последних минут ее бесценной жизни, в которые она, забывая свои мучения, думала только о несчастном своем муже... Все для меня исчезло, любезный брат, и в предмете остается одна могила. Стану заниматься трудами, сколько могу: Лизанька того хотела».

*Николай
Карамзин*

Некоторые исследователи сходятся во мнении, что именно в честь своей первой возлюбленной Карамзин назвал героиню сентиментальной повести «Бедная Лиза».

Но вдовствовал Карамзин недолго. Второй его музой стала Екатерина Колыванова, внебрачная дочь князя Андрея Вяземского.

«Погруженный 18 месяцев в глубочайшую печаль, я снова нашел в

себе способность к тому, чтобы любить и быть любимым. Я смею еще надеяться на счастье... Моя первая жена меня обожала; вторая же выказывает мне более дружбы. Для меня этого достаточно...» — признавался он в одном из писем.

Начиная с 1804 года, каждое лето Карамзины проводили в усадьбе Остафьево, а зимой жили в Москве. Сначала в доме на Большой Дмитровке, а потом на Воздвиженке. В 1816 году они переехали в Петербург, где 30 августа 1821 года Софья была пожалована фрейлиной двора и по своему положению имела доступ к царской семье. Этим, видимо, и объясняется сохранившееся письмо весны 1841 года от бабушки Лермонтова Е.А. Арсеньевой с просьбой похлопотать о прощении внука, возвращавшегося из краткого отпуска в ссылку на Кавказ.

Салон Карамзиных существовал до 1851 года.

По словам А.Ф. Тютчевой, этот салон *«был одним из самых привлекательных центров петербургской общественной жизни, истинным оазисом литературных и умственных интересов среди блестящего и пышного, но мало одухотворенного петербургского света».*

А В.А. Сологуб писал: *«Здесь... царствовал элемент чисто литературный... Все, что было известного и талантливого в столице, каждый вечер собиралось у Карамзиных; приемы отличались самой радушной*

простотой; дамы приезжали в самых простых платьях, на мужчинах фраки были цветные, и то потому, что тогда другой одежды не носили».

Дав обет никогда не разлучаться, супруги Карамзины были верны ему до конца своих дней. В лице Екатерины Колывановой «граф истории» обрел не только любящую жену, но и доброго советчика и помощника. Екатерина Андреевна участвовала

Софья Николаевна Карамзина была в отличие от своих младших сводных сестер барышней слишком серьезной и замуж не стремилась. Некоторые исследователи полагают, что она была влюблена в Михаила Лермонтова.

Михаил Юрьевич был представлен Карамзиным 2 сентября 1838 года на их даче в Царском Селе, и в тот же вечер Софья Николаевна «вальсировала с Лермонтовым».

Софья была в отличие от своих сводных сестер барышней слишком серьезной и замуж не стремилась, но некоторые исследователи полагают, что она была влюблена в Михаила Лермонтова.

Поэт был представлен Карамзиным на их даче в Царском Селе, и в тот же вечер Софья «вальсировала с Лермонтовым», как позже сообщала сестре. Дом Карамзиных Лермонтов предпочитал многим светским гостиным, он был очарован сердечностью и доброжелательностью членов этой семьи и, конечно, их высокими духовными интересами. Покинув Петербург и уехав на Кавказ, он писал Софье Николаевне: «Пожелайте мне счастья и легкого ранения, это все, что только можно мне пожелать». Это письмо было последним...

в его работе над «Историей государства российского», правила корректуру и считывала привозимые из типографии экземпляры. При этом она слыла отличной матерью. В их союзе родилось девять детей.

Их взаимоотношения открыли Карамзину секрет гармонии: «Жизнь мила, когда человек счастлив домашними и умеет работать без скуки».

В дни начала знакомства с Лермонтовым Карамзины были заняты подготовкой к празднику в дворцовом манеже — своеобразному маскараду наездников и наездниц — «карусели» — и готовились к домашнему спектаклю.

Лермонтов сразу же был приглашен принять участие и в «карусели», и в спектакле и начал активно участво-

вать в репетициях. Но 22 сентября за появление на разводе с детской игрушечной саблей он был посажен под арест, где просидел 21 день, и праздники прошли без него. Зато потом в Петербург он возвратился в сопровождении Софьи Николаевны и друзей.

Дом Карамзиных Лермонтов предпочитал многим светским гостиным; он был очарован сердечностью, доброжелательностью и непосредственностью членов этой семьи и, конечно, их высокими духовными интересами. У Карамзиных собиралось многочисленное, но избранное общество. Здесь 29 октября Лермонтов прочитал свою поэму «Демон». Софья Николаевна писала сестре: «Ты скажешь, что название избитое, но сюжет, однако, новый, он полон свежести и прекрасной поэзии. Поистине блестящая звезда восходит на нашем ныне столь бледном и тусклом литературном небосклоне».

Позднее здесь читались и страницы «Героя нашего времени», и новые стихи.

Софья Николаевна была увлечена поэзией и личностью молодого поэта. К тому времени она уже достигла «бальзаковского возраста», но не ощущала бремени прожитых лет. Как будто оправдываясь в чем-то, однажды Софья написала сестре: «Мне нужно было бы копаться в самых сокровенных уголках души, чтобы найти там причины недовольства своей судьбой, — и даже тогда я могла бы противопоставить этому чувству неизменно хорошее здоровье,

душевную ясность, совершенно не зависящую от моей воли, и вытекающие отсюда тысячи радостей, которые доставляет мне каждый день».

Ее неистощимое жизнелюбие заражало окружающих. Даже злоречивый Ф.Ф. Вигель говорил ей:

«Не иначе как вы владеете неким притягательным талисманом; из всех знакомых мне женщин вас любят больше всех — а, между тем, вы многих обижали, одних по необдуманности, других по небрежности. Я не нахожу даже, чтобы вы когда-либо особенно старались быть любезной. И что же? Вам все это прощают; у вас такой взгляд и такая улыбка, пред которыми отступают антипатия и недоброжелательство».

Ее талант «громко говорить то, что думаешь, даже в присутствии человека, о котором она говорит», и не наживать себе врагов отмечала и М.А. Щербатова. Однажды, не желая того, Софья ранила самолюбие столь любимого ею поэта. В письме к сестре она рассказывала, что по ее просьбе Лермонтов написал в ее альбоме стихи, сказав: «если стихи мне не понравятся, порвать их, и тогда он напишет мне другие. Он не мог угадать вернее!»

Стихи Софье Николаевне не понравились, она вырвала из альбома этот лист и, разорвав его на мелкие кусочки, бросила на пол. «Он их подобрал и сжег над свечой, очень сильно покраснев при этом и улыбаясь, признаться, весьма принужденно. Маменька сказала мне, что я со-

шла с ума, что это глупый и дерзкий поступок, словом, она действовала столь успешно, что довела меня до слез. Но Лермонтов сказал, что благодарен мне, что я верно сужу о нем, раз считаю, что он выше ребяческого тщеславия. Он попросил обратно у меня альбом, чтобы написать что-нибудь другое, так как теперь задета его честь». (Вместо не понравившихся Софье стихов Лермонтов вписал в альбом стихотворение «Любил и я в былые годы...»)

В салоне Карамзиных Лермонтов продолжал бывать до последнего отъезда из Петербурга. В апреле 1841 года Карамзины устроили прощальный вечер для поэта, уезжающего на Кавказ. По словам В.А. Соллогуба, «в этот вечер растроганный вниманием к себе и непритворною любовью избранного кружка, поэт, стоя в окне и глядя на тучи, которые ползли над Летним садом и Невою, написал стихотворение «Тучки небесные, вечные странники!..» Софья Карамзина и несколько человек гостей окружили Лермонтова и просили прочесть только что набросанное стихотворение. Он оглядел всех грустным взглядом выразительных глаз своих и прочел его. Когда он кончил, глаза были влажные от слез...»

Софья Николаевна подарила ему на счастье кольцо. По свидетельству многих очевидцев, Лермонтов во время прощального вечера был очень грустен, говорил о близкой смерти и еще больше расстроился, когда кольцо выпало у него из рук.

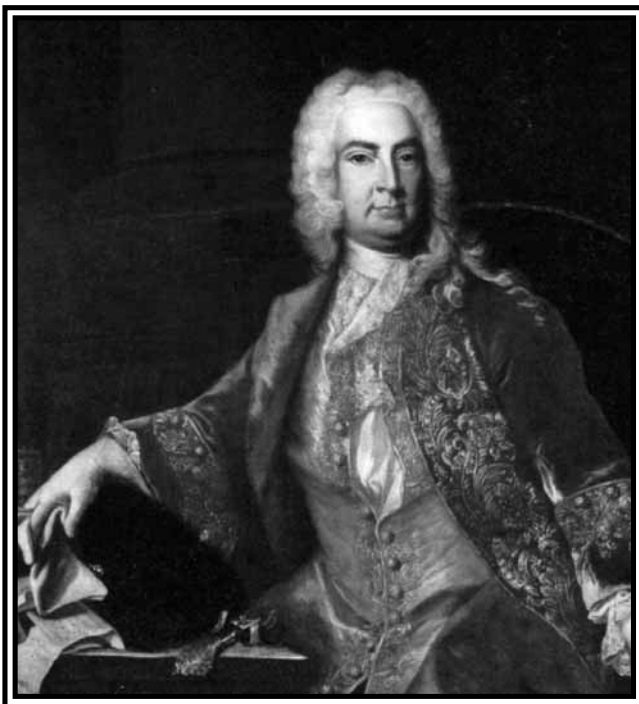
Несмотря на поиски многих людей, слышавших, как оно катилось по паркету, кольцо найти не удалось...

10 мая 1841 г. Лермонтов писал Софье Николаевне из Ставрополя:

«Пожелайте мне счастья и легкого ранения, это все, что только можно мне пожелать».

Это письмо было последним к друзьям в Петербург.

Шло время, многое менялось в жизни. Не стало Лермонтова, на Кавказе в бою с горцами погиб любимый брат Андрей. Его гибель так потрясла Софью Николаевну, что «беззаботная и разговорчивая», она впала в меланхолию и в таком состоянии прожила до самой своей кончины. Умерла она в 1856 году в Петербурге и завещала похоронить себя рядом с матерью, которой совсем не помнила... Похоронили ее на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры. □

Судьба А.П. Волынского привлекала не только потомков, но и современников. Взошедшая на престол императрица Екатерина II ознакомилась с делом Артемия Петровича и даже оставила свое завещание: «Сыну моему и всем моим потомкам советую и поставляю читать дело Волынского от начала до конца, дабы они видели и себя остерегали от такого незаконного примера». Оставила Екатерина II и следующие строки об Артемии Петровиче: «Волынский был горд и дерзостен в своих поступках, однако, не изменник, напротив того, добрый и усердный патриот и ревнителен к полезным направлениям своего Отечества». Все это говорит о том, насколько противоречивой была фигура этого человека.

«Дело Волынского»

ПУТЬ К КАРЬЕРНЫМ ВЫСОТАМ

Артемий Петрович Волынский появился на свет в 1689 году. Происходил он из знатного рода Волынских, которые вели свою родословную от героя Куликовской битвы, сподвижника Дмитрия Донского, воеводы и князя Боброк-Волынского. Отец будущего кабинет-министра, Петр Ар-

темьевич, когда-то свою карьеру начинал при царе Федоре Алексеевиче. Он был стольником, стряпчим, а затем обретался в Московском судном приказе. Пиком его карьеры стало воеводство в Казани. Этот город сыграет роковую роль в жизни его сына, который получил воспитание в семье С.А. Салтыкова, а в 1704 году связал свою жизнь с армией,

став рядовым солдатом в драгунском полку. Но, по-видимому, сказались связи, и в 1711 году он уже был офицером в чине ротмистра. Петр I умел искать себе помощников, и молодой ротмистр — храбрый, умный и грамотный — понравился ему. Царь-реформатор начал давать ему ответственные дипломатические и административные поручения.

В 1712 году вместе с бароном Шафировым Волынский «терпел нужду» в Стамбуле, будучи заточенным в узилище. В любую минуту им обоим грозила смерть, но им удалось спастись. А через год именно Шафиров послал Волынского курьером к будущему императору: он вез ему мирный трактат, который был заключен в Андрианополе. Петр остался доволен Артемием Петровичем и в 1715 году отправил его в Персию в «характере посланника», по сути, послом. Волынский был обязан не только наладить торговые связи с Персией и стоять на защите русского купечества, но и всеми силами изучать все, что касалось страны. Петр собирался ввязаться в войну со своим южным соседом, и ему нужно было знать все о противнике.

Через три года Волынский, успешно справившийся с поручением царя, был произведен в генерал-адъютанты. В 1719 году по царскому указу Артемия Петровича назначили губернатором Астраханской губернии. Следует отметить, что он сделал многое на этом посту. Калмыки были приведены в полное подданство

России, шла усиленная подготовка к будущему Персидскому (Каспийскому) походу.

Но у Волынского было и немало недругов. И среди них — будущий обер-прокурор, «око государево» П.И. Ягужинский. Павел Иванович невзлюбил Артемия Петровича. Собранный компромат на губернатора свидетельствовал о том, что он погряз в взяточничестве. Скорый на расправу, Петр прогулялся своей дубинкой по Волынскому (по другим данным, Артемия Петровича государь лично высек). Увы, в результате Волынский вышел из доверия царя и даже его женитьба в 1722 году на Александре Львовне Нарышкиной, дочери боярина Льва Кирилловича Нарышкина, не спасла его. Петр не простил ему злоупотреблений, и трудно сказать, как бы сложилась дальнейшая судьба Волынского, если бы в 1725 году царь не «почил в бозе».

Пришедшая к власти Екатерина I вспомнила об опальном Волынском и назначила его губернатором. В Казань. И вновь на него посыпались доносы, жалобы. И вновь усердствовал Ягужинский. Артемия Петровича от должности отстранили, и от наказания его спасло не только «чисто-сердечное» признание, но и помощь «сильных мира сего». Ходатайствовал перед императрицей и всесильный Меншиков. Все это помогло ему избежать сурового наказания.

Волынский умел лавировать, нюхом чувствовал «расклад» в дворцовой борьбе. При Петре II он сде-

лал ставку на Долгоруких и на Черкасского и не прогадал. В 1728 году он вновь получил пост губернатора, но, пробыв на нем до конца 1730 года, вновь «погорел» на взяточничестве.

В ноябре 1730 года императрица Анна Иоанновна решила направить Волынского в знакомую ему Персию, но сам Артемий Петрович туда и не собирался. Познакомившись с Минихом, он занял пост воинского инспектора.

В 1736 году обер-егермейстер Волынский был уже в столице. А через год он в качестве второго министра (первым министром был его старый знакомый по Стамбулу Шафиров) вел переговоры в Немирове с турецкими дипломатами. По возвращении в град Петра его ждало новое назначение. Императрица своим указом назначила его кабинет-министром.

ИЗБИЕНИЕ ПИИТА

Новый кабинет-министр проявил недюжинное рвение. Он начал реформы, быстро привел в порядок дела кабинета, стали часто созываться «генеральные собрания», на которые приглашались не только сенаторы, но и президенты всех тогдашних коллегий. При поддержке фаворита императрицы Бирона, который мечтал, как бы свалить хитрого и коварного А.И. Остермана, и хотел видеть Волынского своим «конфиден-

том», он добился даже того, что ряд коллегий теперь контролировались кабинет-министром.

Казалось бы, Волынский достиг того, чего не достигали до него. Теперь только он имел право личного доступа в кабинет императрицы и лично ей докладывал о положении в вверенной ей империи. Остерман люто его возненавидел, но Волынский и на этот раз не прогадал, сделав ставку на всесильного Бирона. Артемий Петрович знал особую любовь своего патрона к лошадям и угождал Бирону тем, что отчаянно боролся со злоупотреблениями в конюшенном ведомстве. Особую заботу он проявлял в организации конных заводов в империи и в закупке породистых лошадей за границей. Фаворит императрицы был доволен своим протекже, и по его предложению Волынского назначили на должность обер-егермейстера — ведать царскими охотами.

Помимо расторопности, были у Волынского и задатки государственного деятеля. Вот только в дворцовых интригах он оказался не дока. Ему, порой горячему и вспыльчивому, трудно было бороться с рассудительным Остерманом, который, ловко используя промахи кабинет-министра, наносил ему чувствительные удары. Да и успех вскружил Волынскому голову: ему стало казаться, что он способен на большее — быть первым вельможей в империи. Со временем его

самоуправство стал с раздражением замечать и Бирон.

А вскоре Волынский совершил роковую ошибку. Готовился маскарад — тот самый Ледяной дом, — и Артемий Петрович послал за поэтом В.К. Тредиаковским. Посланец кабинет-министра заявил Василию Кирилловичу, что он обязан ехать в «Кабинет ее императорского величества», и это приглашение привело бедного пиита в «великое трепетание» и в «великий страх». Но узнав по дороге, куда его везут, он выска-

Об избиении поэта узнал Бирон. Ему не было никакого дела до Тредиаковского, но фаворита возмутило, что кто-то посмел в его приемной хватать просителей и избивать их, а это уже было, по сути, покушением на его власть. Он решил расправиться с зарвавшимся Волынским и пожаловался императрице. Последняя колебалась. Так называемая свадьба в Ледяном доме, устроенная Волынским, вернула расположение самодержицы. Но на нее давил фаворит, а вскоре и Остерман решил

У

Волынского было немало недругов, и среди них — будущий обер-прокурор, «око государево» Ягужинский. Он невзлюбил Волынского за то, что собранный им компромат на губернатора свидетельствовал, насколько тот погряз во взяточничестве. В результате Волынский вышел из доверия царя, который не мог простить ему злоупотреблений. Трудно сказать, как бы сложилась судьба Артемия Петровича, если бы в 1725 году царь не «почил в бозе»...

зал «неудовольствие» посланцу Волынского. Посланец пожаловался Волынскому, и тот, согласно рапорту от 10 февраля 1740 года, велел Тредиаковского «бить пред всеми немилостиво...»

После избиения Василий Кириллович решил пожаловаться самому Бирону. Но, прибыв в приемную, он увидел там Волынского, который схватил бедного пиита и отправил «под караул», где его снова жестоко избили, после чего отпустили домой.

добить своего недруга. Он посоветовал Бирону арестовать не только кабинет-министра, но, в первую очередь, его дворецкого Василия Кубанца, знавшего очень многое.

БЕЗЖАЛОСТНЫЙ ПРИГОВОР

Императрице было доложено о казенных деньгах в размере 500 рублей, взятых из конюшенной канцелярии дворецким Волынского Васи-

лием Кубанцем «на партикулярные нужды» его патрона, и она велела посадить Волынского под домашний арест, а через три дня началось и следствие. Комиссия в составе семи человек приступила к дознанию. Поначалу Артемий Петрович держался вызывающе, правда, повинился во взяточничестве и расхищении казенных денег. В ходе допроса он даже обратился к всесильному А.И. Ушакову, возглавляющему Тайную канцелярию: «Вспомни! Или забыл, как ты Остермана втихомолку со мной порицал. А свидетелем того разговора был Черкасский».

Увы схваченный Кубанец под пытками стал наговаривать на своего патрона. Из его «признаний» вскоре стало известно о вечеринках в доме Волынского, о чтении каких-то книг и о сочиненном его хозяином «Генеральном проекте». Дело из уголовного постепенно приобретало серьезный политический характер. О таком пустяке как драка в апартаментах Бирона даже и не вспоминали. На поверхность стали выплывать «страшные» факты: кабинет-министр готовил какие-то «противозаконные проекты», да еще дерзко говорил об императрице: «Государыня у нас дура, и, как ни докладываешь, резолюции от нее никакой не добьешься».

К чести Артемия Петровича, на допросах он держался достойно, ни на кого вину не сваливал. Допро-

шенные конфиденты Волынского поведали следствию о «Генеральном проекте о поправлении России», где Артемий Петрович поднимал вопрос о «дружбе человеческой», «о гражданстве», о «приключениях во вред особе государя и обще всему государству». По мнению Волынского, правление в России должно быть монархическое с широким участием дворянства. После императора особая роль отводилась Сенату. На нижней ступени стояли низшее и среднее дворянство. Волынский также планировал открыть академии и университеты.

Следствие особенно пыталось выяснить, не собирался ли Артемий Петрович совершить государственный переворот в пользу дочери Петра Первого — Елизаветы.

По приказу императрицы был назначен суд, который постановил Волынского «яко начинателя всего того злого дела, живого посадить на кол, вырезав у него предварительно язык, его конфидентов — четвертовать, а затем отсечь им головы, имения конфисковать, а двух его дочерей и сына сослать в вечную ссылку».

27 июня 1740 года в восемь часов утра на площади Сытного рынка Волынскому отрезали язык, завязали рот тряпкой. Затем сначала отрубили руку, а потом, чтобы не продлевать мучений, и голову. Так Анна Ивановна «пожалела» Артемия Петровича... □

Анита Цой

**«Я мечтаю
поставить
на большой
площадке
шоу на музыку
Скрябина»**

Анита Цой — российская певица, композитор, телеведущая, музыкант корейского происхождения. Мама назвала ее в честь Аннет Ривьер, героини романа «Очарованная душа» Ромена Роллана. Народная артистка Российской Федерации, она начала свою творческую деятельность в 1996 году. В ее репертуаре популярные, песни поп-рок, R&B и музыка других стилей. Анита владеет многими музыкальными инструментами, и в данный момент на счету у певицы семь альбомов, более двадцати синглов, 10 гастрольных шоу-конcertов. А еще Анита Цой — потрясающий собеседник! Умный, чуткий человек, ценитель прекрасного, она не только создает музыку, организывает концерты, но и «заряжает» всех окружающих своей сногшибательной энергетикой и красотой.

Обладательница многочисленных музыкальных наград поделилась со «Сменой» своими предпочтениями в мире классической музыки и современного искусства, рассказала о своих близких, о покорении Килиманджаро, а также о том, что ей как личности дало христианство.

— Анита, помните ли вы свою первую встречу с музыкой?

— Благодаря моей маме музыка в нашем доме звучала всегда. Мама

любила классику и хорошую европейскую эстраду. Постоянно звучали Бах, Бетховен, Чайковский, Джо Дассен, Эдит Пиаф, Поль Мориа,

Алла Пугачева... Все это, в конечном итоге, сказалось на формировании моих вкусовых предпочтений. Серьезная же встреча с музыкой случилась у меня в возрасте 4–5 лет, когда мама начала покупать абонементы на детские концерты в Консерваторию имени Чайковского, и каждое воскресенье мы ходили туда. Поначалу было тяжело привыкнуть, я даже засыпала. А потом начала проникаться, понимать, любить. И, в итоге, привыкла до такой степени, что класса до четвертого продолжала ходить на консерваторские концерты.

— Ваши любимые классические композиторы и произведения?

— Их много. Но самое большое впечатление на меня с детства производила музыка Александра Скрябина, который еще в конце XIX века выделялся уникальным креативным подходом. У него была прямая ассоциация звука с цветом. Похожий принцип сложился у Римского-Корсакова, Чюрлениса, Шернберга... Они все видели в красках тональность. Скрябин же разработал систему светотональности. Например, ля-мажор — зеленый, до-мажор — красный, ре-мажор — желтый... Скрябин хотел создать специальный световой аппарат для исполнения оперы «Прометей». Но что-то не заладилось с техникой. Композитор не опустил руки и продолжил работу. Поскольку я нахожусь в гуще креа-

тивных индустрий, то можно было развить эту тему сегодня. Например, я мечтаю поставить на большой площадке Москвы шоу на музыку Скрябина, чтобы там были большие световые панно, мощное осветительное оборудование и живой симфонический оркестр. Даже место нашла — здание Новой Третьяковской галереи на Крымском валу!

— Учеба в музыкальной школе отбила у вас желание заниматься скрипкой, или вы все же музицируете на этом струнном инструменте?

— У меня был сложный период, когда я ходила готовиться к вступительным экзаменам в ЦМШ, а нерв-

ный преподаватель сломал мне смычком руку. Я потом долго брала инструмент, но сразу же клала обратно в чехол, потому что он ассоциировался у меня с болью и неприятными ощущениями. В 2022 году, когда я создавала юбилейное шоу «5Океан», впервые после музыкальной школы захотела снова взять в руки скрипку. Хотя мне ближе по звучанию альт или виолончель, от которых эмоции буквально зашкаливают. Кажется, что в них есть теплота, гармония и даже сексуальные нотки. Оказалось, играть на альте сложно — мне пришлось полгода заниматься с репетитором. И открывала я свое выступление красивой партией, специально написанной

для этого программы. Артисты симфонического оркестра высоко оценили мое мастерство. Видимо, все возможно, если в сердце живет любовь.

— Анита, а как вы относитесь к современному искусству?

— Я собираю современное искусство. Но не как коллекционер и не для инвестиций. Для меня это больше источник вдохновения. Ведь это искусство экспериментальных форм, пространств, содержания, которое отражает состояние общества. Оно всегда затрагивает социальные, политические темы и даже темы экологии, использует различные материалы и техники, компьютерные технологии, старые вещи, даже само тело художника. Так в моем шоу «10/20» я на листе ватмана рисовала угольками древовидный пион, а сверху стояла камера, снимала и транслировала процесс на большие экраны. Это настоящий арт! А в шоу «Твоя А» мы использовали известные работы

художников, оживив их при помощи цвета и анимации. В 2010 году Любовь Казарновская попросила меня стать режиссером-постановщиком оперного шоу «Сны о Востоке». В итоге получился мощный взрывной эксперимент, где играл второй состав оркестра Валерия Гергиева. Сколько же потом было разных мнений и споров — классика не хотела принимать современное прочтение!

Кого я могу выделить отдельно? Мне нравятся граффити Бэнкси, инсталляции Яёи Кусамо, перформансы Марины Абрамович. Кроме того, я собираю картины Юрия Купера. Они выставлялись в Лондоне на одном из старейших в мире аукционных домов Sotheby's. Я же собрала самые позитивные работы этого депрессивного, в общем-то, художника.

— Педагогическо-психологическое образование помогло вам при воспитании сына?

— Я обладатель трех высших образований — юридического, психологического и музыкального. Глубокие знания детской психологии помогли мне создать более грамотные, гармоничные отношения с ребенком. Я научилась его поддерживать, стимулировать, работать с его поведенческими и эмоциональными привычками. Например, точно знала, как правильно организовать процесс обучения в разные годы. Сыну сложно давалась математика, поскольку он был

гуманитарием, хорошо пел и рисовал. И я нашла ему удивительного индивидуального преподавателя, который занимался с ним пять лет. В итоге в старших классах его любимыми предметами стали алгебра и геометрия. Более того, это отразилось на его профессии — он экономист. Знание психологии помогло мне создать четкие границы, потому что ребенок не должен воспринимать родителей как друзей, а должен относиться к ним как к старшим по званию, уступать им место в разговоре, а не только физически. Знание психологии помогло мне и в проработке каких-то конфликтных ситуаций, в адаптации ребенка в детском саду и школе, в помощи его взаимодействия с другими детьми. В шко-

ле мой сын имел нетипичную внешность, и дети порой обзывали его «узкоглазым китаезой». Он не понимал такого к себе отношения, и я помогала ему с этим справиться. А сейчас эти навыки помогают мне работать с большим коллективом, спланировать, вести мотивационную работу.

— Чем нравится заниматься вашему сыну?

— У него на каждом этапе жизни предпочтения разнились. Когда он был маленьким и впервые сел в самолет, то после полета начал коллекционировать самолетки гражданской авиации, даже мечтал пойти работать в аэропорт или стать летчиком, ходил заниматься на авиасимуляторах и летал на планерах.

Это хобби осталось и сегодня. Я же приучала его к классической музыке — ему в наследство достались мои виниловые пластинки. Поэтому он любит классику и по выходным ходит на симфонические концерты, обожает музеи, ценит и понимает современное искусство. Ходит он и на концерты современных исполнителей, сравнивая их потом с моими шоу. Он по гороскопу Рак, а этому знаку важно иметь свое пространство. Он любит моменты одиночества, что для меня, как для Водолея, неприемлемо, и еще любит гулять один за городом на природе, говорит, что таким образом, восстанавливает силы и мысли.

— Анита, ваш муж поддерживает вас в ваших начинаниях?

— У нас случаются споры из-за искусства — он может раскритиковать или даже посмеяться над очередной картиной современного художника, которой я пополнила свою коллекцию. К счастью, у нас два разных дома и разные коллекции — супруг собирает классическую русскую и европейскую живопись. Иногда он не воспринимает некоторые строчки из моих песен, ожидая более конкретных образов — это тоже предметы споров. Когда я начала свой путь на эстраде, он вообще меня не понимал. Сейчас же поддерживает даже в моем желании выпу-

скать больше закуток под маркой «Цойкины рецепты». Мне с мужем очень повезло — он надежный человек слова и дела, на которого всегда и во всем можно опереться и положиться.

— Какие мысли и чувства вы испытывали в процессе покорения Килиманджаро?

— Сначала я думала, что это красивая романтика. Но после восхождения поняла, насколько это опасный для здоровья и травматичный вид спорта. К тому же на самой вершине одни лишь камни, пустошь, там нет красоты, как кажется снизу. А еще там идеальная тишина, которую в обычной жизни мы не слышим. Пропали звуки птиц, не звучат ручьи, замолк мо-

бильный телефон, звуки автомобилей... Этот вакуум страшный и пугающий. Поэтому на вершине меня накрыло депрессивное состояние и началось жуткое сердцебиение. С какой же радостью я спускалась вниз и снова погружалась в мир звуков! Я обморозила себе лицо и переболела «горняшкой», поняла, как важно ценить каждый прожитый миг жизни!

— Если представить, что еще раз повторится период изоляции, что бы вы стали делать?

— Закатывать вкусняшки (смеется), кормить и радовать друзей, писать песни.

— Анита, хочу затронуть серьезную тему веры. Вы в осо-

знанном возрасте приняли православие. Что вам это дало как личности?

— Для меня ценно право выбора, мне важно принимать решение самостоятельно. Тем более, если речь идет о вере. Религия и поиск себя в ней дались мне тяжелее всего. Епископ Русской православной церкви, митрополит Симферопольский и Крымский Тихон (Шевкунов) стал моим наставником и провел со мной много правильной, душевной работы, помог мне ответить на многие важные вопросы о вере. Но при этом никогда ни на чем не настаивал. К 45 годам я пришла к православию. Батюшка Тихон стал в итоге не только моим проводником, но и близким, родным человеком. А сама православная вера помога-

ет мне выбирать правильную дорогу в жизни.

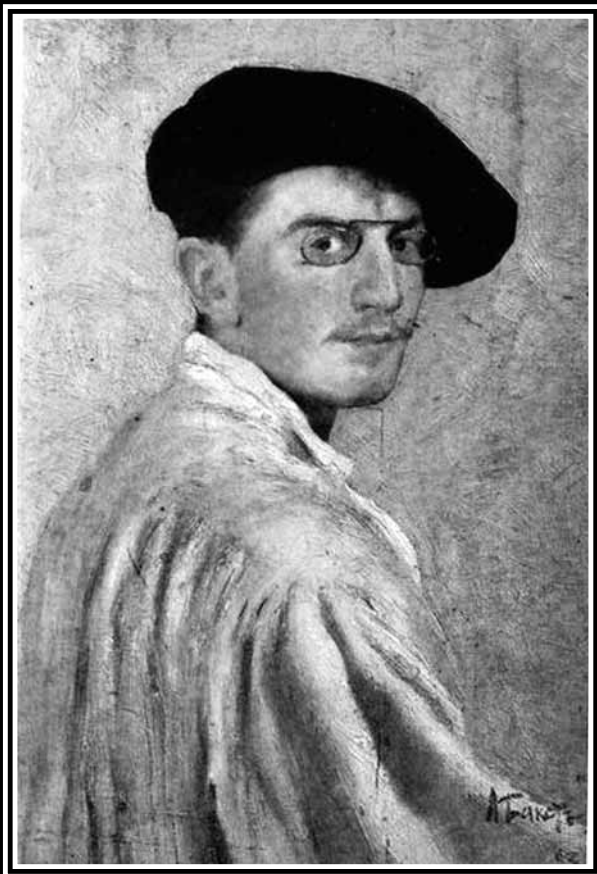
— Стильная, красивая, яркая и позитивная — кажется, вы всегда излучаете свет. А что может выбить из колеи Аниту Цой?

— Вам не кажется — я действительно излучаю (смеется). Иногда ассоциирую себя с электростанцией. Моя жизненная миссия — давать людям надежду, освещать им путь, по которому они, возможно, даже не предполагали идти. Энергия, движение, право выбора и свобода решений — это и есть для меня жизнь. На остальное я смотрю философски. □

Беседовала Дарья Парчинская

Фото из личного архива

ПРИКЛЮЧЕНИЯ РУССКИХ ВО ФРАНЦИИ, или Картина Льва Бакста «Карнавал на улицах Парижа в честь прибытия русских моряков 5 октября 1893 года»

Лев Бакст. Автопортрет

В 1916 году в Петербурге, в Русском музее и в московском Музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина прошли большие выставки, посвященные 150-летию Льва Бакста. Среди огромного числа его работ — портретов, пейзажей, театральных костюмов, тканей и платьев, созданных по его эскизам, — было показано и большое, 205х305, многофигурное полотно, нетипичное для творчества художника. Многие годы оно хранилось в запасниках санкт-петербургского Центрального военно-морского музея и было неизвестно широкой публике. С этой картиной связана яркая страница истории России и российско-французских отношений. Сегодня она по праву украшает главный зал музея — Зал славы русского флота.

Долгое время внешняя политика России была ориентирована на Германию, однако Германия позво-

ляла себе разные вольности — так, в 1879 году заключила союз в Австро-Венгрии, а в 1882 году

к этому союзу присоединилась Италия — возник Тройственный союз. В 1888 году канцлер Отто Бисмарк, всегда симпатизировавший России, вышел в отставку, на германский трон сел император Вильгельм II, отнюдь не проявлявший теплых чувств к своему российскому коллеге Александру III, и между Россией и Германией отношения явно охладели. На Балканах у России тоже возникли трудности, и лишь Черногория оставалась верной, но этого было недостаточно. Российским политикам пришлось искать новых союзников. И первой тут стала Франция. Благодаря блестящим российским дипломатам в декабре 1893 года была подписана франко-русская конвенция. Новый союз был создан, и российские военные корабли теперь стали часто появляться во французских портах, а французские корабли — у российских берегов.

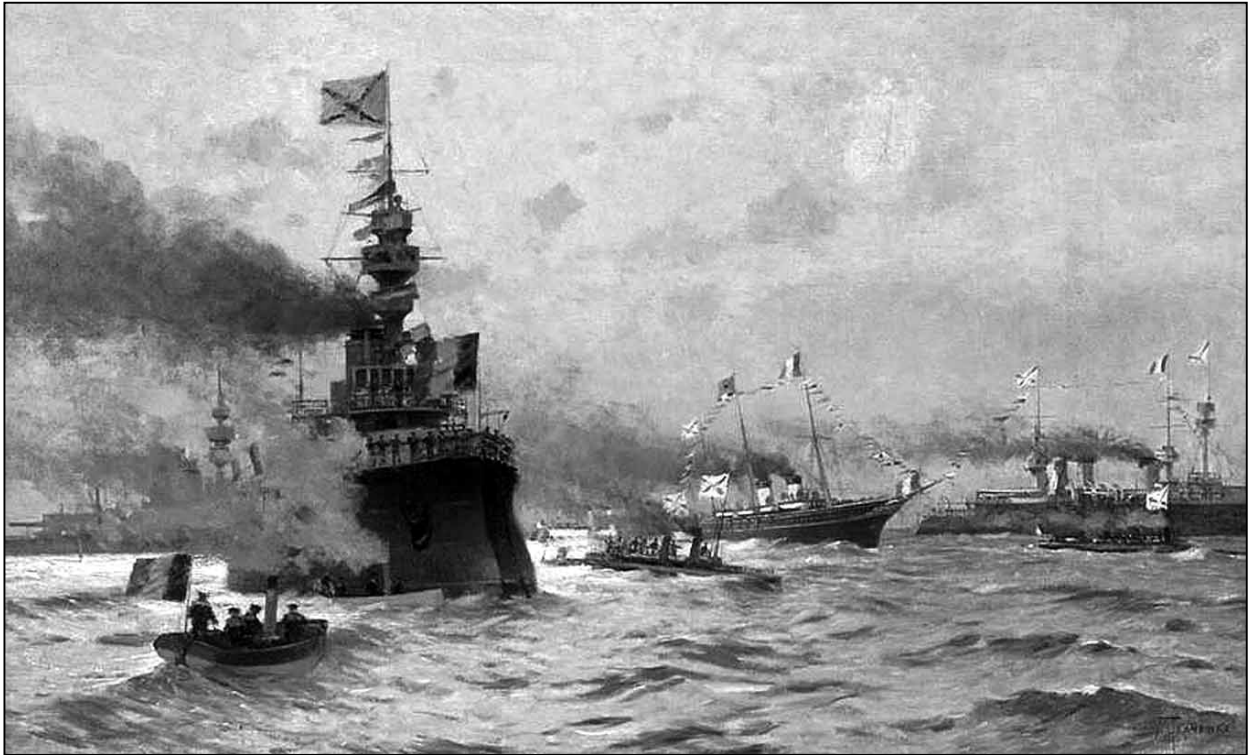
Но еще раньше, на фоне все более интенсивных переговоров французских и российских дипломатов уже в 1891 году французы посетили Кронштадт. 11 июля 1891 года к кронштадскому порту подошла разукрашенная флагами Северная эскадра под командованием вице-адмирала Альфреда Альбера Жерве, в составе которой были броненосцы «Marengo», «Marceau», «Requin», «Furieux», крейсер «Surcouf», авизо «Lanc» и миноносцы № 128 и 129. Кронштадтский порт тоже украшали флаги и вымпелы. Городские власти и публика тепло приняли французов, а че-

рез несколько дней в Кронштадт прибыли на императорской яхте «Царевна» Александр III и члены царской семьи. Император встретился с Жерве и посетил корабли французской эскадры.

Французским гостям показали достопримечательности Петербурга и его окрестности, а потом на специальном поезде доставили в Москву, где их также ждали торжественные приемы и знаменитое московское гостеприимство. Торжества продолжались почти две недели. «Выражение симпатий к Франции превзошло самые оптимистические ожидания», — писал адмирал Жерве.

В память об этом посещении Кронштадта, имевшем больше значение для обеих стран, и Франции, и России, выпуск 1891 года престижного высшего военного училища Сен-Сир, основанного еще Наполеоном в 1802 году, назвали «Кронштадтским» (В Сен-Сире была такая традиция — называть выпуск того или иного года по важному историческому событию, случившемуся в этом году, и посещение Кронштадта военными моряками воспринималось именно таким важным событием).

А в 1893 году русские моряки нанесли Франции ответный визит. 13 октября русская эскадра — броненосец «Император Николай», крейсера «Память Азова», «Адмирал Нахимов», «Рында» и канонерская лодка «Терец» под командованием 54-летнего контр-адмирала Федора Карловича Авелана — вошла в порт Тулона, считавшийся главной сре-

Ткаченко С.М. «Прибытие французской эскадры в Кронштадт в 1891 году»

диземноморской базой французского флота.

Французы превратили визит русских моряков во Францию в национальное празднество. Началось оно в Тулоне. Торжественные приемы, вечера... Мадам Жюльетта Адам, известная писательница, хозяйка литературного салона, всегда приветствовавшая дружбу с Россией, приехала в Тулон и передала адмиралу Авелану 2133 браслета-талисмана для жен матросов, брошки для супругов офицеров и бриллиантовые украшения для семьи самого адмирала. Генеральный Совет Вара преподнес адмиралу статую, а городские власти Безансона подарили ему золотые часы. Наш адмирал тоже преподнес подарок французским друзьям — подарил городу Тулону се-

ребряную статуэтку русского моряка на яшмовой подставке: моряк держит в руках гербовые щиты Кронштадта и Тулона.

17 октября в 10 часов утра русская делегация прибыла в Париж. Сотысячная толпа приветствовала русских восторженными криками: «Viva la Russie! Viva la France!» «Прием, оказанный нашим морякам в Париже, не поддается описанию... Адмирал Авелан великолепен. Большой личный успех», — писал посол России во Франции А.П. Моренгейм своему шефу министру иностранных дел Н.К. Гирсу.

Приемы, карнавалы, заседания, уличные шествия, концерты... Национальный праздник захватил всех парижан. Украшенные гирляндами и флагами улицы, толпы радостных

«Парад в рамках франко-российских торжеств по случаю прибытия российской эскадры 20 октября 1893 года»

людей. Бал в мэрии, банкет для офицеров в ратуше, парады, фейерверки, балы... Все друг другу вручали памятные подарки. Город Париж преподнес адмиралу серебряную модель статуи «Мир на грани войны» Кутана, 126 офицерам — бронзовую копию скульптуры «Дума» Шапю и каждому из 2232 моряков альбом с видами Парижа. Адмирал в ответ подарил серебряную модель корабля с российским царским орлом на корме, покоящимся на четырех дельфинах.

О русских в Париже говорили газеты всего мира, ну и конечно, российские газеты тоже. О восторженной встрече русских моряков во французской столице написал и Лев Толстой в запрещенной тогда статье «Христианство и патриотизм»

(статья была опубликована в России только в 1906 году). «Франко-русские празднества ...вызвали во мне, вероятно так же, как и во многих людях, сначала чувство комизма, потом недоумения, потом негодования. Вот как описывается в газетах встреча в Париже: «Все взоры направлены на бульвар desitaliens, откуда должны появиться русские моряки. Издали доносится, наконец, гул целого урагана восклицаний и аплодисментов. Гул становится сильнее, явственнее. Ураган видимо приближается. На площади происходит сильнейшее движение. Полицейские бросаются расчищать дорогу к «Cerclemilitaire», но это оказывается делом далеко не легким. В толпе поднялась невообразимая толкотня и давка... Наконец, на площади появляется голова

кортежа. В тот же момент над ней проносится оглушительный крик: «Vive la Russie! Vive les russes!» (Да здравствует Россия! Да здравствуют русские!) Все обнажают головы, публика, битком набившаяся в окнах, на балконах, разместившаяся даже на крышах, машет платками, флагами, шляпами, ожесточенно аплодирует, бросает из окон верхних этажей облака небольших разноцветных кокард. Целое море платков, шляп, флагов волнуется над головами толпы, стоящей на площади. «Vive la Russie! Vive les russes!» кричит эта сотысячная толпа, стараясь лучше рассмотреть дорогих гостей, протягивая к ним руки и всячески выражая свои симпатии.

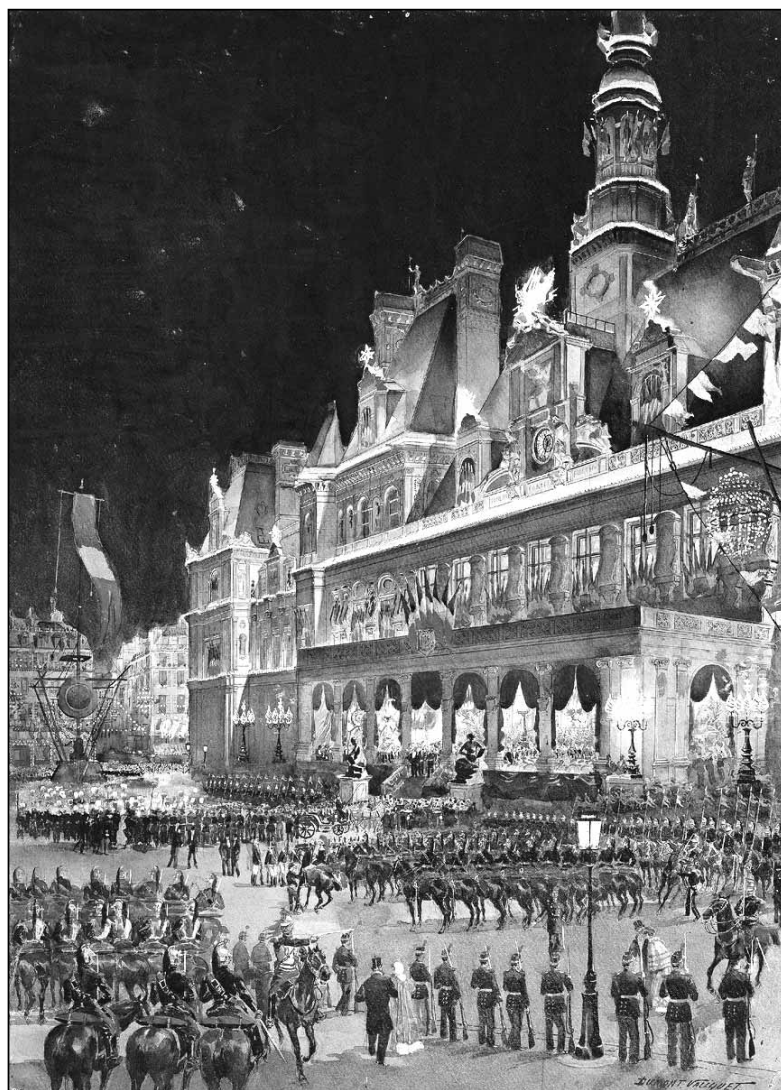
Другой корреспондент пишет, что восторг толпы граничил с бредом. Один русский публицист, бывший в то время в Париже, описывает это шествие моряков следующим образом: «Правду говорят — событие всемирное, изумительное, трогательное до слез, поднимающее душу, заставляющее ее трепетать той любовью, которая видит в людях братьев и которая ненавидит кровь Я в каком-то чадю в течение нескольких часов. ... Мне было странно, почти непосильно стоять ... среди представителей французской администрации в золотом шитых мундирах, среди муниципалитета во фраках и слышать крики: «Vive la Russie! Vive les zar!» и наш народный гимн, исполняемый несколько раз сряду. ... Это не восторг, слово это слишком банально, — это лучше востор-

га. Живописнее, глубже, радостнее, разнообразнее. Нельзя описывать того, что было у «Cerclemilitaire», когда появился на балконе второго этажа адмирал Авелан. Тут слова ничего не скажут. Во время молебна, когда певчие пели в церкви «Спаси, Господи, люди твоя», в открытые двери врывались торжественные звуки «Марсельезы» духового оркестра, который играл на улице. Что-то изумительное по впечатлению, непередаваемое».

...Приехавши во Францию, русские моряки в продолжение двух недель переходили с праздника на праздник и в середине или по окончании всякого праздника ели, пили и говорили. И сведения о том, где и что они ели и пили в среду, и где и что в пятницу, и что при этом говорили, по телеграфу сообщалось всей России. ... Сообщались не только тосты, но и меню обедов с пирожками и закусками, которые потреблялись.

Сообщались и речи, произносимые празднующими, но меню было разнообразнее речей. ... Смысл этих слов был всегда один и тот же: мы нежно любим друг друга, мы в восторге, что мы вдруг так нежно полюбили друг друга. Цель наша не война и не revanche (реванш) и не возвращение отнятых провинций, а цель наша только мир, благодеяние мира, обеспечение мира, спокойствие и мир Европы. Да здравствует русский император и императрица, мы любим их и любим мир. Да здравствует президент республики и его супруга, мы тоже любим их и любим мир. Да

*Дюмон-Валике.
«Прием русского
адмирала Авелана
в мэрии 19 октября
1893 года»*

здравствует Франция, Россия, их флот и их армия. Мы любим и армию, и мир, и начальника эскадры. Речи большей частью заканчивались, как в куплетах словами: Тулон, Кронштадт или Кронштадт, Тулон. И наименование этих мест, где было так много съедено разных кушаний и выпито разного вина, произносились как слова, напоминающие самые высокие, доблестные поступки представителей обоих народов...»

Оценки Толстого этого выдающегося события в истории Франции и России отличаются от тех, что гла-

венствовали тогда в обществе. Он видел во всем этом фальшь и корыстное лицемерие, а в излишнем, избыточном патриотизме — нездоровую экзальтацию, убежденность в своей национальной исключительности, провоцирующую войны, рождающую уверенность в неравенстве между народами.

«Что еще можно прибавить к этому?! особенно под звуки торжественной музыки, играющей одновременно два гимна: один — прославляющий царя и просящий у Бога для него всяких благ, другой

(«Марсельеза») — проклинающий всех царей и обещающий им всем погибель, — пишет Толстой. — Людям, особенно хорошо выразившим свои чувства любви, давались ордена и награды, некоторым же людям за те же заслуги или просто от избытка чувств подносились подарки самые странные и неожиданные: так, русскому царю французская эскадра поднесла в подарок какую-то золотую книгу, в которой, кажется, ничего не написано, а если и написано, то нечто такое, чего никому знать не нужно, а начальнику русской эскадры, в числе других подарков, еще более удивительный предмет — соху из алюминия, покрытую цветами, и много других таких же неожиданных подарков.

Кроме того, все эти странные поступки сопровождались еще более странными религиозными обрядами и общественными молитвами, от которых, казалось бы, уже давно отвыкли французы.... Все французы стали вдруг необыкновенно набожны и заботливо развешивали в комнатах русских моряков те самые образы, которые они только недавно так же старательно, как вредное орудие суеверия, выносили из своих школ, и, не переставая, молились. Кардиналы и епископы везде предписывали молитвы и сами молились самыми странными молитвами.

Между тем десятки тысяч телеграмм перелетали из России во Францию и из Франции в Россию. Французские женщины приветствовали русских женщин. Русские женщины выражали свою благодар-

ность французским женщинам. Труппа русских актеров приветствовала французских актеров, французские актеры сообщали, что они закладывают себе глубоко в сердце приветствие труппы русских актеров. ...Русские дети писали приветственные стихи французским детям, французские дети отвечали стихами и прозой. А за всем этим парадным спектаклем совершались жестокие и безумные дела, на которые никто не обращал внимания.

«Так, задавлено было до смерти несколько десятков людей, и никто не находил нужным упоминать об этом. Одна женщина, одевшись в платье из цветов французско-русского флага, дождалась моряков, воскликнула «Vivela Russie!», с моста пригнула в реку и потонула. Казавшийся совершенно здоровым русский матрос, после двухнедельного созерцания всего совершавшегося вокруг него, — в середине дня спрыгнул с корабля в море и поплыл, крича: «виф ля Франс!» Когда его вытащили и спросили, зачем это он сделал, он отвечал, что дал зарок в честь Франции оплыть кругом корабля».

А приключения русских во Франции продолжались.

25 октября российская делегация прибыла в Лион. Лионцы преподнесли дар для русской императрицы — два шелковых платья, вручили морякам восемь знамен и 2300 шелковых шейных платков, а также книгу с тиснением по шелку. На следующий день русские приехали в

Лев Бакст. «Карнавал на улицах Парижа в честь прибытия русских моряков 5 октября 1893 года»

Марсель, а 27–28 октября уже покинули гостеприимный Тулон — пора было возвращаться домой.

Они вернулись с многочисленными подарками — вдобавок получили еще от французского Общества франко-русских предприятий конную статую Петра Великого; город Орлеан преподнес статую Жанны д'Арк, Бордо — вино....

Визит русских моряков во Францию зафиксировали на своих картинах несколько французских художников, а также и русских, работавших при Главном военно-морском штабе. Прежде всего — это известные маринисты Алексей Боголюбов и Николай Гриценко. Они создали

подробные, полные ярких деталей, живописные свидетельства, но российским властям хотелось большое, масштабное полотно, соответствовавшее размаху события. Нужно было найти художника, который смог бы выполнить эту задачу. И такой художник был найден. Им стал — довольно неожиданно для всех — Лев Бакст.

Он получил этот заказ от великого князя Алексея Александровича — полотно должно было называться «Встреча адмирала Авелана в Париже». (Позже оно получило название «Карнавал на улицах Парижа в честь прибытия русских моряков 5 октября 1893 года».)

Благодаря немалому авансу, Бакст осел в Париже на шесть лет, иногда возвращаясь в Россию. Писать монументальную картину оказалось непросто, кроме того, творческому процессу не способствовали и душевные терзания, мучившие Бакста в это время: он был безнадежно влюблен в некую актрису Михайловского театра, которая с большим удовольствием растратила аванс, полученный художником от князя, и тут же перестала изображать глубокое ответное чувство. Неудивительно, что обманутый художник был глубоко несчастлив и в собственных силах как художника не уверен. Поднабраться мастерству Бакст решил в студии известного парижского живописца Ж.-Л. Жерома, потом посещал школу Р. Жульена, работал вместе со ставшим близким другом финном А. Эдельфельдом. Иногда, когда все надоедало, он уезжал то в Испанию, где в мадридском Прадо восхищался Веласкесом, то в более экзотические края — Алжир и Тунис.

Он часто отвлекался от «Встречи адмирала». Его увлекал портрет, возможность показать личность модели. Кого только он не написал! Тут и парижане, и французские крестьяне, и тунисцы. И его лучшие друзья: А. Бенуа, К. Сомов, И. Левитан. Наконец «Встреча адмирала» была закончена, и в 1897 году автор привез ее в Россию. Картина — огромная, 205х305 — с точки зрения заказчика явно не удалась, слишком много в ней было того, что трудно было назвать парадным. Да и друг Бенуа,

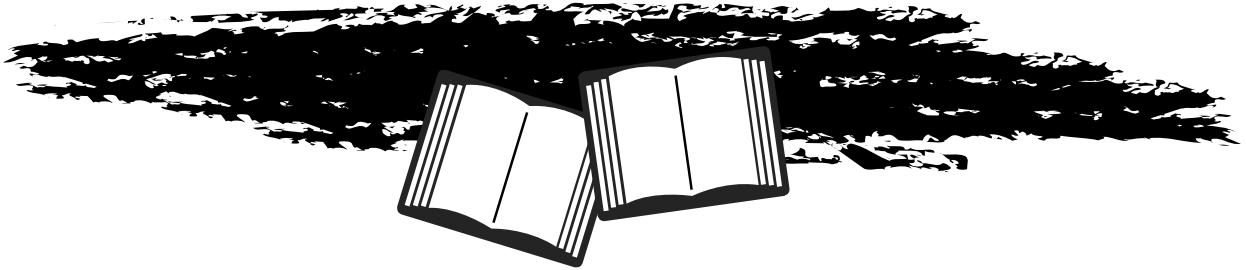
самый главный его критик, был от нее не в восторге — вялая, неинтересная живопись, говорил он.

Но может, Бенуа был не совсем прав? На картине Бакста праздничная толпа устремляется навстречу экипажу адмирала Авелана, и над всем этим — статуя Республики, символ свободной Франции. И эти поющие цвета французского флага... Баксту удалось передать яркими красками, динамикой, мощной живой композицией очень многое — и революционный дух французов, и их умение радоваться жизни, и их готовность дружить с русскими, и красоту их столицы...

В 1900 году картина украсила парадную лестницу Военно-морского музея, размещавшегося тогда в здании Адмиралтейства. В 1940 году музей переехал в здание Биржи, картину отправили в запасники, и только большие специалисты по творчеству Бакста да историки, занимавшиеся российско-французскими отношениями, помнили об этом полотне. Лишь в 2016 году оно было вновь показано публике — на большой выставке в Русском музее, посвященной 150-летию Л. Бакста.

Сегодня картина заняла достойное место — в главном зале Военно-морского музея, зале Славы русского флота, где также выставлены подаренные русским морякам во время визита во Францию великолепные бронзовые скульптуры. И картина, и эти скульптуры — память о замечательном художнике и замечательном, несмотря на оценки Толстого, событии в русской истории. □

«Не уезжайте!»

Хлюп-хлюп. Чвяк-чвяк. Вжик-вжик...

Второклассник Мишка Капустин по прозвищу Мишка-Кочерыжка идет по деревне. После знатного ливня дорогу развезло. Глина да вода. Но в резиновых сапогах не страшно.

Хлюп-хлюп. Это Мишка топчется в самой большой луже.

Чвяк-чвяк. Это он месит сапогами грязь в колее проехавшего трактора.

Вжик-вжик. Это Мишка шумно рассекает воздух сорванной по пути веточкой ивы.

— Мишка-а! — зовет его из соседнего двора дружбан Юрка Колгашкин. — Погнали шаранок ловить!

Шаранками в деревне называют майских жуков. В середине мая эти толстые, красно-бурые бочата с крыльями появляются откуда ни возьмись, и, басовито гудя, целыми отрядами атакуют местные кусты и деревья. Тяжелые, неповоротливые, летают шаранки низко. Часто, словно слепые, врезаются в заборы, столбы, стволы слив и яблонь. Ударяются, падают и тут же опять взлетают. Ловить их Мишке не составляет труда. Однажды они вместе с Юркой наловили целую коробку из-под обуви, а потом долго слушали, как толстяки там возятся, ползают, шуршат. Вроде бы ничего особенного, а интересно!..

— Погнали, Мишка! — не унимается Юрка. — Их сегодня просто тьма!

— Не-а, — уныло отзывается Мишка.

— А че?

— Я к Сан Ванне иду.

— А-а-а. Тогда ладно, — соглашается Юрка и исчезает.

А Мишка продолжает свой путь.

Впрочем, хлюпать, чвякать и вжикать пришлось недолго. Дом, где жила Сан Ванна, находился в десяти минутах ходьбы от Мишкиного дома. А бегом Мишка домчался бы и за три минуты. Но бежать ему не хотелось. Потому что Сан Ванна позвала его к себе не для веселья или развлечения, а на мученическую муку.

Сан Ванной ребята называли Александру Ивановну — свою учительницу. Очень уж долго было произносить ее имя и отчество полностью. В глаза, конечно, старались выговаривать, но за глаза себя не утруждали.

Прежняя Мишкина учительница Ирина Макаровна доработала до 70-ти лет и ушла на пенсию. Новая учительница приехала в деревню из областного центра по программе «Сельский учитель». Ей обещали хорошее жилье и денежное вознаграждение. Иначе бы, наверное, не приехала.

Александра Ивановна появилась в деревне в начале учебного года. Невысокая худышка с жидким хвостиком волос, стянутых на затылке резинкой, с синим рюкзаком за плечами, в джинсах и короткой курточке, она напоминала школьницу, но никак не учительницу. Когда она впервые появилась на школьном собрании, то родители ахнули. Но директор школы Антон Антонович быстро всех успокоил. Он сказал, что им очень повезло с Александрой Ивановной, потому что иначе школу бы закрыли, и ребят пришлось бы возить в Андреевку, за двадцать километров — в другую школу.

Этого, конечно, никому не хотелось — ни ребятам, ни их родителям. И все потихоньку успокоились. Ну, в джинсах. Ну, с хвостиком. Зато школа рядом — рукой подать.

А вскоре и хвостик, и джинсы, и рюкзачок вообще перестали кого-либо смущать. Александра Ивановна оказалась деловой и очень энергичной девушкой и в чем-то даже превосходила Ирину Макаровну. Например, на уроках физкультуры она не стояла в стороне, пока ребята играли в футбол, а переодевалась в спортивный костюм и носилась по игровой площадке вместе с ними. Если играли в «догонялки», то поймать Сан Ванну не мог никто, даже чемпион класса по бегу Илюха Лагутин. Маленькая, юркая, ловкая, она быстро меняла траекторию бега и легко уворачивалась от желающих ее осалить.

С Сан Ванной ребята впервые сходили в поход и научились варить на костре ароматную и очень вкусную перловую кашу с тушенкой. С Сан Ванной они ездили в город в кукольный театр. Она раскошелила директора на живой уголок: в углу класса весело хрустел морковкой кролик, суежилась пара хомяков, а в аквариуме величаво плавали золотые рыбки. В планах было обзавестись певчей птичкой — кенаром или щеглом. И после уроков ребята уже не торопились домой. Они возились с животными,

чистили им клетки или просто сидели около Сан Ванны и, пока она проверяла тетрадки, одолевали ее вопросами из цикла: «Обо всем и сразу». А она, как ни была занята, на ответы всегда находила время.

В общем, новая учительница быстро завоевала пятнадцать сердец своих второклашек. И только одного сердца — шестнадцатого — в этой коллекции пока не доставало. Его обладатель — Мишка Капустин — Сан Ванну откровенно недолюбливал. После уроков он хватал портфель и во все лопатки улепетывал домой. Мишка жутко боялся, что Сан Ванна заставит его заниматься тем, чего он не любил даже больше прополки грядок: второклассник Капустин терпеть не мог читать. Взять в руки книгу Мишку могло заставить разве что бряцанье пряжки отцовского ремня или обещание матери отключить на неделю компьютер. Слушать, как читают другие ребята, Мишка любил. Особенно если читали сказки или мифы Древней Греции. Про животных тоже интересно было послушать. Но читать самому было хуже всякой пытки.

Буквы Мишка, конечно, знал, но в слова они у него почему-то не складывались. Читать получалось только по слогам, как первоклашке. А Мишка уже, как-никак, был второклассником, и по слогам читать было стыдно. Потому и читал он медленно, растягивая слоги, как будто пел. Напрягался, пыжился, краснел. Получалось примерно так:

«За-а го-о-ра-а-ми-и, за-а ле-э-са-а-ми,
За-а ши-и-ро-о-ки-и-ми-и мо-о-ря-а-ми,
Пр-р-о-оти-и-в не-э-ба — на-а зе-э-мле-э
Жи-и-л ста-а-р-р-и-ик в о-одно-ом се-э-ле-э...»

Слушая эти завывания на все лады, ребята хихикали, а Александра Ивановна качала головой и говорила:

— Тебе, Миша, нужно больше читать. Каждый день по три страницы. И вслух!

Мишка каждый раз обещал исправиться, но дальше обещаний дело у него не шло. Тогда Александра Ивановна решила взяться за Мишку всерьез и пригласила его на дополнительные занятия к себе домой.

Мишка запаниковал. Хотел притвориться, что болит живот, но мама быстро раскусила симулянта и принялась его стыдить, цепляя вопросительными знаками как рыболовными крючками:

— И не стыдно тебе, Михаил? Учительница волнуется за него, домой к себе зовет. Думаешь, приятно ей возиться с двоечниками? Сколько раз тебе повторять, что нужно учиться? Из школы выгонят — куда денешься? Ты что, хочешь, как Витек, в канаве валяться? Пьянчугой хочешь стать, прости господи? Чтобы ни работы, ни семьи, ни детей? Пропадешь ведь!

Великовозрастный обормот Витька Павлов, которого в деревне все звали не иначе как Витек, в свое время действительно бросил школу, покатился по наклонной и докатился до того, что частенько напивался вдрызг и засыпал в той канаве, в которой только что чвякал сапогами Мишка по дороге к Александре Ивановне.

— Доведете свою Сан Ванну, неслухи, — продолжала распекать Мишку мать, — плюнет она на все и сбежит от вас обратно в город. Что тогда будете делать?

«Ну и пусть уедет, — бубнил Мишка себе под нос, — лишь бы отстала со своими книжками, дала отдохнуть человеку, шаранок спокойно половить».

Так он бубнил, сопел, но открыто протестовать не решился. С мамкой еще можно пободаться, погундеть, на жалость надавить и, в конце концов, отцепиться от ее крючков. Но вечером придет с работы отец, и от него может прилететь так, что мало не покажется. И без всяких вопросительных знаков. С одними восклицательными! Поэтому — делать нечего — Мишка оделся и поплелся к Сан Ванне. Ох, и тяжела жизнь у второклассника Капустина!

Хлюп-хлюп. Чвяк-чвяк. Вжик-вжик...

И вот стоит Мишка около дома учительницы, вздыхает и задирает голову на окна второго этажа. Именно там живет Александра Ивановна — лютый Мишкин мучитель. Вообще-то ей обещали свое жилье — новое, просторное, а дали комнатуху на втором этаже старого дома, который видел не только Мишкину бабушку, но и прабабушку, и даже какого-то Ленина. Чуть дождь — у этой халупы крыша течет. Так шушукались между собой Мишкина мамка и тетя Таня — мамка Юрки Колгашкина, а Мишка в это время любимым делом занимался — «уши грел», подслушивал.

Вот показалась в окне и сама Александра Ивановна. Мишка приподнялся на цыпочки, стараясь разглядеть учительницу получше. Что она там делает? Наверное, книжки на столе раскладывает — готовит орудие пытки.

Только видит Мишка: стоит Сан Ванна у окна, голову наклонила и плачет, слезы по щекам размазывает, под носом указательным пальцем вытирает. Прямо как Мишкина сестренка Лелька, когда мамка заставляет ее кашу доедать. Только Лельке-то всего 4 года, что с нее взять, с плаксы сопливой? А Сан Ванна — она же взрослая. Учительница! Разве учительницы плачут?

Прирос Мишка к месту и не может глаз от окна отвести. Ничего себе дела! Выходит, права его мамка оказалась. Довел он Сан Ванну своими двойками! А ей и так несладко живется. Новый дом обещают и обещают,

но почему-то все не дают. А еще Сан Ванне замуж пора, только не за кого. Свободных мужиков в деревне нет. Не за Витька же Павлова — пьянь подзаборную — ей выходить. Вся надежда на Кольку Полуянова, он летом из армии вернется. Колька — парень хороший, должен Сан Ванне понравиться. А если нет — пиши пропало: умчится она в город жениха искать, только ее и видели. Так тетя Таня говорила, когда они с Мишкиной мамкой в огороде шептались. Только Мишка эту новость в одно ухо впустил, а из другого выпустил. Кто ж знал, что все так серьезно? Ведь плачет она, плачет... Вот наплачется — и вещи собирать начнет, чтобы, значит, в город умчаться. И закроют школу. И не будет больше походов в лес и песен у костра. Не будет щегла в клетке. И не научится Мишка читать. Не будет у него ни работы, ни семьи, ни детей. Ничего не будет. Мамка зря говорить не станет...

В носу у Мишки защипало, зацарапало. Что-то надо делать! За мамкой бежать, за Юркой, за директором Антоном Антонычем, чтобы помешали Сан Ванне плюнуть на все и сбежать. Мишка уже обратно «лыжи навострил», но тут же встал как вкопанный, сраженный страшной догадкой. А вдруг, пока он подмогу собирает, она подхватит свой рюкзачок — и только ее и видели? Ведь тогда никак не догнать! Нет, он должен сам ее остановить. Прямо сейчас! Пока не поздно!

Мишка бросился в дом и рванул вверх по деревянной лестнице. Второпях запнулся, растянулся на ступеньках, но тут же вскочил и в два прыжка достиг второго этажа. Забарабанил в дверь кулаками так, будто на пожар созывал.

Александра Ивановна только замком щелкнула, как Мишка прямо на пороге вцепился в нее, уткнулся носом чуть выше живота и заголосил:

— Сан Ванна, миленькая, не уезжайте! Ну, пожа-алуйста! Я папке скажу — он вам крышу залатает!.. Колька Полуянов на вас скоро женится!.. Я все двойки исправлю! Буду читать!.. Каждый день!.. По три страницы!.. Не хочу в канаве валяться! Не хочу пропадать! Хочу работу, семью и детей! И щегла-а-а!

Мишка всхлипнул, поднял зареванное лицо и... остолбенел. Александра Ивановна смотрела на него с недоумением и испугом. А в руке она держала половинку недорезанной луковицы... □

Евгения Белогорская

Сказочная Баба-яга

Если в известной сетевой энциклопедии взглянуть на портрет артиста, а затем прочитать, что настоящая его фамилия — де Милье, а отец его был французом, то портрет удивительным образом сразу преобразается. В чертах его начинаешь видеть и Шарля Азнавура, и Луи де Фюнеса, и многих других известных людей, наделенных ярко выраженной «галльской» внешностью — с резкой мимикой, полным отсутствием красоты и бездной обаяния.

Его актерская карьера сложилась, с одной стороны, удачно — множество ролей в послужном списке, очевидное узнавание и любовь зрителя. Но с другой — большинство ролей были эпизодическими, с обильным использованием грима — как и положено «нечисти». Да и сыграть актеру скорее хотелось кого-то великого, настоящего, а не очередную Бабу-ягу или чудище морское. Под конец жизни Георгий Милляр даже сочинил такую «эпитафию» своей карьере:

*«А, наверное, было бы здорово
Под финал, под конец пути
Напоследок сыграть Суворова
И тогда уж спокойно уйти!»*

Жорж де Милье — таково было имя будущего артиста при рождении — появился на свет 7 ноября 1903 года

в весьма обеспеченной семье. Отец его, Франц де Милье, как уже упоминалось, был французским инженером

родом из Марселя, приехавшим в Россию консультировать русских в области мостостроения. Он влюбился в дочь иркутского золотопромышленника Елизавету Журавлеву и женился на ней. Жорж-Георгий рос в атмосфере душевного тепла и материального достатка. У него были гувернантки, которые обучали его музыке, литературе, французскому и немецкому языкам. У семьи были дачи в Подмосковье и в Геленджике, огромная квартира в Москве. Но отец умер, когда Жоржу было всего три года. И поскольку у семьи матери были собственные средства, поначалу в их жизни ничего не изменилось. Но в 1917 году все изменилось. Квартира в центре стала коммуналкой, и в одной из ее комнат Георгий вместе с матерью прожили почти до самой старости.

После революции пришлось отказаться и от фамилии с аристократической приставкой «де». В дальнейшем в анкетах Георгий, теперь уже Милляр, писал, что родители его были служащими, а никаких иностранных языков он не знает.

С началом Первой мировой войны мама отправила сына в Геленджик, где жил дед. Там Георгий окончил школу и устроился в местный театр, выбрав себе весьма приземленную профессию — бутафор.

Но сцена манила его, он смотрел все спектакли и знал большинство ролей. Это и стало его билетом в будущее: когда заболела актриса, игравшая Золушку, на сцену вместо нее вышел Милляр, который хорошо знал эту роль. Подмены никто не заметил.

Вернувшись в 1924 году в Москву и поселившись с матерью, юноша поступил в Школу юниоров при Московском театре Революции (сейчас это Театр имени Маяковского). На экзаменах он, по собственным воспоминаниям, показал себя весьма средне: внешность — своеобразная, дикция — ужасная, зато когда «будущий Баба-яга» пустился в пляс, комиссия была в восторге — так уморительно это выглядело.

После окончания школы он был принят в тот же театр Революции, где и проработал более 10 лет. Но все же душа его стремилась в кино — вероятно, актер уже тогда понимал, какие возможности для его таланта даст это новое искусство.

Знаковая для артиста встреча с режиссером Александром Роу произошла в 1938 году. Роу пригласил Мил-

ляра сняться в сказке «По щучьему веленью», но на первых пробах актеру отказали: от волнения он забыл текст. Георгий Францевич самокритично писал: «Не подошел типажно, да и сработал не так... Но вот получаю конверт с официальным письмом. На шикарном бланке «Межрабпомфильм» напечатано, что, «ввиду изменения трактовки роли... мы, к сожалению, лишены возможности воспользоваться Вашим участием...» Далее следовало не менее пяти подписей... Но все же через несколько дней режиссер выбрал для Милляра роль царя Гороха. Чтобы его было проще гримировать, актер сбрил волосы на голове и брови. Впоследствии он не раз так радикально поступал со своей внешностью — говорил, что это держит в тонусе.

Через год Роу снимал сказку «Василиса Прекрасная» и на роль Бабы-

яги пригласил Милляра. Конечно, позвать мужчину на такую «партию» было решением неочевидным, но ни одна актриса, включая великую Фаину Раневскую, Роу не подошла. Сам Милляр говорил: «Не женская это роль. Вот скажите мне, какая актриса позволит сделать себя такой страшной на экране? А я все стерплю». И терпел. И страшный грим, и уродство, которое в какой-то момент превратилось в очарование, запавшее в душу всем детям, которые смотрели сказки Роу.

Чтобы создать ту Бабу-ягу, которую мы все знаем, актер тщательно «искал образ». Он собрал его и из своей соседки по коммуналке, и из старушки-гречанки, которая пасла в Ялте коз. Вот как описывал ее Милляр: «Старая-престарая гречанка, сгорбленная, нос крючком, недобрый взгляд, в руках короткая палочка. Позже на съемках

мы завершили портрет моей зловещей «героини», облачив ее в жуткие лохмотья, повязав на голову черный платок, наградив ее звериной походкой».

Во время войны киностудия была эвакуирована в Сталинабад — ныне Душанбе. Там и снимался следующий фильм Роу — «Кощей Бессмертный». Поскольку Милляр перед съемками переболел малярией и весил около 40 килограммов при росте 164 сантиметра, особенно готовиться к роли, с точки зрения внешности, ему не пришлось — он и так был страшен. Но все же изучал старинные иконы и картины, где была изображена «нечисть», — ему хотелось, чтобы его Кощей был похож на черта.

Конечно, актер снимался и у других режиссеров. Но у него не было главных ролей, только эпизоды. Зато у Роу он мог сделать эпизоды на-

столько яркими, насколько позволяло амплуа «официального представителя нечистой силы», как Милляр сам про себя говорил. И тут, как ни странно, «вылезало» его французское происхождение. Посмотрите на советника подводного царя Квака в исполнении Милляра и на Фантомаса — в исполнении Жана Маре. Будет трудно не увидеть сходство, и дело тут не только в зеленой «окраске» персонажа.

В последний раз сыграть Бабу-ягу Милляру довелось в 1972 году — в сказке Роу «Золотые рога». В 1973 году режиссера не стало, а с его смертью закончилась и карьера «нечистой силы» для Милляра. Конечно, он продолжал сниматься в эпизодах у других режиссеров, но это

было уже не то. Именно Георгию Францевичу, кстати, принадлежит расхожая фраза «Актер — это кладбище несыгранных образов». Он об этом знал лучше многих.

Звание народного артиста он получил только в 1988 году, когда ему было 85 лет. Но сам Георгий Францевич знал, что зрители всегда его любили, особенно дети.

Своих детей у него не было и быть не могло, о чем он знал с самой юности. Из-за этого распался его первый брак: в двадцатых годах он был женат на актрисе театра Революции. Однажды жена, которую актер уже подозревал в неверности, вернулась

домой с радостным известием о том, что она ждет ребенка. Милляр посоветовал ей растить его с настоящим отцом. Супруги развелись. После этого он не женился много лет, предпочитая жить с мамой — той самой дочерью золотопромышленника. Елизавета Алексеевна держала сына в ежовых рукавицах, являясь на киностудию за его авансом и зарплатой и препятствуя тому, чтобы он сразу тратил все свои гонорары на выпивку. Грех такой за ним был, и об этом все знали. Роу даже грозил Георгию Францевичу: «Маме скажу!» — и актер тут же брал себя в руки. Правда, несмотря на пагубную привычку, Милляр ни разу не сорвал съемку и никого не подвел. Просто часто бывал немного навеселе.

На съемках фильма «Морозко» актер «вступил в сговор» с продавщицей автолавки: он уходил с бидоном

якобы за молоком, продавщица ставила в бидон бутылку, а молоко заливала сверху.

Вторая женитьба актера случилась уже после смерти матери, когда ему было за 60. Супругой его стала соседка по коммуналке, женщина примерно его возраста по имени Мария Васильевна. Она была вдовой, потерявшей мужа на фронте, и одна воспитала троих детей. Сначала они просто вместе пили чай, а затем Георгий Францевич сделал ей предложение. Когда женщина удивленно сказала, что в силу возраста мужчины ее уже не интересуют, Милляр гордо ответил: «Я не мужчина. Я — Баба-яга!» Они поженились, Мария Васильевна оставила работу, чтобы сопровождать мужа в поездках. Конечно, это был брак людей, которые нужны

были друг другу для спасения от одиночества, для помощи, когда силы с возрастом убывают. Вместе они переехали в квартиру на улице Флотская, которую государство выделило артисту. Это было далеко и неудобно, но Милляр никогда не жаловался.

Играл он в последние годы мало, иногда выступал на концертах, стараясь, чтобы у каждого ребенка остался от него какой-то подарок. Для этого сам рисовал открытки с Бабой-ягой и Кощеем и подписывал их: «С любовью, Г.Ф. Милляр».

Умер артист 4 июня 1993 года в Москве, не дожив совсем немного до своего девяностолетия. Похоронили его на Троекуровском кладбище. Мария Васильевна после смерти мужа передала часть архива Георгия Францевича в Музей кино. □

Голос прошедших лет

Валерий Румянцев

Шел тысяча девятьсот шестьдесят седьмой год. Этот год запомнился празднованием 50-летия Октябрьской революции, открытием в Волгограде монумента «Родина-мать», первой партией цветных телевизоров «Радуга» и тем, что впервые в нашей стране был опубликован роман Булгакова «Мастер и Маргарита».

Об этих и других значимых событиях старшеклассник Борис Воронцов хорошо знал, так как был склонен к познанию мира. И этот мир задавал ему все больше и больше вопросов, на которые нужно было находить ответы.

А еще Воронцов влюбился в свою одноклассницу Гаю Кузьмину. Она же не испытывала к Борису сердечных чувств, хотя, по общему признанию, он был симпатичный парень, высокого роста, учился почти на «отлично», и второй год подряд его избирали комсоргом класса.

Нельзя сказать, что это задевало самолюбие Воронцова — такого чувства он не испытывал. Просто его сердце жаждало взаимности, а Кузьмина отталкивала его. Девушки — уникальные создания: они способны притягивать парней, отталкивая их.

Как и многие школьники, попавшие в плен первого платонического чувства, он начал писать стихи. И когда их накопилось несколько десятков, прочитал их старшему брату Алексею — студенту филологического факультета университета. Борис очень огорчился, когда тот сказал:

— Очень слабые вирши, все в корзину. А вот это оставь. — и, взяв в руки тетрадь, прочитал вслух стихотворение:

*Четыре строчки за день стихов.
Четыре ночи бессонных снов.
Четыре капли, выпавших из глаз.
Четыре сабли прокололи враз.
Четыре чувства захватили власть.
Четыре буйства не хотят пропасть.
Шестнадцать бросков к окну твоему.
И... четыре пощечины. Мне. Одному.*

Затем Алексей еще раз прочитал про себя это стихотворение и спросил:

— Ты влюбился, дружок?

— Да, — признался Борис. — Но она...

— Не отвечает взаимностью. Это, брат, в жизни часто бывает. Любовь — своего рода налог, который мы вынуждены платить за то, что у нас есть сердце...

Эти слова брата Воронцов запомнил на всю жизнь.

Вскоре ему предстояло расставание со своей школьной любовью, и это его мучило больше всего. Семья Воронцова переезжала в Сочи. Дом на курорте был куплен недавно, и мать с отцом уже были там. В начале июня Воронцов получил в школе табель об окончании девятого класса и на следующий день самолетом вылетел в Сочи. В самолете он мысленно прощался с местами, ставшими для него родными. Здесь прошло его детство, началась юность. Жалко было покидать друзей детства, школьных товарищей и особенно дорогую его сердцу Галину Кузьмину. Неужели он никогда ее больше не увидит? От этой мысли ему сделалось не по себе, но он успокоил себя: «Не все так плохо. В Сочи я увижу много для себя нового, наверняка встречу немало интересных людей...»

В городе-курорте все было по-другому: люди, архитектура, рынки, пляжи... Больше всего Бориса поразила природа. Море и горы, кипарисы и пальмы, горные речки, цветы магнолии — на это можно было смотреть часами.

Первого сентября Воронцов появился в новой школе. Когда он зашел в кабинет десятого класса, к нему приблизилась уверенная в себе, красивая девушка и сказала:

— Я — Жанна Лепешинская, староста класса. Сидеть будешь здесь, — показала она пальцем на парту.

— Хорошо, — машинально кивнул Борис.

Он смотрел в голубые глаза Жанны и больше ничего не видел. Ничего! Это была любовь с первого взгляда.

Первое впечатление — это всего лишь оболочка восприятия. В последующие дни Борис стал замечать в поведении Лепешинской то, что ему очень не

понравилось: она бесцеремонно отдавала распоряжения всем без исключения одноклассникам, и те спешили выполнить ее команды по подготовке к уроку, по уборке класса, по проведению школьных мероприятий. Одноклассники все понимали, но активно не протестовали. Как говорится, чувство справедливости есть у всех, но многие с ним успешно борются.

И у Воронцова началось меняться отношение к Жанне. А еще через неделю появились первые ростки неприязни к ней, и он, удивляясь самому себе, подумал, как вообще мог влюбиться в эту высокомерную куклу.

Прошла еще одна неделя. В воскресный сентябрьский день на диком пляже собралась примерно половина класса, чтобы отметить день рождения Жанны Лепешинской. Присутствовала там и Валя Смирнова. Она была из бедной семьи и несколько лет мечтала приобрести надувной матрас. Прошедшим летом она подрабатывала в столовой и купила его наконец. Борис ртом надул этот новый матрас и передал хозяйке, но Вале не пришлось им воспользоваться. Временами волна самолюбия накрывала Лепешинскую с головой. Вот и сегодня она весь день сидела или лежала на этом матрасе, а Вале пришлось сиротливо ютиться на камнях.

В конце концов Воронцов не выдержал и взорвался. Он подошел к Лепешинской и в присутствии одноклассников решительно заявил:

— Так с товарищами не поступают. Принесла бы свой матрас и валялась бы на нем...

— Не лезь не в свои дела, — огрызнулась Жанна. — Только пришел в наш класс — и уже пытаешься командовать. — И с нескрываемой злостью добавила. — Никогда не забывай, что для нас ты всегда будешь чужаком.

— А ты останешься в памяти одноклассников как глупое и наглое существо, достойное презрения и забвения, — отрубил Воронцов и отошел в сторону.

Таких слов никто из учеников никогда Лепешинской не говорил. И чтобы как-то отомстить обидчику, на следующий день Жанна во всеуслышание заявила:

— Воронцов влюбился в Смирнову, вот и заступается за нее...

Это еще больше разозлило Бориса: Валя Смирнова была невзрачной девочкой маленького роста.

Конфликт между Воронцовым и Лепешинской шел по нарастающей, стена неприязни росла между ними каждый день.

Так и не помирившись, они и дожили до выпускного вечера...

Прошло пятьдесят три года. За это время Борис Петрович Воронцов успел окончить военное училище, академию, прослужить в армии почти сорок лет и затем поработать на гражданке. Во время отпусков он со своей семьей периодически приезжал к родителям в Сочи и раза три случайно встречал Жанну

Лепешинскую. Первый раз она отвернулась от него и сделала вид, что не заметила. Еще два раза они без энтузиазма поздоровались — и на этом неполноценное общение завершалось. Судя по выражению лица Жанны, эти встречи не вызывали у нее положительных эмоций. Юность не уходит, она остается в душе и периодически напоминает о себе.

В отставку Воронцов вышел пять лет назад в звании полковника и решил с семьей вернуться в Сочи на постоянное жительство — к тому времени отец и мать уже покинули этот мир. Квартиру в Волгограде, где жила семья Бориса, он оставил уже взрослому сыну и переехал с супругой в родительский дом.

Супруга для Бориса Петровича была не просто женой, а главным счастьем в его жизни. Трудно приобрести счастье, еще труднее сохранить его. Но Воронцову посчастливилось достичь и первого, и второго. Супружество — это двое в одной упряжке, но хомут нередко у одного. К счастью, в его семье такого не наблюдалось. Жена Воронцова понимала, что семейный очаг — это не помещение, а тепло, которое царит в нем, поэтому Борис Петрович и продолжал любить ее...

И вот как-то неожиданно к Воронцову в январе подкралось семидесятилетие, которое он собрался скромно отметить у себя дома в кругу супруги и двух приятелей с их женами. Еще обещали прилететь из Волгограда сын и дочь, а также старый армейский товарищ.

Получив от жены список продуктов, Борис Петрович сел в свою «Ладугранту» и поехал в «Магнит» за покупками. Там он заполнил коляску многочисленными бутылками, мясными, молочными, прочими запасами и, подкатив коляску к кассе, начал выкладывать продукты на прилавок. Перед ним расплачивалась пожилая женщина, одетая в изрядно поношенную куртку; на голове у нее был какой-то уж совсем неприлично старый платок. Борис мельком увидел только профиль этой женщины.

— С вас триста семнадцать рублей, — сказала кассирша покупательнице.

— Ой, а у меня только триста рублей, — испуганно ответила, как показалось Воронцову, старушка.

— Семнадцать рублей возьмете с меня, — машинально предложил Воронцов кассирше, продолжая выкладывать на прилавок набранные продукты.

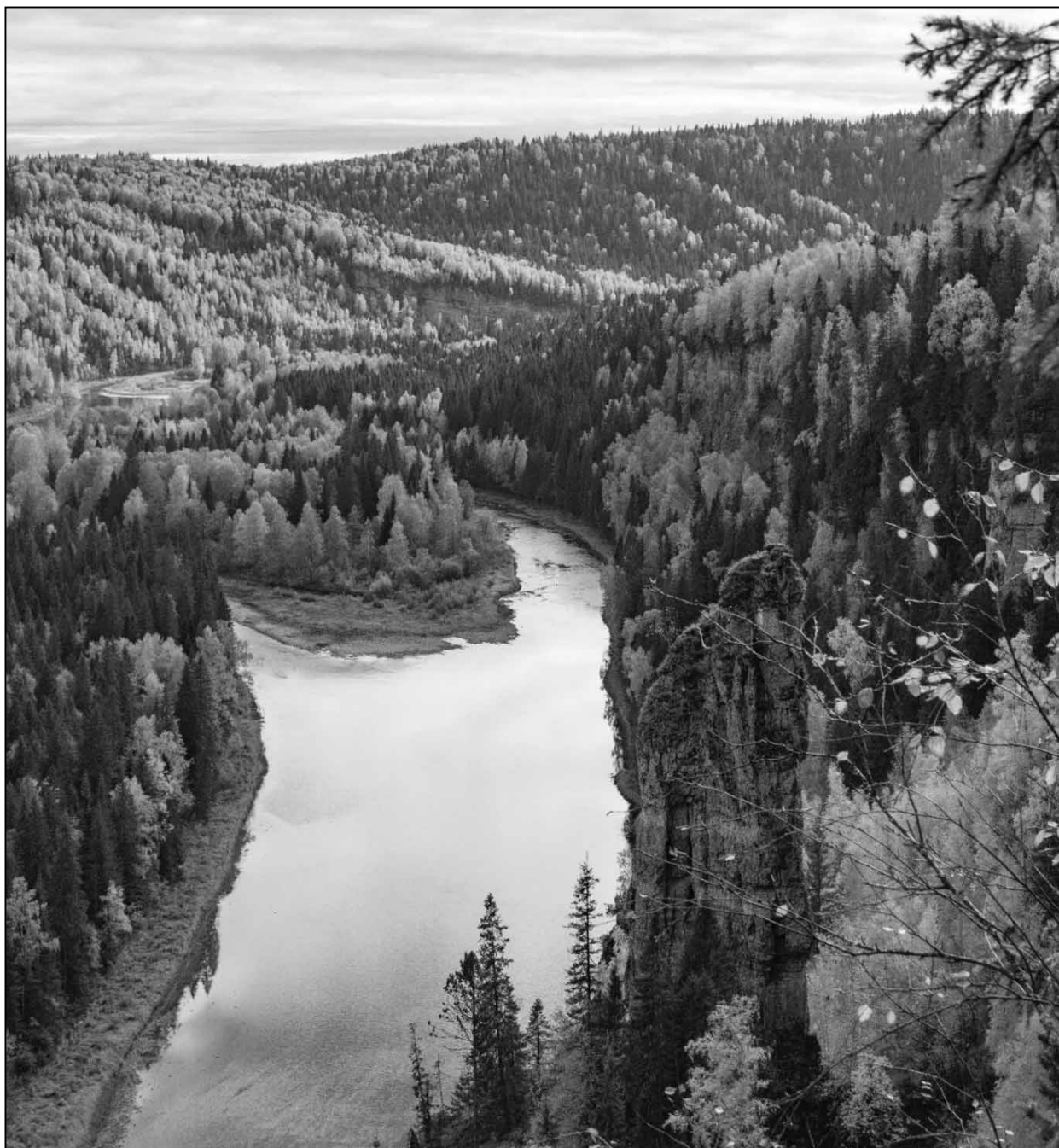
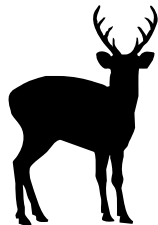
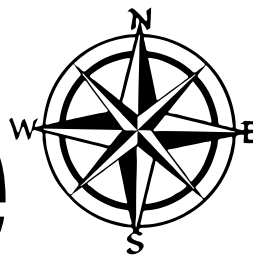
— Спасибо, Боречка, — вдруг услышал он и, взглянув на лицо покупательницы, опешил: это была она, Жанна Лепешинская!

Борис Петрович так растерялся, что не смог вымолвить ни слова и молча покинул магазин.

Сев в машину, он долго не заводил мотор, уставившись в одну точку и думая о том, что зря не сказал Жанне хотя бы несколько теплых слов. Пусть в юности отношения между ними не сложились, но ведь прошло столько лет, почти вся жизнь... И даже в конце ее можно и нужно дарить людям тепло... □

Евгений Пономарев

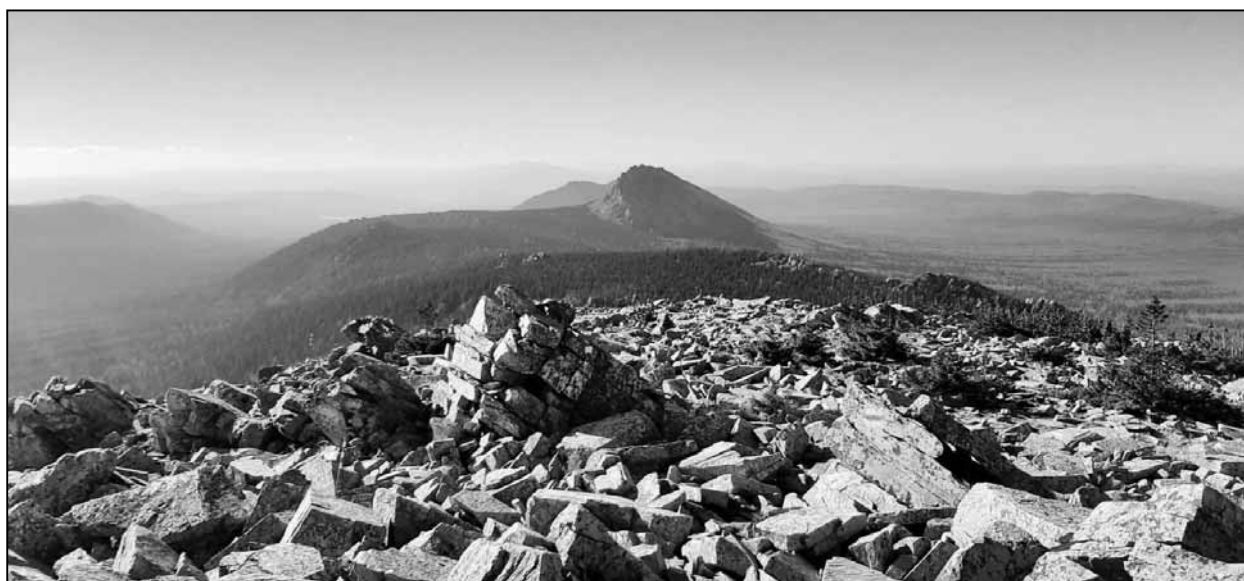
Притяжение СЕВЕРА

Наступила осень, и я, наконец, стал готовиться к отпуску. В этом году я запланировал провести его не в южных краях на берегу теплого моря, как это делал в последние годы, а в окружении суровой северной природы, побывав на небольшой базе своего дяди. Дядя Миша держал свою базу на севере Урала и уже не первый год звал меня к се-

стые потоки воды, освободившейся из ледяного плена белевших высоко в горах ледников. Низины блестяли зеркальной гладью неподвижных вод. Разноцветный ковер мхов и лишайников покрывал многочисленные холмы.

База дяди Миши состояла из нескольких небольших домиков-вагончиков, расположенных на каме-

бе отдохнуть и полюбоваться природой Севера...

Восьмичасовая тряска по ухабам на дядином внедорожнике сопровождалась удивительным уменьшением размера деревьев, кустарников и прочей растительности, пролетающей за окном. Наконец пейзаж стал совсем для меня непривычным. Море тайги расступилось и осталось позади. Деревья из войска великанов превратились в редкие миниатюры, которые неизвестный любитель бонсаи посадил среди осыпей камней. Бесчисленные ручьи и реки несли кристально чи-

нистом берегу одной из рек. А на противоположном ее берегу находилось стойбище. Стоял небольшой деревянный дом, а рядом с ним возвышался конус настоящего чума.

— Это Якур зимнее стойбище готовит, — пояснил дядя, вытаскивая мои вещи из багажника своего автомобиля. — У него раньше было стойбище в другом месте, за дальним перевалом. Но так как ко мне приезжают туристы, то мы вместе с ним решили, что будет лучше по соседству жить. Сейчас гостей интересует не только рыбалка, но и экзотика жизни оленеводов.

— То есть у вас взаимовыгодное сотрудничество? — улыбнулся я.

— Без этого здесь никак, — пояснил дядя Миша. — Якуру я кой-какие товары достаю, дровишек ему подкидываю, а он мне оленину дает, организует для гостей прогулки на собачьих или оленьих упряжках. На рыбалку с ним и его сыном выезжаем.

— А сколько у него оленей?

— Здесь немного, и полусотни не наберется. Основное стадо он между старшими двумя сыновьями несколько лет назад разделил. Его олени за перевалом находятся.

— Якур один там живет?

— С ним живут его жена Урнэ, сын Юван и его жена Литта.

— Имена такие необычные, не запомнить даже!

— Наши имена у них, только на свой лад переделаны, — пояснил дядя Миша. Якур — Егор по-нашему, Юван — Иван, Урнэ — Ирина, Литта — Лида, должно быть. А исконные их имена и не выговоришь, очень сложно произносятся.

— А они по-русски говорят?

— Ну, конечно. Сам все услышишь и увидишь. Пошли, покажу тебе твой домик, поужинаем, а завтра уже соседей наших навестим.

Мы прошли в небольшой вагончик. Дядя Миша показал, что и где находится. После утомительной поездки и плотного ужина я очень быстро заснул.

Утром следующего дня мы с дядей направились к стойбищу Якура. Усевшись в моторную лодку, пере-

плыли небольшую тихую реку. При этом дядя не стал запускать двигатель на лодке, а воспользовался веслами.

Не успели мы причалить к берегу, как навстречу нам выбежали две лайки. Собаки были средних размеров. Одна — совсем белая, другая — с темно-коричневыми пятнами по бокам. Но у обеих собак заостренные кончики стоячих ушей глядели в серое небо, а хвосты были загнуты в кольцо.

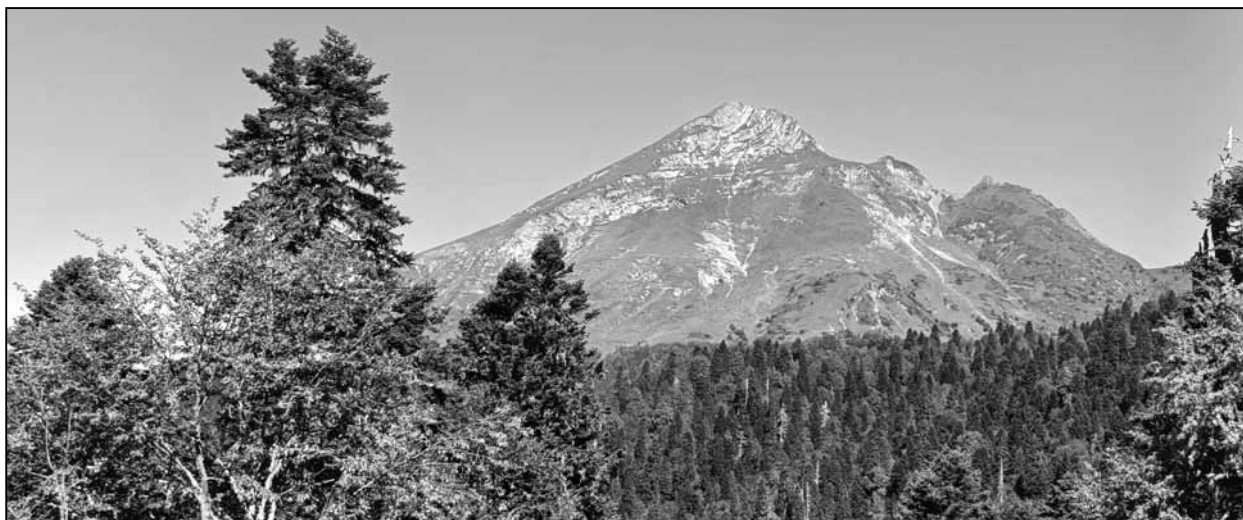
капюшона торчала жиденькая седая бородка и длинные усы.

— Здравствуй, Якур! — приветствовал его дядя Миша, пожимая старику руку. — Познакомься, мой племянник!

— Приветствую тебя! — на чистом русском произнес старик, обращаясь ко мне.

— Здравствуйте! — ответил я.

— Ну, пойдете в гостевой чум! — пригласил нас старик, указав рукой в сторону своего жилища. Якур при

— Алдан, Хай! — Едва выбравшись из лодки, дядя начал ласкать подбежавших к нему собак. — Встречаете нас, хорошие мои! Ну, ведите к хозяевам!

Собаки были настолько юркими и ласковыми, что я не смог удержаться, чтобы тоже не погладить и не потискать их немного.

Навстречу нам вышел небольшого роста седовласый старик. В традиционной для северных народов глухой куртке мехом вовнутрь, меховых штанах, на ногах — унты. Из

этом все время улыбался. От улыбки глаза его совсем терялись на лице.

— Вы прямо тут живете? — спросил я старика, когда он откинул одну из шкур, которой был завешан вход в чум, приглашая войти внутрь.

— Не-не! — улыбался старик. — Это гости живут, а мы семьей — в избе.

— Это у них вроде гостевого домика для туристов! — пояснил дядя Миша.

Внутри было довольно темно, но уютно. На полу, в самом центре,

из больших камней был выложен очаг. Остальная часть пола закрыта шкурами. Массивные длинные жерди, составляющие каркас стен чума, уходили лучами высоко вверх. Там над очагом зияло небольшое отверстие, впускающее внутрь столб дневного света.

Не успели гости усесться на устланный шкурами пол, как в чум вошел мужчина средних лет, а вслед за ним две женщины. Седая старушка несла охапку хвороста, вторая женщина держала в руках блюдо с большими кусками отварного мяса.

— А, Юван, приветствую тебя! — вскочил на ноги дядя Миша.

Я тоже поднялся на ноги, чтобы поздороваться с сыном Якура.

— Урнэ, Литта, доброго вам дня! — поприветствовал дядя Миша женщин, которые, улыбаясь, поклонились ему в ответ.

— Здравствуйте! — громко произнес я.

— Здравствуйте! — ответили мне женщины.

Хозяева чума были приветливы, но разговаривали мало. Женщины молча сидели у раздутого ими огня, разогревая на нем мясо и кипятя воду. Юван смотрел на огонь и следил за работой женщин. Один старик Якур неторопливо беседовал с дядей Мишей. Я рассматривал небогатое убранство чума, одежды хозяев, слушал разговор дяди и старика. Хозяин стойбища вынул из кармана курительную трубку, набил ее табаком

и медленно раскурил трубку от лучины, вынутой им из очага.

— Якур, когда к тебе старшие сыновья приедут? — поинтересовался дядя Миша. — С прошлого сезона их не видать.

— Отправят детей на учебу, и с первыми снегами приедут.

— Они также оленями занимаются?

— Да, только к этому приучены, — заключил старик.

— Давай завтра на рыбу съездим! — предложил дядя Миша. — Хочу племяннику такую рыбу показать, какую он ни в одном магазине не видел, и тем более не пробовал.

— Можно и на рыбу, — промолвил Якур, затянувшись табачным дымом.

Угостившись вареной олениной и попив чай из сухих трав и ягод, поговорив о том о сем, все вышли из чума. Женщины скрылись в деревянном доме, а Якур и Юван стали показывать мне свое хозяйство. Мы прошли к большому загону, сколоченному из жердей. Там находились несколько десятков оленей серобурого окраса. Взрослые особи были все с рогами, с той только разницей, что у одних рога были большие и ветвистые, а у других — поменьше. В стаде были и маленькие оленята более темного окраса, вот у них рога пока полностью отсутствовали. Они без остановки прыгали на своих непропорционально длинных ногах.

— Это все взрослые и молодые самцы? — поинтересовался я у Ювана.

— Не, самки, самцы и маленькие, — пояснил оленевод.

— У самок тоже рога вырастают? — удивился я.

— Да, — вступил в разговор дядя. — Только самки свои рога летом сбрасывают, а самцы зимой.

Тут Якур принес пару рогов и протянул их мне в качестве подарка.

— На, бери, только сам не носи! — засмеялся он.

— Обещаю не примерять их, — шуточно ответил я, и все дружно рассмеялись.

Так незаметно прошел день.

Ранним утром, когда было еще совсем темно, мы вчетвером выехали на лодке вниз по течению реки. Вскоре вошло солнце, обещавшее

нам чудесный день. Проплыв более часа, мы остановились у одного отвесного скального выступа, к которому вплотную подступала река. В этом месте было много заводей. Рыбу ловили на поплавочные удочки, спиннинги, донные снасти. В реке было настолько много рыбы, что за несколько часов два бака, уложенные на дно нашей лодки, были заполнены самой разнообразной рыбой: щука, окунь, пелядь, омуль, чир, муксун, нельма, таймень.

Тут же на берегу разожгли костер и поставили на огонь прихваченный из дома котелок. Дядя Миша и Якур выпотрошили несколько рыб и опустили их в кипящую воду, добавив нарубленного лука и лаврового

листа. Уже через несколько минут, сидя у костра, мы наслаждались вкуснейшей ухой.

— Нет в ухе соли, нет картошки, — пояснял, улыбаясь Якур. — Раньше соли не было и картошки не было, рыбу так варили и ели.

Но даже без овощей и соли рыбный суп показался мне самым вкусным из того, что мне удалось попробовать в жизни.

— А причем тут северное сияние и Литта? — поинтересовался я.

Все молчали. Юван опустил свой взгляд вниз, и я понял, что вопрос мой был неудобный, поэтому задавать его повторно не стал.

Наша лодка причалила к берегу, на котором стояло стойбище Якура. Они с Юваном вытащили один бачок с рыбой, прихватив свои рыболовные снасти, и мы с дядей Мишей

После плотного обеда долго сидели у костра, курили, разговаривали.

— Сегодня всполохи будут, — сказал Якур, задумчиво глядя в чистое небо.

— Да ну, рано еще, — возразил дядя Миша. — Это Якур про северное сияние говорит, — пояснил он мне.

— Будут-будут, — улыбался старик. — Юван, заботы тебе с Литтой прибавится.

направили лодку к противоположному берегу...

Весь вечер мы потрошили и чистили пойманную рыбу. Часть из нее на улице подвесили на деревянную перекладину за хвосты, предварительно вставив внутрь поперек каждой тушки небольшую веточку. Это делали для того, чтобы раздвинуть края брюшка рыбы для лучшего просушивания. Другую часть очищенной рыбы большими кусками, обильно обсыпанными солью, скла-

дывали в бачок с перфорированным дном.

— Рассол с лишней солью будет вытекать в эти отверстия, так рыба не забродит, — пояснял мне дядя Миша этапы приготовления. — А муксунчик этот уже к вечеру готов будет, вот мы его с тобой под водочку и слопаем!

— Да, заманчивое предложение!

— А то! — подмигнул мне дядя Миша.

— Дядя Миша, а почему Якур сыну сказал, что у того заботы какие-то с Литтой прибавятся.

— Эмирячка она!

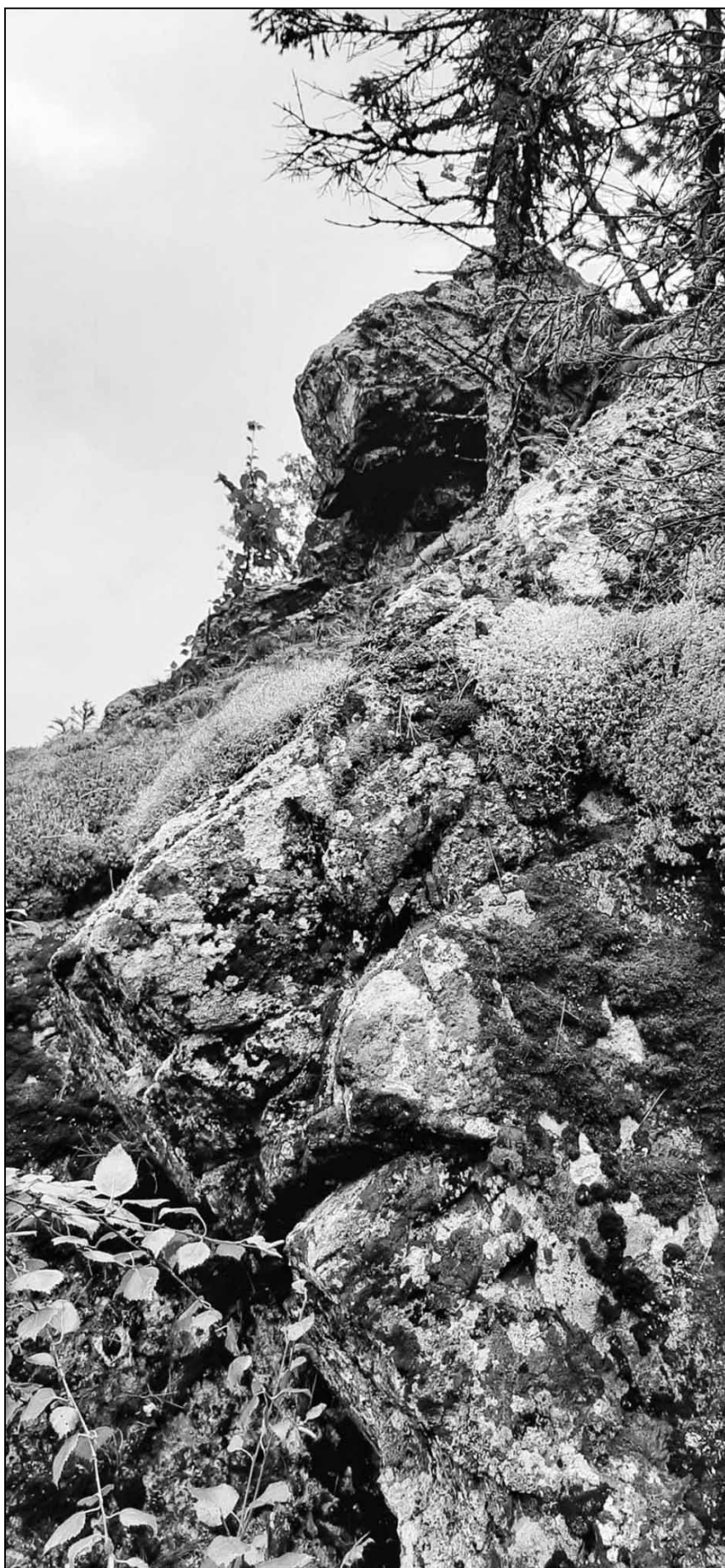
— Как это?

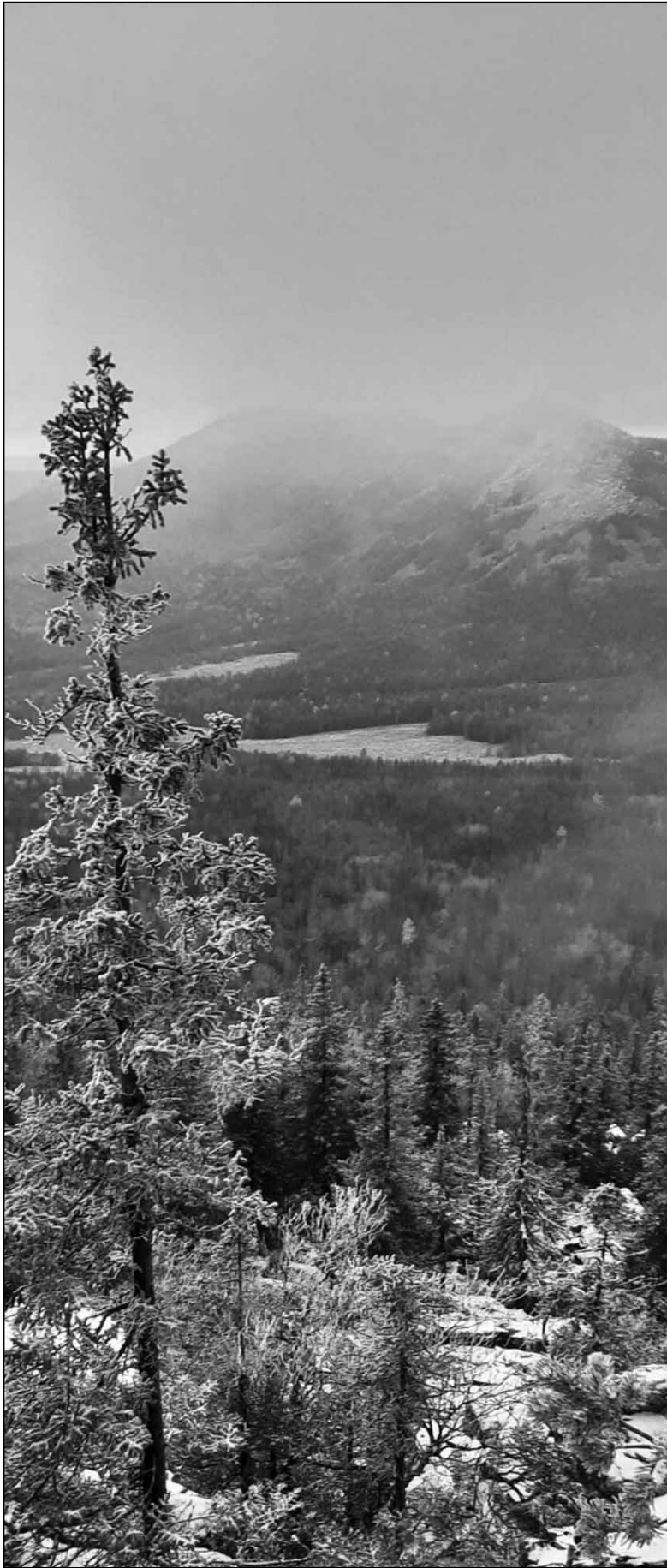
— Есть такой феномен, еще Амундсен упоминал об этом.

— Не слышал о таком!

— Эмиряченье. Правда, ученые называют это по-другому: арктической истерией или арктическим психозом. Были случаи, когда несколько человек, ни с того ни с сего, начинают повторять слова и движения других людей, кричать, принимать странные, неестественные позы, хороводить. Очнувшись от этого наваждения, они ничего не помнили. Некоторые доводили себя до такого истощения, что просто валялись без сил, проспав несколько дней.

— И Литта страдает таким недугом? — поинтересовался я.

— У нее проявляется этот недуг в другом, — во время сильного сияния она впадает в забытие, становится как зомби и направляется строго на север. Сколько раз такое было, что зимой, полностью нагая, выходила из дома и шла по сугробам в тундру. Хорошо, что хоть родня рядом всегда находится, не дает ей уйти далеко.

— Она показалась мне абсолютно здоровой.

— Это еще один феномен эмиряченья, который называют «зов Полярной звезды», — продолжал дядя Миша. — Одни верят, что человек так с иным миром общается, другие считают, что это злые духи так над людьми смеются, манят их на верную гибель. Сколько людей вот так уходило и замерзало или тонуло в реках. По-разному к этому относятся местные люди. Кто-то таких людей за бесноватых считает, а кто-то почти за святых. Но ведь и у нас к юродивым также относились: одни прогоняли, другие чтили.

— И такое с Литтой происходит каждый раз, как происходит сияние?

— Нет, раз на раз не приходится, — ответил дядя. — Но Якур по каким-то своим приметам заранее знает о предстоящем сиянии и предупреждает об этом своего сына...

Вечером мы с дядей Мишей сидели в его вагончике за столом и объедались малосольным мясом выловленного сегодня днем муксуна. В разговорах за рюмочкой под хорошую закуску незаметно прошел весь вечер, и уже поздно ночью я вернулся в свой домик.

Небо было чистое и звездное, никакого сияния видно не было.

всему небосклону. Я смотрел вверх как замороженный и не мог оторваться от этого зрелища. В чувство меня привел только кашель дяди Миши. Он сидел на крыльце своего домика, молча курил и, подняв голову, тоже смотрел на небо.

Через некоторое время на противоположном берегу послышались непродолжительные крики. Это Юван с Урнэ звали Литту. Насколько можно было рассмотреть по темным силуэтам фигур, они догоняли ее, чтобы отвести обратно в жилище.

Меня разбудил лай Алдана и Хая, доносившийся с другого берега реки. Спросонья мне почудилось, что за окном уже рассвет. Однако, присмотревшись, я увидел, что ночное небо озарилось десятком ярких всполохов. Набросив на плечи куртку, я вышел на крыльцо. Мерцание переливалось разными цветами, от красно-фиолетовых до желто-зеленых. Удивительные волны колыхались по

— Это Литта? — спросил я дядю.

— Да, — спокойно ответил он мне. — Не волнуйся, скоро у нее все пройдет.

Этот ответ меня успокоил, и мой взор снова обратился на таинственное небесное свечение. Сколько я так простоял, глядя вверх, не помню, но край неба постепенно стал розоветь, а разноцветные всполохи померкли...

Удивительное природное зрелище меня потрясло. Манящая красота этого явления подействовала и на меня. Однако осознание опасности производящего им эффекта на Литту и некоторых других людей, поселило во мне убеждение о наличии и другой, зловещей стороне этого фантастического явления...

Утром мы с дядей направились к соседям. Какие-либо признаки случившегося ночью отсутствовали, все было по-прежнему. Урнэ с Литтой занимались домашними хлопотами, готовили еду, приветливо угощали олениной. Старик Якур и его

сын Юван сидели у очага, курили и мирно беседовали.

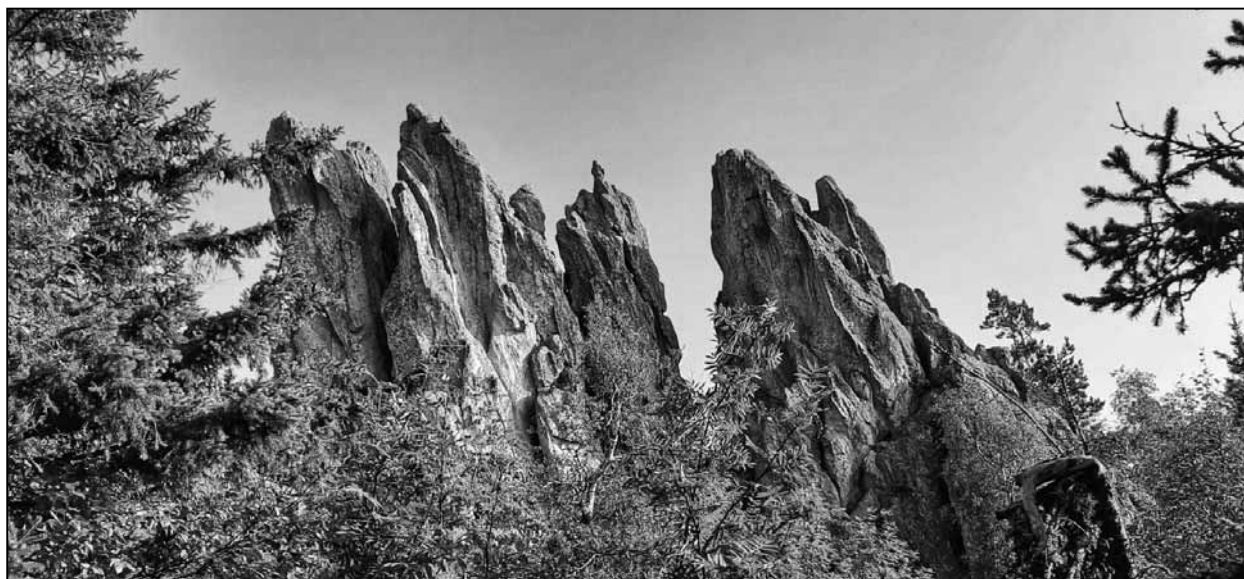
Следующей ночью, задолго до рассвета, я снова проснулся и вышел из своего вагончика. Лежавшее на крыльце квадратное пятно просочившегося в проем открытой двери света отделяло меня от тьмы. Земля была покрыта белым саваном. Стоя на крыльце, я чувствовал, как на лицо тихо падают редкие снежинки...

Оставшиеся дни я провел в беседах со своим дядей, Якуром и Юваном. Ни дядя, ни его друзья не считали производящий северным сиянием на Литту эффект чем-то неестественным. Наоборот, Якур и чле-

ны его семьи были уверены, что Литта отмечена неким даром, благодаря которому она общалась с иным миром — миром духов их предков.

— Давным-давно все люди жили на Юге, — начал рассказывать Якур одну из легенд. — Жар Солнца вызывал в людях жажду богатства,

Оставшиеся дни моего отпуска я наслаждался пребыванием в этом чудесном месте. Несколько раз выезжали мы на рыбалку, поднимались на соседнее горное плато, испещренное множеством каньонов и водопадов, наблюдали за перегонном стад северных оленей. Север

славы и власти. Люди враждовали между собой и почти истребили друг друга. Но однажды ночью, когда Солнце спало, оставшиеся в живых люди услышали шепот Звезды. Звезда звала их к себе, на Север, где в холодных водах много рыбы, в воздухе много птиц, а на снегах пасутся олени. Люди пошли на зов Звезды. Поселились здесь и стали жить без вражды друг к другу. Наступил мир между людьми. А духи предков в знак примирения стали зажигать в небе яркие огни.

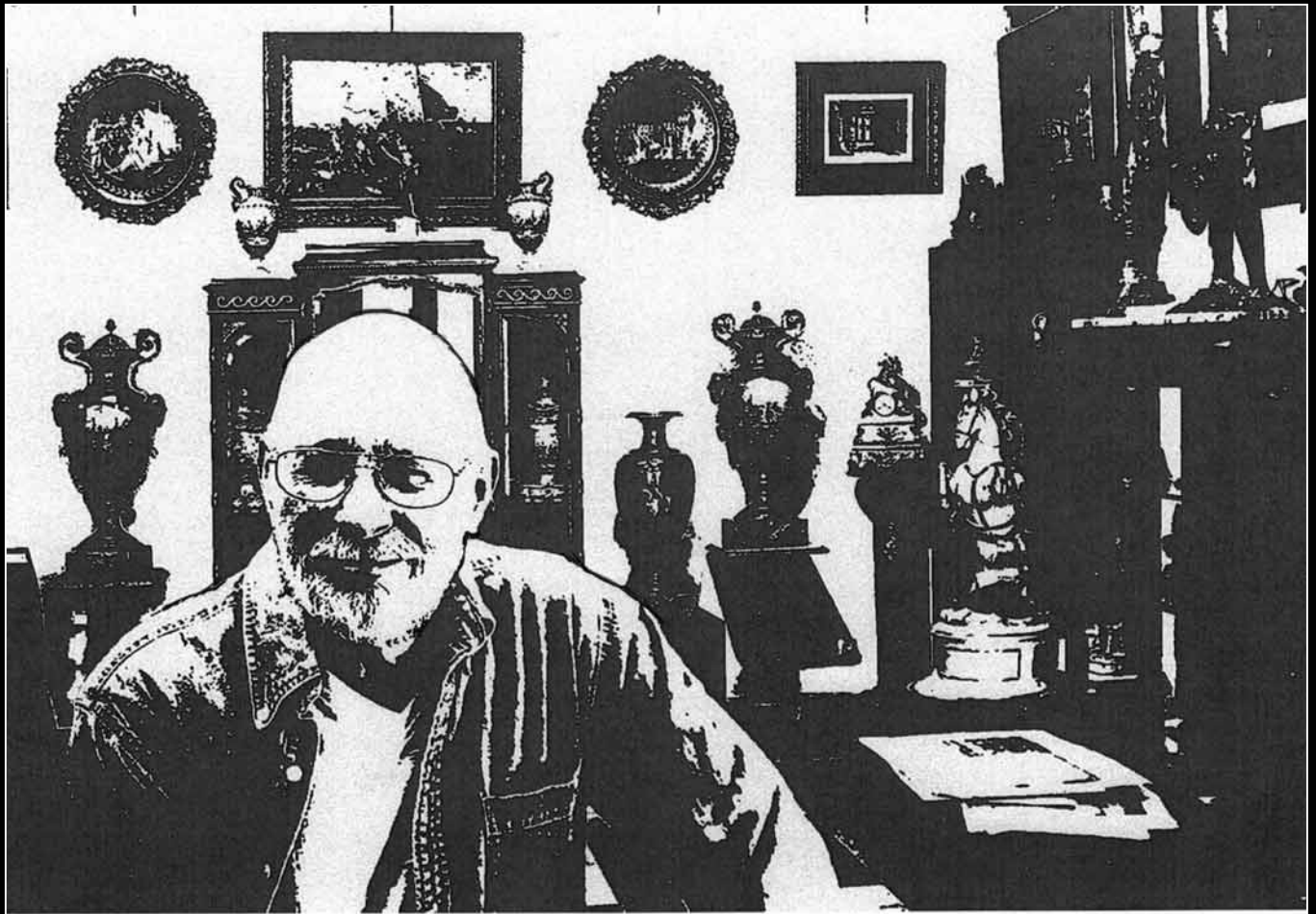
Такие рассуждения старика окончательно развеяли мои тревоги за Литту и ей подобных.

не переставал поражать своей суровой красотой.

Но постепенно все начало преобразиться: разноцветье ковров из мхов и лишайников сменилось серобелым покрывалом. Все вокруг готовилось к длинной и холодной поре. Приближалась полярная ночь, а вместе с ней период небесных мерцаний.

Прощаться с этим диким и удивительным миром не хотелось. Чем дальше уносил меня поезд, тем больше было мое стремление вернуться обратно, словно таинственная сила самой Полярной звезды влекла меня в те края... □

Фото автора

«Синий лед»

ПРОЛОГ

Электричка дернулась и, набирая обороты, понеслась вперед. Алевтина втащила в вагон тяжелую плетеную корзину, прикрытую шалью, плюхнула ее на деревянную скамью и уселась сама, выбирая местечко потеплее. Под лакированными рейками работала печь, что для околевшей от холода женщины было весьма кстати. Алевтина неторопливо скинула капюшон дешевого китайского пуховика, размотала платок и расстегнула пару пуговиц. Вагон был практически пуст. В противоположном конце, притулившись к окну, спиной к Алевтине сидела женщина и, похоже, спала, да через скамью прямо на деревянных плашках лежал мужчина, подложивший под голову кожаный портфель. Алевтина покосилась на спящего и скривилась. Пьян поди, подумалось ей. В глаза бросились дорогие замшевые ботинки, совершенно неуместные за городом, щегольского бежевого цвета. Брюки тоже показались слишком уж... богатыми, что ли? Даже в тусклом свете вагонных фонарей было видно: попутчик дорого и хорошо одет. Чего ему в таком виде на дачных участках делать, да еще зимой? Бросив на мужчину еще один взгляд, Алевтина выудила из корзины книжечку со сканвордами и принялась разгадывать ребусы, но от усталости, а, может, от тусклого света, ей это занятие быстро надоело.

«Может, мне тоже прилечь? — подумала она, с завистью глядя на спящего попутчика. — Так ведь разосплюсь. Еще станцию проеду!»

Электричка на сегодня была последней и абсолютно некомфортной. Днем туда-сюда сновали другие: современные, с вагонами второго класса, мягкими креслами и чистыми туалетами. Даже пахло в них по-другому.

На новеньких электричках Алевтина ездить не привыкла, да и цена на билет была повыше. Женщина была бы рада сэкономить, но утром больше ничего не шло. Вечером — другое дело, к тому же, если контролеры ленились, вечером были все шансы проскочить без билета. В положении Алевтины, когда приходилось считать каждую копейку, это было крайне важно, иначе не моталась бы она на далекую дачу за овощами, покупала бы все в магазине и вместо поездок сидела бы в тепле у телевизора, наслаждалась речами ведущего, с упоением копающегося в чужих склоках-раздорах.

Чужие склоки, особенно телевизионные и не опасные, Алевтина любила, а вот свои — не очень.

Сыночек, кровиночка, великовозрастный балбес, неожиданно решил жениться, приволок в дом неопрятную волоокую лимитчицу, жующую жвачку, как корова на выпасе. Лимитчица быстро захватила однушку, вытолкала свекровь жить на кухню, а чтобы укрепить позиции, немедленно забеременела. Денег в доме катастрофически не хватало. Сын работал в продуктовом, банальным грузчиком, Алевтина получала крохотную пенсию. Лимитчица сидела перед телевизором, слушала сладкоголосого красавца ведущего, и все время хотела есть.

Кабы не вьюжный февраль, необычайно холодный в этом году, Алевтина была бы даже рада необходимости ехать черт знает куда, за овощами, заготовленными еще осенью, на собственном участке. Все лучше, чем торчать под носом ненавистной невестки и слушать бесконечное нытье, смешанное с физиологией токсикоза. Но таскаться по холоду, брести по заваленным сугробами улицам, сидеть до вечера в неотапливаемом доме... Как же было хорошо раньше! До того как муж, бросив семью, не сбежал к грудастой соседке, не затеял размен, мастерски выторговав свободу в обмен на крохотную хрущевку и дачу. Раньше Алевтина с удовольствием принимала гостей в роскошной «сталинке», с высокими потолками, дорогой мебелью, угощала деликатесами и с удовольствием ходила по комиссиям, выискивая залежалые раритеты. После развода все изменилось. На раритеты не было денег, пришлось идти работать в библиотеку, жить впроголодь и в долг, растя сына, на которого папаша выделял мизерные алименты. Не до жиру тут, ноги бы не протянуть!..

Электричка стала притормаживать, и вскоре остановилась на очередном полустанке. Алевтина выглянула в припорошенное инеем окно, но название станции заметить не успела, а в темноте все выглядело одинаково. По платформе с гиканьем и воплями пронеслась стайка молодежи, хохоча дурными голосами.

«Только бы не в мой вагон», — подумала Алевтина с надеждой. Ей повезло. Молодежь заскочила в соседний вагон, откуда доносились их вопли

и визгливый смех. Мужчина все так же спал, свернувшись клубком, женщина в другом конце вагона сидела, прислонившись к окну. Их расслабленные позы успокоили Алевтину, и она тоже задремала...

Вдруг поезд резко сбавил ход, словно тюкнувшись носом в невидимую преграду. Алевтина услышала грохот, вздрогнула и открыла глаза. Из соседнего вагона слышался гвалт и хохот. «Стоп-кран сорвали, сволочи, — зло подумала Алевтина. — Уроды! Чтоб вас всех в лесу где-нибудь высадили!»

Она огляделась, надеясь увидеть поддержку в лицах своих попутчиков, и увидела странное.

Мужчина от толчка свалился на пол, но даже не проснулся. Он валялся на грязном полу лицом вниз и не двигался. Алевтина привстала и беспомощно огляделась по сторонам. Женщины, сидевшей в конце вагона, не было, наверное, перешла в другой вагон, пока Алевтина спала.

Опасливо поднявшись, она, пытаясь одновременно удерживать в поле зрения и брошенную корзину, и мужчину на полу, приблизилась к разбросавшему ноги и руки попутчику. Его портфель тоже валялся на полу, и от туда вывалились какие-то вещи, бумаги, и что-то темное, квадратное, откатившееся под лавку.

— Эй, — позвала она, — мужчина! Мужчина, вставайте! У вас вон все валяется! Мужчина, вам плохо?

Она потрясла мужчину за плечо, но он не пошевелился, а тело показалось Алевтине неподатливым и неживым. Нехорошее предчувствие уже шевельнулось у нее в груди, но, не в силах поверить в нечто ужасное, Алевтина вновь затрясла мужчину за плечо, а потом попыталась перевернуть.

Валявшийся на полу мужчина был мертв. Судя по всему, мертв довольно давно. Ткань черного пальто была влажной от впитавшейся крови. Лицо, со страшно закатившимися глазами, полуоткрытым, окровавленным ртом, в свете желтоватых фонарей, напоминало оскал мумии.

— И-и-и-и! — запищала Алевтина и бросилась обратно к корзине. Схватив ее, побежала к дверям, но, вспомнив о дикой молодежи в соседнем вагоне, остановилась. «Может, это они его?» — мелькнула мысль.

Спотыкаясь, путаясь в полах пуховика, Алевтина кинулась к дверям в другом конце вагона, добежав до них, уже протянула руку, чтобы открыть их, но тут ее взгляд вильнул влево.

Женщина, сидевшая в конце вагона, никуда не уходила. Она полулежала на скамейке, уткнувшись лицом в деревянные плашки, и, судя по ее скособоченной позе, вставать явно не собиралась. Не зная, зачем она это делает, Алевтина тронула женщину за плечо, и та завалилась назад, обнажив бледное лицо с вытаращенными глазами.

— И-и-и-и! — заверещала Алевтина и понеслась обратно. Убегая, она вдруг заметила кнопку экстренной связи. Бросив корзину, подскочила к ней, надавила и заблажила припадочным голосом:

— Убили! Уби-и-и-или...

Из динамиков донесся невнятный вой. Искаженный голос что-то спросил про вагон, но ответить Алевтина не могла, громко причитая, и голос, чертыхнувшись, велел ждать.

Корзина валялась на полу, свекла и картошка перекатывались с места на место, а некоторые корнеплоды откатились прямо к покойнику. Пребывая в каком-то сомнабулистическом состоянии, Алевтина бухнулась на колени и принялась собирать свеклу и картошку. Тело покойника покачивалось, голова болталась на безжизненной шее, словно кивая...

За дверьми послышались строгие голоса, ругающие молодежь. Молодежь огрызалась, но вяло, без энтузиазма. Алевтина подняла с пола последнюю картофелину, запихала в корзину и уже собиралась встать, когда увидела под лавкой темный предмет. Щуря близорукие глаза, она наклонилась ниже, всматриваясь в находку, а затем схватила находку и вороватым движением сунула в корзину, засыпав остатками прошлогоднего урожая. Когда двери вагона открылись и в него ввалились охранник и мужчина в железнодорожной форме, Алевтина не в силах была сказать ни слова, лишь бессильно махнула рукой в сторону остывающего трупа...

1

Утром вьюга, бушевавшая всю ночь, успокоилась. Город встал в многокилометровых пробках. Снегоуборочная техника работала изо всех сил, но ясно было — не справятся.

Ли́ка Крайнова сидела за столом и смотрела в окно, вместо того чтобы заниматься работой.

Что работа? Работа никуда не денется, да и нет ничего срочного. В антикварном салоне вообще не бывает ничего срочного, на то он и антикварный. Пылью времен тут припорошено все: и предметы обихода, и тусклые украшения, и хозяева, служащие, посетители. Даже разговаривают тут полупшепотом, как в библиотеке...

Стоило ли учиться пять лет на историческом факультете, чтобы в итоге оказаться в пыльном салоне, описывая всякую ерунду, без дальнейших перспектив на карьере? Или сидеть в музее, изредка проводя экскурсии для посетителей из провинции, которым на экспонаты плевать, на тебя плевать, а в музей они зашли просто погреться, поскольку до поезда надо убить время, торговые центры исхожены, а на что-то другое нет денег. Ли́ка о такой

профессии и не мечтала. Отучившись в университете, куда ее запихнула мамочка, преподавать историю в школе даже не попыталась — это занятие всегда казалось ей отвратительным. Потому на подвернувшуюся вакансию в антикварном салоне, где главным был бывший педагог, согласилась сразу, наивно полагая, что это будет гораздо увлекательнее и таинственнее.

Увы, действительность оказалась куда прозаичнее. Артефактами тут и не пахло. В салоне преобладали недорогие чашки-плошки псевдодинастий, поддельные даже на неискушенный Ликин взгляд, фарфоровые и бронзовые статуэтки, чаще всего оказывающиеся новоделом, монетки и кресты, найденные «черными археологами», медали и ордена времен гражданской войны и СССР... Словом, ерунда, не стоящая особых денег, ничего редкого и особо дорогого. Лика на досуге размышляла: сколько можно выручить, если толкнуть это барахло оптом. Сумма получалась не то, чтобы впечатляющая, но вполне достойная, на скромную квартиру хватило бы. Беда только, что лично ей ничего не достанется.

Денег Лике катастрофически не хватало.

Съемная квартира пожирала большую часть ее доходов, даже учитывая, что платили за нее вдвоем с молодым человеком. А ведь хотелось одеться, сходить в ресторан или на концерт модного рэпера, купить приятных безделушек и отдохнуть в теплых странах. Но для этого надо было менять работу и вкалывать, как пресловутый папа Карло, а Лика этого делать не хотела. «Помните, что больше всех в колхозе пахала лошадь, но председателем так и не стала», — повторяла она заезженную фразу. Оттого оставалось сидеть на старом венском стуле и старательно описывать новое приобретение антиквара, Якова Семеновича Коростылева.

Коростылев, сухонький, бодрый старичок, сегодня пребывал в превосходном настроении, мурлыкал под нос, а запершись в своем кабинете, и без того запел в полный голос. Слуха у Якова Семеновича не было, поэтому Лика заткнула уши наушниками. А затем к нему явилась посетительница, с которой антиквар болтал уже полчаса, потребовал у Лики кофе и сам забрал поднос. Воспользовавшись паузой, она быстро залезла в Интернет, прошерстила социальные сети, щедро раскидала сердечки «лайков», загрузила пару своих фото.

Дверной медный колокольчик глухо звякнул, и в салон, стряхивая снег, влетела тоненькая фигурка. Лика поднялась, нацепив на лицо дежурную улыбку, но увидев посетителя, улыбнулась уже искренне:

— Сашка, привет!

Сашка, старая приятельница, отряхнула снег с капюшона пуховика и бросилась обниматься. Лика торопливо включила чайник, забрала у подружки пуховик и приткнула его на кривоватую вешалку, которая кренилась

Пизанской башней над столом, норовя ткнуть гостя по макушке. Саша потерла озябшие красные щеки и с благодарностью приняв от Лики чашку чая, зажмурилась от наслаждения.

Работала Саша в музее искусств на какой-то там малозначительной должности, перейдя туда из управления культуры. Подругам говорила, что выполняет долг. Лика помнила: в прошлом году бабушка Саши, хранительница тамошних фондов, была вроде как убита, да и с дедушкой оказалась связана грязная история, смачно расписанная в местных СМИ. Выходило, что Сашка отработывала долги предков. Вся эта жертвенность была абсолютно ни к чему, но Сашка упрямо несла свой крест, отказавшись от карьеры и даже личной жизни, поскольку всю эту историю раскопал как раз Сашкин ухажер, журналист Шмелев.

Шмелева Лика пару раз видела и злорадно похихикивала: такого Сашке рядом не удержать. Да, Саша Ковалевская была красива, умна, но этот лохматый парень в диких нарядах не вписывался в ее компанию, слишком уж в нем было много жизни. Апатичная Сашка никак не подходила такому активному парню.

— А к нам какими судьбами? — поинтересовалась Лика, стряхивая с себя воспоминания.

— Да так... — уклончиво ответила Сашка и, отхлебнув из чашки, спросила: — Яков Семенович у себя?

— Где же ему еще быть? — пожалла плечами Лика. — Только у него сейчас посетитель, так что придется подождать. Наш боровик пребывает сегодня в бодрейшем настроении. С утра пел арию из оперы.

Коростылев жил над салоном, прикупив там две коммунальные квартиры, расселил жильцов и, затейливо перестроив перегородки, превратил приличную «сталинку» в замысловатый салон, причем, на тот же критичный взгляд Лики, непонятно зачем. Дети Коростылева жили отдельно, жена давно скончалась. Такие площади старику явно были не нужны, однако ни сдавать их, ни, тем паче, продавать он не собирался, и на Ликины намеки пустить ее пожить, не реагировал.

Услышав о пении, Саша заинтересовалась. Давно было известно, что исполняемое произведение характеризовало настроение Коростылева, прямо как утренние «гуттен морген» и «бонжур» Кисы Воробьянинова. Обе подруги в свое время учились на историческом факультете, где Коростылев преподавал, и уже по этим песням могли сделать выводы: будут ли лететь в этот день головы, или же все обойдется малой кровью. Яков Семенович пел везде и всюду, не подозревая, что выдает себя.

— Правда? А что конкретно? — спросила Саша.

— Не разобрала, — ответила Лика, — и потом, у него все равно нет слуха. Сунул мне кляссеры с марками, велел внести в каталог и заперся у себя. Видимо, перебирает золото, как царь Кашей. Иногда мне кажется, что он и впрямь там зачахнет, а мне придется возиться с мумией.

— А что, у вас появилось золото? — усмехнулась Саша.

— Саш, ты как с луны свалилась. Откуда? Хотя... Если у него что-то есть в закромах, мне это не показывают. Раритеты предлагает клиентам сам. Еще чаю?

Саша с сомнением посмотрела на закрытую дверь кабинета Коростылева и, подумав, согласилась еще на одну чашку и уточнила:

— Яков Семенович долго будет занят? Если что, я позже зайду.

— Да сиди ты, думаю, он скоро освободится, у него же простой посетитель, а не какой-то там тайный Корейко. Так что пей спокойно свой чай. Кстати, ты чего пришла?

Саша помялась и неохотно ответила:

— Консультация его нужна. Ну, и, может, экспертизу заказать потребуются. У нас в музее один сомнительный экспонат появился. Все, как Яков Семенович любит: из серии «не пойми, какая эпоха, но, возможно, девятнадцатый век».

Подруги рассмеялись. Был на кафедре такой персонаж, сухонький лаборант Иосиф Шкуренко, трудившийся в институте с незапамятных времен. Амбициями Шкуренко обладал колоссальными, но рассеянность и отсутствие базы делала его попытки перерасти из лаборанта в нечто большее безрезультатными. Особенно смешили его оценки предметов искусств.

— Мда-с, мда-с, не пойми, какая эпоха, но, думаю, девятнадцатый век, — глубокомысленно изрекал он, глядя на любой предмет.

Саша допила чай и хотела уже подняться, но тут дверь кабинета Коростылева открылась, и на пороге показался он сам, подталкивая в спину бабищу в тулупе, замотанную в цветастый платок.

— До свидания, до свидания, — нетерпеливо проговорил Яков Семенович. — Приходите к нам еще.

Баба сыпала реверансы мелким бисером, униженно кланялась, придерживая рукой полу тулупчика. Вытолкав бабищу за дверь, Коростылев обернулся к Саше:

— Сашенька, дорогая! А ты к нам каким ветром?

— Попутным, — засмеялась она. — Здравствуйте, Яков Семенович. Нам, как всегда, консультация нужна.

— Ну, так входи, входи, голуба моя... Ликушка, а ты нам кофейку, да? С печеньцем...

Он увел Сашу за собой, плотно закрыл дверь и вдруг фальшиво затынул:

— Па-а-аду ли я, стрелой пронзены-ый!

«Падешь, — зло подумала Лика. — Рано или поздно. К гадалке не ходи».

В кабинете, полутемном от набитых до потолка антикварных диковин, Коростылев преобразился. Подмигнув Саше, он ловко крутанулся на каблуках, потер руки и произнес:

— Нуте-с, Сашенька, что тебя привело к старику? Или соскучилась?

— Конечно, соскучилась, — бодро ответила Саша.

Яков Семенович мягко улыбнулся и погрозил пальцем:

— Врушка ты! Ну, говори, что у тебя на этот раз?

Саша сползла с высокого, неудобного кресла, выудила из портфельчика увесистую пачку фотографий и робко подсунула антиквару:

— Вот.

Коростылев нацепил на нос очки, взглянул на снимки, поморщился и раздраженно проговорил:

— Саня, ну, ты как маленькая, в самом деле. Чего ты ко мне с фотографиями явилась? Нешто я тебе по фото экспертизу проведу?

Саша молча вздохнула.

Коростылев, который в местном музее искусств числился внештатным сотрудником, консультантом, экспертом, периодически оценивал поступившие экспонаты, но работу эту выполнял крайне неохотно. Музей столь же неохотно платил, поскольку услуги Коростылева стоили дорого, специалиста его уровня было еще поискать, а опускаться ниже установленной таксы старик не желал. Каждый визит к нему требовал остроумных импровизаций или же тщательно продуманного плана, и это еще в настроение надо было попасть. Так что Саша отнюдь не случайно спрашивала Лику, какую арию пел Яков Семенович накануне. Новый директор музея, однако, в такие тонкости не вникал, и вникать не собирался.

— Он обязан и все тут, иначе за что мы ему платим? — говорил он.

Сотрудники музея робко возражали, что как раз не платим. Оплата идет только по факту экспертной оценки. Директор слышать ничего не хотел, требовал отправлять экспертизу в столицу, что стоило баснословных денег, и смирялся только от звонка сверху, из управления культуры, где жестко требовали: пояса затянуть, в стране кризис, оценку проводить на месте. Смиренно выслушав указ, директор, тем не менее, строгонастрого запретил таскать экспонаты Коростылеву, мол, не граф, сам придет. Яков Семенович, который в своем салоне зарабатывал куда больше, на распоряжения директора чихать хотел и никуда не ездил, так что работники музея либо таскали экспонаты для предварительной оценки на дом Коростылеву, либо приносили фото. Если же находка Якова Семено-

вича интересовала, он мог и сам в музей явиться. Но, опять же, для этого требовалась немалая смекалка.

Саша этим искусством овладела еще в институте, когда вместе с горластой Ликой прогуливала занятия по уважительной или не особо уважительной причинам. Уж больно хорошо получалось у нее прикидываться сиротой, давить на жалость, заливая все тягучим сиропом лести, на которую Коростылев был падок. Вот и сейчас она была готова причитать изо всех сил, лишь бы тот хоть краем глаза глянул на фото экспоната: страницы из инкунабула, исписанные старославянским шрифтом, пребывающие в весьма плачевном состоянии. На неопытный Сашин взгляд, там говорилось что-то о княгине Ольге, да уж больно текст расползся. Да и место, где был обнаружен этот раритет, вызывало сомнение. Так что подделка не исключалась.

— Я бы рада подлинник предъявить, — заканючила Саша, — но директор ни в какую. Вам ведь платить надо, а бюджет еще не утвердили. Вы хоть «на глазок» скажите, стоит ли вообще экспертизу затевать?

— Сама-то что думаешь?

— Да фиг его знает. Состояние документа весьма плачевное, его в идеале на реставрацию отдать, нет у меня такого опыта.

— Ну, так и отдайте, — отмахнулся Яков Семенович. — И на экспертизу, и на реставрацию, если придется. Ты лучше глянь, какое чудо мне принесли. Не вещь — роскошь в чистом виде. Ну-ка, давай, деточка, расскажи, что сможешь.

Он сдернул со стоящего на столе предмета салфеточку, и Саша осторожно взяла расхваливаемую вещь в руки.

Это была музыкальная шкатулка. Деревянная, добротная, с расписной крышкой и золоченым крючком. Открыв ее, Саша ожидала, что шкатулка заиграет, но ничего подобного не произошло, лишь фигурка балерины в воздушной юбке-волане выпрыгнула чертиком, дернулась разок, намереваясь закружиться, и застыла. Саша осторожно покачала ее пальцем, но балерина не дрогнула, видимо, внутри что-то давно сломалось. Было в шкатулке что-то знакомое, из книжек, энциклопедий, виданное давно и благополучно позабытое.

— Красивая, — осторожно сказала Саша, понимая, что сейчас вновь сдает экзамен. — И вполне приличное состояние. Похожа на шкатулки из мастерской Чарльза Ружа. Неужели Швейцария? Или новодел?

Тут в кабинет вошла Лика с подносом. Цепко взглянув на шкатулку, она без слов поставила угощение на стол и вышла, бесшумно притворив за собой дверь. Коростылев проводил ее взглядом и ответил Саше:

— Не новодел. Вещь, конечно, не раритетная. В свое время в мастерской Ружа таких шкатулок выпустили много, но вот лично я ни разу не держал в руках подобной вещицы, да еще из красного дерева.

— И сколько такая может стоить?

Про цену Саша спросила лишь для проформы. Она примерно представляла стоимость музыкальных шкатулок из Швейцарии, тем более что производство их было поточным, а нынче и вовсе в жестяных коробочках этой фирмы продавали чай. Фирма умудрилась не сгинуть за столько лет, но рассчитывать, что ее продукция тянет на баснословные деньги, все же не стоило. Яков Семенович, кстати, ее мысли тут же подтвердил.

— Недорого. Тысяч сто пятьдесят-двести, если вещь с историей, да и состояние идеальное, а то и меньше. Все же работа кустарная, таких много было. Механизм, опять же, испорчен, но не думаю, что его нельзя починить. Интересно, под какую мелодию крутилась эта плясунья?

Из Сашиной сумки грянул марш, да так громко, что оба вздрогнули и одновременно глянули на застывшую балерину. Саша вытащила телефон, торопливо извинилась, нажала на кнопку и выслушала чей-то экспрессивный монолог, затем суетливо запихнула в сумку фотографии и извиняющимся тоном проговорила:

— Яков Семенович, я побегу, и так засиделась. Пожалуйста, слезно вас молю, забегите к нам, гляньте на эту рукопись. Если вы подтвердите ее оригинальность, я упрошу шефа экспертизу вам заказать.

— А кофеек как же? — огорчился Коростылев, поднимаясь.

— Да Лика меня уже чаем напоила. Все, все, побежала. Так я на вас надеюсь?

— Ладно, уговорила, забегу, — вальяжно кивнул Яков Семенович.

После ухода Саши Лика высидела в салоне еще с четверть часа, а затем потащилась в кабинет Коростылева, забрать посуду, а заодно внимательно взглянуть на новое приобретение антиквара. Она была готова поклясться, что старик купил у этой неопрятной бабищи именно шкатулку.

Коростылева в кабинете не было. Видимо, он поднялся по лестенке к себе, в квартирку на втором этаже. Лика сгребла посуду на поднос, вытерла со стола крошки и, боязливо оглядевшись по сторонам, взяла тяжелую шкатулку.

«Тоже мне раритет, — подумала она, открывая ее. — Ерундистика. На черном рынке потянет едва на штуку баксов. К чему столько восторгов?»

Балерина качнулась на пружинке и замерла. Лика покрутила ее по часовой стрелке, и вдруг фигурка с сухим хрустом выпала из паза.

Ли́ка ойкнула и стала судорожно прилаживать балерину на место, но та не хотела держаться, заваливаясь на бок. Нащупав пальцем пружинку, Ли́ка поставила на нее фигурку вертикально и надавила изо всех сил.

Шкатулка трагично звякнула и треснула по всей длине. Ли́ка осторожно поставила ее на стол. У безделушки тут же отвалилась крышка, а фарфоровая балеринка вновь упала, откатившись к краю.

— Да что же это? Ты чего наделала?

Коростылев подкрался тихо, как мышь, и теперь взирал на разгромленную шкатулку с ошеломлением, а на Ли́ку с яростью, и голос его медленно переходил с баса на хриплый визг. Ли́ка попятилась, уперлась в стол и молитвенно сложила руки.

— Яков Семенович, я нечаянно... Простите...

«Убьет, — подумала она. — Или выгонит. И зарплату не даст. Заставит отрабатывать всю жизнь!»

Коростылев отодвинул ее в сторону, как неодушевленный предмет, схватил шкатулку, которая буквально рассыпалась у него в руках, и обернулся к Ли́ке с безумием в глазах:

— Да кто ж теперь это восстановит... — запричитал он, осторожно перебирая обломки. — Кто же это все... погоди, погоди... Чего это?.. Чего это?..

Его причитания сменились восторженным шепотом, а старые пальцы вдруг затряслись, доламывая крышку шкатулки. Ли́ке не было видно, что он там делает, и она бесцеремонно шагнула вперед, высунувшись из-за его плеча.

Из-под донышка крышки на стол вывалилась и покатилась сверкающая льдинка, ослепительно сверкнувшая в свете лампочки. Схватив камень, Коростылев торопливо воткнул в глаз лупу и застыл.

— Боже мой! Боже мой! — прошептал он.

— Яков Семенович, это что? — таким же благоговейным шепотом произнесла Ли́ка. — Настоящий?

Сверкающий, слегка голубоватый камень наверняка был настоящим бриллиантом. Здесь, в салоне, Ли́ка на них насмотрелась, и знала, сколько может стоить такое великолепие. Судя по ошалевшему лицу Коростылева, он тоже это представлял.

— Это? Это? Это такое, Ли́кушка, такое!!! Бог мой, в такой невзрачной оболочке, и такое сокровище!..

После слова «сокровище» Яков Семенович вдруг словно осознал, с кем говорит, потому что торопливо сжал камень в кулаке, и непривычно ласково сказал:

— Ты, деточка, пожалуй, домой иди. И салон закрой.

— Так ведь середина дня... — беспомощно произнесла Лика.

— Ну и что? Вон, снегопад какой сегодня, никто уже не придет, а придут, я сам открою. Иди, Лика, и не болтай особо. А я тебе к концу месяца премию выпишу, тысяч пять или даже шесть.

— Пять или шесть? — От возмущения у Лики потемнело в глазах. Пять тысяч? Пять вшивых тысяч за камень стоимостью минимум в миллион, причем не рублей, а долларов?

По выражению ее лица антиквар словно уловил ее мысли, потому что сразу посуровел лицом и строго велел:

— Иди, Лика!

Она и ушла, вывалилась в снег, наматывая шарф прямо на ходу, захлебываясь слезами злости и обиды. Боже, боже! Пять тысяч ей, нашедшей тайник! Да если бы не она, фигу бы антиквар обнаружил камень, спихнул бы шкатулку вместе с сокровищем какому-нибудь лоху, и знать бы не знал, что упустил. По справедливости, он должен отдать ей половину. Ах, какая несправедливость, что он не вошел в кабинет на пару минут позже. Она наверняка успела бы прибрать находку к рукам, и даже выплатила бы ему штраф за разгромленный раритет, а потом бы тихо смылась с находкой куда-нибудь в Арабские Эмираты, где ценят блондинок с желтыми глазами и таким богатым приданым...

2

Майора Кирилла Миронова на вокзал дернули среди ночи, когда он сладко посапывал в дежурке, скрючившись на топчане под стареньким армейским одеялом. В дежурке было прохладно и шумно от трезвона телефонов, невнятного воя раций и сирен, хлопанья дверей и разговоров оперативников. Но Кирилл давно научился спать в любое свободное время, не обращая на мелочи внимания. Вечер и без того был хлопотным. Один наряд выехал на поножовщину, другой наряд сигнализировал о найденном жмуре: бомже, то ли замерзшем, то ли откинувшимся по естественной причине. Ну и напоследок опергруппа выехала на труп. Неизвестный самоубийца сиганул с крыши, разбросав мозги на тротуаре перед окнами.

Ни на одно из происшествий Миронов сам не поехал — вот еще, не мальчик, чтобы бегать. На самом деле тащиться куда-то в стужу и метель просто не хотелось, завтра все равно предстояло выходить на работу. Поэтому, когда дежурный потряс Кирилла за плечо и сообщил о двойном убийстве в вагоне пригородной электрички, он понял, что на этот раз точно придется ехать...

К вокзалу Кирилл подъехал уже за полночь. Электричку отогнали на запасной путь, вагон с покойниками отцепили. По перрону бегал начальник вокзала, истерически приседая перед полицейскими. Шутка ли, два трупа в поезде! Хорошо еще, что электричка последняя, не придется расписание менять.

Скупо кивнув оперативникам, Кирилл влез в вагон, аккуратно пройдя по газеткам, разбросанным по полу для сохранения улик, и сразу увидел судмедэксперта Милованова, пожилого, крепенького, как боровик, вечно ноющего и жалующегося на работу в неурочный час. Перед ним на полу, разбросав руки-ноги, лежал труп мужчины, с безвольно отвалившейся челюстью. Кирилл мельком отметил недешевую одежду и аккуратно присел на деревянную лавку, напротив эксперта.

— Здорово, Дмитрич! Ну, что мы имеем?

— И тебе здравствуй, — хрипло сказал Дмитрич, наморщился и, прижав ко рту ладонь, оглушительно чихнул. — Что имеем? Двух первоклассных жмуров. Глянь — это вот у нас мужчинка. А вон там — дамочка.

— Криминальные жмуры? — спросил Кирилл.

— А тебя бы линейщики вызвали, кабы трупы были не криминальными? — вяло улыбнулся Дмитрич. — Конечно, солнце мое. Оба клиента зарезаны, глянь, вон дырища какая в груди. Один удар, прямо в сердце. Причем мужчинку завалили чуть раньше, дамочку позже. И я уверен, что его «мочканули» где-то в другом месте, а в вагон втащили уже мертвым. Кровушка свернулась как пять-шесть часов, а у женщины — часа три.

Кирилл наклонился над трупом и брезгливо отогнул полы пальто и пиджака. Нож пробил их насквозь. Дмитрич наблюдал за действиями Кирилла с удовлетворением.

— Вот и я говорю, Кирюша, что силища у убийца была невероятная. Это ж как надо ударить, чтобы мужика, словно бабочку, насквозь пришпилить. Я, кстати, над ним еще поколдую, что-то мне не нравится в характере раны, угол странный. Есть у меня мнение, что в момент убийства и жертва сидела, и убийца тоже.

— Поколдуй, — рассеяно разрешил Кирилл. — Орудие убийства нашли, не в курсе?

— Нет пока. Видать убивец с собой унес. А, может, ножичек валяется где, хотя мы вагон обшарили.

— Нож?

— Нож. Причем такой характерный, армейский, возможно. И, что любопытно, Кирюша, мужика завалили сразу, он, ручаюсь, и пикнуть не успел. А вот дамочка сопротивлялась. На руках порезы рваные, видать, бедолажка, ручонками-то и закрывалась. Вот ее как раз в вагоне убили. Тут и брызги

крови соответствуют, и потеки, ну и свертываемость. Время смерти я точно не скажу, только после вскрытия. Иди, глянь пока, а я еще поковыряюсь.

Кирилл послушно отошел и бегло взглянул на сидевшую на лавке женщину, сжимавшую в руках корзину, словно величайшую ценность. В корзине, насколько было видно, лежали овощи, укутанные в старую дырявую шаль.

Второй труп, женщина лет сорока, лежал на полу в той же позе, что и мужчина, но в отличие от него выглядел хуже: он был залит кровью, засохшей на полу. Кирилл увидел отчетливые следы и ткнул в них пальцем, на что криминалист ответил кивком, мол, уже отсняли, запротоколировали. Напротив, в соседнем ряду, сидел Олжасик, сержант Олжас Устемиров, худенький казах, недавно поступивший в распоряжение Кирилла.

Олжасика в деле Кирилл еще не видел, поскольку назначение пришло всего неделю назад, и, по большому счету, это было его первое дело. Увидев Кирилла, он поднялся, пожал руку и вновь уселся — дописывать протокол. Рядом на скамейке лежали документы, бумажник, кошелек, свернутые бумаги, рассыпанная мелочь, телефоны и еще какая-то ерунда.

— Здорово, — буркнул Кирилл. — Документы, выходит, нашли?

— Нашли, — ответил Олжас и мотнул подбородком на паспорта: — И у мужика, и у бабы. У него паспорт на имя... щас... щас... Панарин Олег Станиславович, шестьдесят шестого года рождения... прописочка городская, честь по чести. Вот телефон его, бумажник, часики, упаковка «виагры». А женщина — Наталья Ивановна Богаченко, семидесятого года, прописана в Михайловке.

— Электричка Михайловку проезжает?

— Проезжает. От конечной — третья станция. Не думаю, что ее там вспомнят. На полустанке билеты не продают, разве что кто знакомый ее видел. Мы участковому уже отзвонились, обещал родственников пригнать на опознание. Панарин по прописке проживает вместе с женой, мы туда звонить не стали.

— Как думаешь, ограбление? Или разбой?

— Вряд ли, — с сомнением покрутил головой Олжас. — У него котлы на руке нехилые, печатка, цепь на шее и в кошельке деньги и кредитки. У Богаченко серьги в ушах, по виду золотые. Не бог весть что, но в ломбард спихнуть можно. Ну и раны, конечно. Гопота с такими ножами не ходит. И потом, много ли ты в вечерней электричке награбишь? Вагоны почти пустые, контролеры через раз ходят. Но Богаченко они запомнили, так как обилетили ее. Я и билет нашел. А вот у Панарина билета нет.

— Может, на то и рассчитывали? — задумчиво проговорил Кирилл. — Пустой вагон, свидетелей нет. Напали, ограбили, а не награбили, так поизмывались.

— Да ну, — скривился Олжас и добавил: — Вон, свидетельница, с дачи едет... Что с нее взять? Брюкву да картошку? Я с ней, кстати, поговорил, но толку чуть. Ничего не видела.

— Пойду, поговорю, — вздохнул Кирилл и поднялся.

Свидетельницу звали Алевтиной Никаноровой. Паспорта при себе у нее не было, зато было пенсионное удостоверение. Кирилл сразу понял: ничего полезного со свидетельницы не выжать.

— Я ведь и не видела ничего, — запричитала Никанорова еще до того, как он начал задавать вопросы. — Зашла на Красногорке, села. Гляжу — мужчина лежит, спит. Я еще думала, алкашня поганая. И женщину тоже увидела... Еще хотела поближе к ней пересесть, не так страшно, особенно когда подростки в соседний вагон зашли. Потом кто-то стоп-кран сорвал, мужчина и повалился. Я закричала, побежала к женщине, а она тоже мертвая. Ну, я охрану и вызвала.

— То есть, когда вы вошли, и мужчина, и женщина уже были в вагоне? — уточнил Кирилл.

— Ясное дело. Хорошо еще, что я позже в поезде оказалась, а то бы и меня порешили, душегубы проклятые!

— М-да... Душегубы.

На молодежь, дебоширящую в соседнем вагоне, надежд тоже не было. И по словам Алевтины, и по словам контролеров, в поезде те оказались уже после совершения убийства. Так что вменить им можно было лишь мелкое хулиганство, да срыв стоп-крана. Судя по доносящимся воплям, подростки вовсю качали права.

Помурывив еще немного свидетельницу, Кирилл вернулся к Дмитричу, уже заканчивающему первичный осмотр. Что-то непонятное не давало Кириллу покоя, но он никак не мог ухватить мысль, зародившуюся в нем после того, как он взглянул на труп. И теперь, когда он снова посмотрел на покойника, неясное предчувствие стало сгущаться, обретая формы и краски.

— Дмитрич, ты одежду у потерпевших осмотрел? — спросил Кирилл.

— А что?

— Мне показалось, или мужик неплохо так прикинут?

— Не показалось, — согласился Дмитрич. — Короче, Кирюш, у покойного одежда брендовая, дорогая, итальянская фирма, туфельки на тонкой подошве, в таких по сугробам не ходят, в кармане — «паркер». А вот дамочка одета просто, я бы сказал даже — бедно.

— А ключи от машины у мужика были?

— Были. На брелке — «мерседес», а уж что на самом деле — не знаю. Вряд ли он этим брелком электричку отпирал или по вагонам на машине катался. Ищи машину, Кирилл.

Именно это несоответствие и показалось Кириллу странным. Если убитая женщина вписывалась в интерьер электрички, то мужчине в итальянском костюме тут делать было явно нечего. Кирилл подумал, что возвращаться в город таким тривиальным способом убитый мог если, к примеру, что-то случилось с машиной. Однако эксперт уверял: убивали не в поезде. И куда, в таком случае, делась машина?

— Поищу, — задумчиво проговорил Кирилл. — Надо к вдове съездить, авось мне скажут, с какого перепугу мужик в дорогом костюме оказался в пригородной электричке. Может, и машинка найдется.

3

Покойный при жизни обитал в коттеджном поселке Отрадное, в районе, считающимся экологически чистым и, стало быть, дорогим. Недвижимость здесь стоила баснословных денег, и только кризис приостановил массовую застройку теремков. Въехать в Отрадное, тем не менее, было не просто. Машину полицейских долго держали перед шлагбаумом, пока взбешенный Кирилл не обложил охранников матом, пригрозив всеми смертными карами. Только после этого полосатая палка поднялась вверх, но, увы, сохранить эффект неожиданности не вышло. Кирилл заметил, что охранник уже докладывает по телефону обитателям поселка, что к ним нагрянули полицейские.

Дом Панарина оказался под стать его одежде: дорогой, помпезный и суровый, без каких-то там красотостей и расписных финтифлюшек. Ничего лишнего, строгие формы, красный кирпич, тяжелые ворота, обитые железом, словно замковые, ежедневно подвергающиеся осаде.

За воротами оказался охранник: столь же неприветливый детина с массивной челюстью, маленькими глазками цвета стали и кулачищами размером с голову ребенка. На Кирилла и Олжаса охранник посмотрел без особого почтения, мотнул подбородком, вынуждая представиться. Кирилл вздохнул и, помахав перед носом охранника удостоверением, спросил:

— Хозяйка дома?

Охранник не ответил. Впустив их по двор, он что-то пробурчал по телефону, а затем сделал неуклюжий жест, приглашающий в дом.

— На фига козе баян? — спросил Олжасик, когда они подходили к дому.

— Что? — не понял Кирилл.

— На фига им охранник? На входе в поселок охрана — это понятно: чтобы чужие не шастали. Но в доме-то зачем? Забор под два метра, во-

рота разве что на танке можно выбить. Еще бы ров выкопали и крокодилов туда.

— Мысль здравая, — кивнул Кирилл. — Может, им угрожали?

Олжас не успел ответить, так как двери дома приоткрылись, и в проеме показалась женщина в темном платье и чем-то белом, накинутом на плечи. Она настороженно смотрела на полицейских. Поднявшись на высокое крыльцо с коваными перилами, Кирилл вежливо поинтересовался:

— Ирина Витальевна Панарина?

Женщина смотрела на гостей со страхом.

— Да... А вы?..

Голос был ей под стать. Неуверенный, тонкий, почти неслышный. Казалось, что любая грубость разрушит этот хрустальный тембр, но молчать дальше было невозможно, и Кирилл, откашлявшись, представился:

— Майор Миронов. Убойный отдел Ельцовского РОВД. Мне нужно задать вам пару вопросов. Олег Станиславович Панарин вам супругом доводится?

— Да, но... — хрусталь в голосе Панариной треснул, держась из последних сил. — Я не понимаю... С ним что-то случилось? Он... Он жив?

— Мне очень жаль, но ваш супруг мертв. Необходимо, чтобы вы смогли опознать его...

Панарина сделала шаг назад, уходя в тень. Кирилл подал знак Олжасу и торопливо вошел в дом, пока хозяйка не опомнилась и не выставила их, гонцов, приносящих плохие вести, за дверь.

Ирина не успела уйти далеко. Она уселась в прихожей на пуф, тупо глядя в пол. На ее безжизненном лице не было ни кровинки.

— Вам плохо? Принести воды? — участливо предложил Олжас.

— Нет, нет, я уже... того... — выдохнула Ирина. — Но что случилось? Авария? Он разбился?

— Боюсь, что вашего мужа убили, — скорбным тоном сказал Кирилл.

Ирина смотрела на него стеклянными глазами, уже наливающимися слезами, а затем сжала кулаки так, что костяшки пальцев побелели.

— Убили? — переспросила она с недоверием. — Как это? Как такое вообще возможно?

— Почему вы спросили про аварию? — жестко спросил Олжас. — Ваш муж уехал из дома на машине?

— Конечно, на машине. Он всегда передвигается на машине, что за вопрос?

— Дело в том, что его тело было найдено в пригородной электричке, — объяснил Кирилл. — Совершенно непонятно, как он там оказался. Воз-

можно, вы сможете нам это прояснить. У него были дела за городом? Может, у вас есть там дом?

— Не знаю, — вяло ответила Ирина. — Какой дом? Зачем? Мы и так за городом живем. К тому же Олег никогда не отчитывался в своих действиях...

— Когда вы в последний раз видели мужа?

— Вчера вечером. Мы поужинали и легли спать. Олег рано уехал, я еще не вставала.

— Может быть, вы ему звонили? — предположил Кирилл. — Или он звонил вам?

— Не помню... — сказала Ирина, а потом нахмурилась и неуверенно продолжила: — Да, действительно, он звонил, а потом прислал фотографию по whats app.

— Фотографию? — встрепенулся Олжас. — Какую фотографию?

— Шкатулки. Я увлекаюсь антиквариатом, а он где-то нашел отличный образец чайной шкатулки Ружа, я давно такой хотела. Ну и прислал мне фото. Я одобрила.

— И что? Он ее купил?

— Наверняка, — зябко дернув плечами, ответила Ирина. — У нас ведь через неделю годовщина свадьбы. Думаю, что купил бы.

— Это дорогая вещь?

— Я не знаю, что в вашем понятии значит «дорогая вещь». Не дешевая, но нам вполне по средствам. Думаю, что она стоит около двухсот тысяч рублей. Хотя муж сообщил, что ему ее отдадут дешевле.

— Можете показать вашу переписку? — предложил Кирилл, и хозяйка, неохотно поднявшись с пуфика, ушла в гостиную.

Недолго думая, Кирилл последовал за ней, следом юрко просочился Олжас и бесцеремонно плюхнулся на диван, а Ирина уже водила пальцем по экрану телефона. Найдя вчерашнюю переписку, она протянула телефон Кириллу:

— Пожалуйста.

Сообщений оказалось немного, на сугубо бытовые темы, которые, впрочем, не мешало бы изучить, а стало быть, телефон следовало изъять. Заканчивалась переписка сообщением: «Нашел то, что тебе понравится, зацени». Далее следовало темноватое фото прямоугольного предмета, а потом ответ Ирины: «Покупай, это оно». Кирилл ткнул пальцем в фотографию, дожидаясь, пока она загрузится полностью, что позволит разглядеть шкатулку в деталях.

Шкатулка была красивенькой. Не красивой, а именно красивенькой, с какими-то цветочками, резными узорами, которые было сложно разгля-

деть. Кириллу почему-то показалось, что ничего особенного в этом подарке нет. Даже трудно предположить, что такая ерундовина может стоить двести тысяч. Журналист Шмелев, с которым Миронов прятельствовал, недавно прилетел с Гоа и презентовал Кириллу что-то похожее. Чайная шкатулка из Индии выглядела весьма симпатично, а вот чай оказался дерьмовым, со странным перечным вкусом. Вряд ли Шмелев отдал за шкатулку больше сотни. Повертев телефон в руке, Кирилл положил его на стол, рядом с собой, не спеша возвращать хозяйке, но та, казалось, не обратила на это никакого внимания.

— Ирина Витальевна, ваш муж, уезжая, оставлял охранника дома? — поинтересовался Олжас.

— Не всегда, — покачала головой Панарина. — Иногда у него были такие встречи, о которых лучше никому не знать. Тогда он действительно оставлял охрану дома.

— Эти встречи были связаны с бизнесом?

Вот теперь она усмехнулась, бесцветной усмешкой, презрительной и одновременно жалкой.

— Эти встречи были связаны с женщинами. А на свидания соглядатаев не берут.

— Вы считаете, что у него была любовница? — уточнил Кирилл.

Ирина отошла к окну и, выдержав паузу, безразличным тоном ответила:

— Единственное число тут неуместно. У мужа было много женщин. Так что если к одной из них он поехал за город, в этом нет ничего удивительного.

— Ничего удивительного, что он поехал к ней на электричке?

— Да, это, пожалуй, странно. Сильно сомневаюсь, что он знал, где находятся железнодорожные пути. А чтобы билет купить... Нет, я уверена, тут что-то не так.

— Имена женщин, которых... навещал ваш супруг, вы знаете?

— Я не уверена, что он сам их помнил. Они все для него были маси, пуси, киски, рыбки. Даже в телефоне записывались именно так. А я не пыталась узнать, как звали пусь и мась на самом деле.

— И что же? Вы нисколько его не ревновали?

— Почему же? — холодно ответила Ирина. — Поначалу ревновала, но быстро поняла, что это бесполезно. Я, знаете ли, пережила серьезную операцию по женской части. Секс после этого мне опротивел, а у мужа, как на грех, началась вторая молодость. Конечно, мне было неприятно. Но ему удалось убедить меня, что это — всего лишь физиология, что эти женщины ничего для него не значат. Правда, была у него одна из постоянных — Жанна Дикая.

Единственное, о чем я его просила — никогда не рассказывать о своих похождениях мне. Собственно, из-за Жанны этой и просила, она совершенно неадекватная. Как-то позвонила с его телефона и потребовала, чтобы я подала на развод. Я, конечно, не ответила, но мужу высказала. После этого больше не было никаких попыток. Эта Жанна у нас даже стала чем-то иносказательным, семейной шуткой. Если муж меня раздражал, я посылала его к ней...

Кирилл старательно записал и про болезнь, и про бешеную Жанну, а потом небрежно поинтересовался:

— Имя Натальи Богаченко вам о чем-то говорит?

— Нет. Кто она?

— Ее тоже убили. Их нашли вместе.

— Очередная цыпочка? — равнодушно спросила Ирина.

— Боюсь, на цыпочку она не похожа. Наталье было сорок пять лет. И проживала она за городом. Не у нее ли ваш супруг купил шкатулку?

— Не знаю. Он ничего не писал по этому поводу, вы же видели.

— А на чем он ездит?

— У нас «мерседес» и «инфинити». На «инфинити» обычно езжу я, а вторая машина у мужа. Только марку я не помню. Джип. Могу поискать документы.

— Поищите, — кивнул Кирилл. — Только чуть позже. А пока скажите, Ирина Витальевна, чем вообще занимался ваш муж?

— Строительством. Строительная компания «Ренессанс». Многоквартирные дома, таун-хаусы, офисы.

Что-то знакомое промелькнуло у Кирилла в голове: сюжеты в новостях, давнишние газетные публикации, в которых действительно всплывала фамилия Панарина, но сейчас ухватить эту мысль не было возможности, и потому он брякнул наобум:

— Это не с его ли фирмой недавно были связаны какие-то скандалы с обманутыми дольщиками?

— Что-то такое было, я не вникала, — вяло произнесла Ирина.

— То есть, враги у вашего мужа были? — предположил Кирилл.

— Наверное.

— Он не рассказывал о проблемах? Может быть, вы слышали какие-то звонки? Никто не пытался угрожать ему или вам?

— Нет.

— Как же так? Вы живете в большом доме, ваш супруг проворачивает сделки с недвижимостью, которые оказываются, уж простите, грязными, в доме присутствует охранник... И все это — для декорации?

Панарина нахмурилась, по ее лицу пробежала тень, словно она вспомнила о чем-то неприятном. Выдержав паузу, она неохотно ответила:

— Олег обратился в охранную фирму три года назад, когда наш дом ограбили, а меня бандиты заперли в погребе. Я боялась оставаться одна надолго. Иногда муж уезжал на сделки с охранником, иногда брал даже двух. Он сам звонил в агентство и сообщал, сколько ему нужно человек, но в доме всегда неотрывно находился кто-нибудь. Поначалу мне было дико все время бывать в компании посторонних, но потом привыкла.

— Охрана в доме всегда одна и та же?

— Они работают посменно, график лучше уточнить у них.

— Вчера вы весь день были дома?

— А я-то ждала, когда же вы начнете меня подозревать, — растянула губы в невеселой улыбке Ирина.

— Работа у нас такая, Ирина Витальевна, — миролюбиво произнес Кирилл. — Вы сами сказали — у мужа были любовницы, стало быть, у вас был мотив — ревность. Ну и после смерти супруга вы остаетесь богатой вдовой.

— Да, я поняла, — кивнула она. — Но боюсь, что разочарую вас, майор. Я не сидела дома безвылазно. Проснулась поздно, позавтракала, а потом позвонила подруга, и мы поехали на шопинг, зашли в СПА, потом в ресторан. Даже в кино собирались, но потом передумали. Меня видела куча народа: подруга, массажистки, маникюрша, стилист, продавцы, не говоря уже об охраннике, который таскался за нами весь день. Не думаю, что успела бы убить мужа.

— Да и я не думаю, — согласился Кирилл, — но проверить надо, чтобы с чистой совестью отместить вариант... Простите за нескромность, но все-таки, в каких вы с мужем были отношениях? Он изменял, вы терпели...

— Скорее в приятельских, без всяких там сцен. Мы ведь пятнадцать лет вместе, столько пережили, что, наверное, простили бы друг другу все.

— Когда вас пытались ограбить? Вы обращались в полицию? — вмешался Олжас.

— Разумеется. Но никого не нашли. Таскали каких-то малолеток, почти школьников, но ничего не доказали, и награбленного не нашли, хотя там было что искать. Одних только драгоценностей унесли на пятьдесят тысяч долларов.

— А как они проникли в дом? — спросил Кирилл. — Я, конечно, дело подниму, но так быстрее будет....

— Я плохо помню, — покачала головой Ирина. — На тот момент у нас даже сигнализации не было. Кажется, выбили окно на веранде. Мы только въехали, ограда не была такой неприступной... Где-то перелезли... Простите, я, правда, не в курсе, муж разбирался сам.

— Можете ли вы сказать что-то про врагов вашего мужа? Ведь они наверняка были и есть?

— Конечно, были. Например, Виктор Осипов. Он тоже занимается строительством. В свое время муж очень выгодно купил участок земли, на который претендовал Виктор Павлович, и тот никак не мог ему этого простить, даже убить грозил. Тогда мы жили как на пороховой бочке: без конца звонили какие-то люди, угрожали, у Олега даже заместителя похищали. Я полгода провела в Бангкоке, на родину было страшно возвращаться, да и муж говорил: сиди там, пока все не утрясется.

— Утряслось?

— Кажется, да. Осипову не до нас сейчас, он ведь под следствием, насколько я знаю...

Теперь предстояла самая неприятная часть беседы, и Кириллу, которому до смерти не хотелось расстраивать эту женщину, все-таки пришлось произнести слова, от которых порой даже у него замирало сердце.

— Ирина Витальевна, вам придется проехать с нами для опознания. Понимаю, насколько это тяжело, но, увы, необходимо. И, вероятно, нам придется осмотреть кабинет вашего мужа, если вы не возражаете...

Панарина теперь не просто побледнела: она буквально посинела и с трудом пролепетала:

— Сейчас?

— Если можно, да. Мы отвезем вас. А кабинет мы осмотрим немедленно.

— Ищите, что хотите... — апатично махнула она рукой. — Мне нужно одеться. Извините... — и вышла из гостиной.

— Дамочка-то не слишком взволнована, — фыркнул бесчувственный Олжасик, на которого чары Панариной, видимо, не подействовали. — В первый момент побледнела, а потом ничего, отошла.

— Ну, она же сказала, что была с мужем в приятельских отношениях... — заметил Кирилл.

В этот момент в коридоре что-то загромыхало, зазвенело, покатилося, и полицейские выскочили в коридор. Ирина, раскинув руки, как подстреленная птица, лежала на полу среди баракла, вывалившегося из опрокинутой тумбочки. По паркету катились рассыпанные бусинки из порванного жемчужного ожерелья. Из рассеченного виска струилась кровь. Кирилл то ропливо подбежал к ней и приподнял голову, отметив, что ссадина, к счастью, не опасная.

— Блин, она без сознания! Олжик, «скорую» вызывай! — крикнул он и добавил с досадой: — Вот тебе, и отошла...

Олжас суетливо выудил из кармана сотовый, и вызвал медиков, но помощь, похоже, была не нужна. Ресницы Ирины затрепетали, и взгляд ее васильковых глаз уткнулся в лицо Кирилла.

— Что случилось? — прошептала она слабым голосом.
— Ничего страшного, вы просто упали в обморок. Сейчас врач приедет.
— Никогда не падала в обморок, — прошелестела Ирина.. — Надо же...
А тут все как-то закружилось, завертелось... Как теперь жить-то? Бедный Олег, бедный Олег...

4

Естественно, ни о каком опознании речь уже не шла. Кирилл и Олжас аккуратно перенесли Панарину в спальню, и, пока та приходила в себя, Кирилл знаками велел Олжасу осмотреть кабинет покойного.

Уложив Ирину в кровать, он бегло оглядел комнату и, неловко потоптавшись, вышел, оставив ее дожидаться врача. А что делать? Сидеть рядом и держать за руку?

Из дома, с другой стороны, вышел охранник.

— От пункта охраны сообщили, что к нам врачи едут, — сказал он и поинтересовался: — Что с хозяйкой?

— Ничего страшного, — ответил Кирилл. — Сплохело ей немного после известий. Скажи, кто вчера дежурил?

— Я, — ответил охранник и суетливо протянул руку: — Меня Евгением зовут. Должен был напарник, но мы сменами поменялись, у него дочка замуж выходит. А я что, мне не сложно. С Панариными хлопот немного, сиди себе, книжечку почитывай, или вон, как вчера, по магазинам прокатись. Непыльная работка, а платят хорошо.

— Вчера Панарина все время была с тобой? — поинтересовался Кирилл.

— Ну... — почти. В туалеты и кабинки переодевания я не заглядывал. В салонах я тоже на процедурах ее за руку не держал, но там выход один, заметил бы, если что. Вы ее подозреваете?

— Мы всех подозреваем. Значит, говоришь, она почти все время была у тебя на виду?

— Ага.

— Хозяин вчера на машине уехал?

— Конечно. Будь его воля, он бы и по дому на машине раскатывал.

— Что за тачка?

Евгений, для разнообразия, почесал стриженный затылок.

— Черный мерседес-бенц джи эль.

— А система навигации на нем была установлена?

— Обижаете, — протянул охранник. — Конечно. А что, не нашли машинку-то?

— Не нашли пока. Ты мне номерок ее напиши, и компанию, которая ее обслуживала.

— Сделаем, — кивнул охранник. — А с хозяином-то что случилось?

— Убили твоего хозяина, — скупно ответил Кирилл. — И вот что... Ты не в курсе про его баб?

Евгений оглянулся на дом и спросил:

— Мне Ирина Витальевна голову не оторвет?

— Не оторвет, она сама сказала про них. Так что там с бабами? Серьезно все было, или как?

— Да где там, — скривился охранник, — шлюшки одни. Он их ни в грош не ставил. Несколько раз приходилось забирать его среди ночи с нескольких адресов, вдрабаган, конечно. Хозяин-то пьяный за руль никогда не садился. Иной раз его прямо на себе волочь приходилось, иногда даже не сам он звонил, а бабы его.

— А что за бабы? Как выглядели? Адреса помнишь?

— Помню, конечно, — удивился Евгений. — Работа у нас такая: все помнить. А бабы все как на подбор: молодые, попастые, губастые. Куклы, короче, безмозглые, которые за бабло на все согласны. Правда, одна была постоянная, Жанка. Вот от нее он прям млел. Но в последнее время к ней не ездил.

Кирилл полез в карман за фотографиями, вытащил их и небрежно спросил:

— Наталья Богаченко. Знаешь такую?

— Не... А кто это?

— Смотри, — сказал Кирилл и подсунул ему фото мертвой Богаченко. Зрелище, конечно, было впечатляющим. Евгений выпучил глаза, а потом недоверчиво уставился на Кирилла:

— Ого! Ее что, тоже «мочканули»?

— Тоже. Так что скажешь? Видел ее?

— Не-ет, откуда?

— То есть от нее ты Панарина не забирал?

— Да чего ты несешь, майор? — возмутился Евгений. — У хозяина бабы были все, как с одной формы отлитые. А эта... вешалка старая.

От ворот посигналили, и Евгений торопливо побежал открывать. Спустя мгновение во двор въехала машина «скорой помощи», откуда вышла женщина в синем медицинском костюме и скоро направилась к дому. Кирилл провожать не пошел, предоставив эту миссию Евгению. Охранник тоже в доме не задержался и снова подошел к Миронову, то и дело бросая косые взгляды на дом.

— А скажи-ка мне еще такую вещь: в районе Михайловки у хозяина бабы не было? — спросил Кирилл. — Чего его за город понесло?

Евгений сжал губы, насупился и неохотно сказал:

— Так это... — Не к бабе он туда ездил.

— А к кому?

— Там, майор, серьезные люди сидят. И он этим людям был денег должен. Много денег. Я как-то сам видел, как он туда с кейсом поехал, под завязку забитым баксами.

— Что за люди? — насторожился Кирилл.

— А я знаю? — фыркнул охранник. — Я там только один раз был, больше он с охраной туда не мотался. Дом там есть, из красного кирпича, не перепутаешь, он один на озеро выходит. Вот в этот дом хозяин и ездил.

Дом в Михайловке невероятно заинтересовал Кирилла. По оперативной информации именно там действительно то и дело собирался воровской сходняк, о чем было известно давно, но пока не было так называемого «кипеша», полиция на эти посиделки смотрела сквозь пальцы. Сидят себе и сидят, решают свои бандитские дела. Можно, конечно, накрыть, но они выйдут через час, а сходку будут проводить в другом месте. Насчет дома надо все-таки проконсультироваться с местными операми, а еще лучше, самому глянуть на него. Авось где-нибудь поблизости и отыщется машина Панарина, притопленная в озерце или укрытая в лесу, благо там леса повсюду.

Из дома с независимым видом вышел Олжас и развел руками. Видимо, беглый обыск в кабинете ничего не дал, но на всякий случай Кирилл все же поинтересовался:

— Что скажешь?

— Ничего интересного, — уныло ответил Олжас. — Более того, непохоже, что он дома вообще какими-то делами занимался. Бумаг почти нет. Вдова ничего не объясняет. Похоже, откладывается на сегодня опознание. Панарина себя плохо чувствует, врачи не рекомендуют ей двигаться. Давление, говорят, скакнуло.

— Ладно, — отмахнулся Кирилл. — Вызовем в следующий раз. Погнали.

— Куда?

— В Михайловку. Посмотрим, что там за дом с видом на озеро.

5

Лица бегала из угла в угол в крохотной съемной квартире, и все не могла успокоиться, раздираемая на части яростью и обидой. Сергей, ее молодой человек, валялся на продавленном диване, прихлебывая пиво и аппе-

титно грызя чипсы, и на метания Лики, мешающей ему смотреть телевизор, поглядывал с неудовольствием, но она на его гневные взгляды не обращала никакого внимания.

Как же это не честно! Зачем этому старому хрычу драгоценности? Куда он их денет? Как потратит деньги от продажи камня? Не станет же он наслаждаться им в одиночестве?

Лица была уверена, такой камень нельзя хранить в сейфе, изредка доставая, чтобы полюбоваться огнем, сверкающим внутри этого ледяного сердца. Так и с ума можно сойти. А то, что бриллианты приносят несчастье, это факт давно известный, даже классиками описанный. Взять, к примеру, мировую литературу. Именно об этом писал Стивенсон в своем «Клубе самоубийц». Был там священник, совращенный алмазом раджи. Что уж говорить о простом антикваре, который настоящих сокровищ никогда не видел!

Сергею надоели метания Лики, и он, поймав ее за руку, с неудовольствием произнес:

— Что ты мечешься, как зверь в клетке? Устакань уже себя куда-нибудь.

Лица вырвала руку, присела на краешек дивана, но потом вновь вскочила, сжав маленькие кулачки, и воскликнула:

— Не могу, бесит все! Сереж, ты только подумай, что было бы, войди старик на пару минут позже. Он ведь ничего не знал про камень, понимаешь? Ничего! И все досталось бы нам! Видел бы ты, как его заколотило, когда он бриллиант в руки взял. Ну почему такая несправедливость?

Она уселась поближе к любимому, откинулась на спинку дивана и горестно вздохнула, уставившись в телевизор невидящим взглядом.

— И сколько он может стоить? — неожиданно спросил Сергей странным голосом.

Лица мысленно взвесила камень на ладони и твердо заявила:

— Не меньше двух миллионов.

— Рублей?

— Дурак, что ли? — усмехнулась она. — Долларов, конечно. А то и больше. Боже мой, какие деньжищи! Мы бы могли не то что квартиру, особняк купить, и не в наших Выселках, а Москве... Хотя, какая Москва? С такими деньгами весь мир открыт. Уехали бы в Америку или в Европу и зажили бы как белые люди. Господи, вот непруха-то!

— Как ты думаешь, где он этот камень хранит? — задумчиво протянул Сергей.

— В сейфе, наверное, где ж еще.

Суть его расспросов неожиданно дошла до Лики. Он что, в самом деле хочет...

«А почему бы и нет? — зло подумала она. — Пытаться заставить старика раскошелиться бесполезно: выставит с работы, а про камень и не заикнется. К кому потом бежать за справедливостью? Подумаешь, нашла бриллиант. По закону, антиквар честно его купил вместе с содержимым шкатулки, и, стало быть, как ни крути, все права собственности будут у него. А то, что без меня он хитрый тайник никогда бы не обнаружил, да еще и втюхал бы шкатулку вместе с содержимым какому-нибудь лоху, дело десятое. Значит, надо брать дело в свои руки и решить все по-честному».

«По-честному» выходило, что бриллиант надо украсть. Идеальным вариантом будет ограбление, в котором ее никто не должен заподозрить. А затем она поработает еще месяц-другой и уволится. Или лучше, чтобы Яков Семенович сам ее уволил за какую-нибудь провинность.

Лику искоса глянула на Сергея. Еще и с ним делиться? Нет, на безрыбье, как говорится, и рак — рыба, но, имея в кубышке два миллиона долларов, можно поискать кавалера куда интереснее, значит, Сереженьку следует кинуть. Вот только как это осуществить и при этом самой не оказаться у разбитого корыта?

— А сейф там какой? — поинтересовался Сергей, не подозревая, какие страсти кипят в воспаленном мозгу Лики.

— Старый гробина, еще довоенный, — ответила она. — Он его на толкучке приобрел в девяностых, еще и хвастался, какая история за ним богатая. Кому-то из НКВД-шников, что ли, принадлежал. Открывается двумя ключами.

— А ключи он с собой носит?

— Не знаю. Иногда носит, иногда запирает в ящике стола или в маленьком, подручном сейфе, который у него в шкаф вмонтирован. А ты почему спрашиваешь?

— Может, я хочу красиво пожить. Зачем этому замшелому пню такое богатство? В конце концов, если бы не ты, он бриллиант никогда не нашел бы, верно? Чего ж тогда не поделился?

То, что Сергей невольно озвучил ее мысли, очень воодушевило Лику, но она не спешила признаваться в собственных планах.

— И что же? Ты хочешь... — пролепетала она.

— Ну да. Я все-таки, какой-никакой, а слесарь. Что я, с замками не справлюсь?

— Может, и не справишься. Там и ключом их открыть сложно.

— Ерунда! — отмахнулся Сергей — Главное — сигнализация. Сможешь ее отключить?

— Смогу... — ответила Лика, а затем фальшиво всхлипнула: — Сереженька... ты это... решил всерьез?

Сереженька, как оказалось, решил всерьез, потому что ответил, глядя ей прямо в глаза:

— Это шанс, Лика. Такой один раз в жизни выпадает. И профукать его я не могу. Вот что, — деловито предложил он, — давай-ка я завтра к вам забегу, присмотрюсь, а потом решим, что и как будем делать. Может быть, я один не справлюсь, придется пацанов напрягать, а это риск.

— С ними делиться придется, — осторожно заметила Лика.

— Так ведь в сейфе, наверное, не один только бриллиант лежит? Так что остальное поделим. Есть у меня пара ребят на примете, которым очень надоела нищета. Главное — сигнализацию отключить, а уж с остальным мы управимся.

6

Алиби вдовы, как самого вероятного подозреваемого, Кирилл проверил лично и с неудовольствием обнаружил, что Панарину из списка подозреваемых придется безоговорочно исключить. И не только потому, что у нее элементарно силенок не хватило бы прирезать мужа. Опрошенный охранник Евгений подтвердил, что он лично сопровождал хозяйку по магазинам. Не поверив, Кирилл вызвал подругу, некую Галину Золотухину. Трепыхаясь от волнения, она прилетела в РОВД и, усевшись перед Мироновым, вдохновенно затрещала: да-да, поехали вместе с бедной Ирочкой прошвырнуться... Нет, нет, собирались заранее, в салоне ждали, потом по магазинам ходили, охранник таскался рядом, сумки нес, и, кажется, подслушивал разговор, любопытная Варвара...

Поехать на разведку в Михайловку не получилось. Кирилла вызвал на ковер начальник, а Олжас, воспользовавшись моментом, сбежал по своим делам. Дома у него протекал кран, потоп грозил стать стихийным, и починка крана казалась ему важнее ловли бандитов. Да и санкции не было, не штурмом же брать дом?

Оставленный в одиночестве Кирилл решил наплевать на текучку и пойти в бар, где можно было напиться. Инстинктивно выбрав заведение подалше от родного отделения, он ввалился в полутемное помещение, подошел к стойке и, подзвав бармена, окинул взглядом зал. Взгляд почти сразу наткнулся на знакомые лица.

У окна сидели звезда отечественной прессы Никита Шмелев и бывшая звезда Юлия Быстрова, забросившая скандалы и расследования несколько лет назад. Когда-то эта сладкая парочка, объединяясь в тандем, влезала

в самые дикие истории, но теперь страсти улеглись. Быстрову журналистика больше не грела, и теперь она подвизалась на почве маркетинга в автосалонах своего супруга Валерия Беликова. Шмелев переключился на социальные темы, крайне редко занимаясь привычным криминалом.

Кирилл подумал, стоит ли подойти к ним или лучше потихоньку смыться, но Юля уже заметила его и приветственно помахала рукой.

— Ка-акие люди... — протянул он, чмокнул Юлю в щеку, пожал руку Никите и уселся за стол.

— Привет, Кирилл, — сказал вежливый Никита. — Неужели в служебное время решил употребить?

— Ну, слухи о непьющей полиции сильно преувеличены, — глубокомысленно заявил Кирилл. — А вы чего это пьете среди бела дня?

— Горе заливаем, — вяло махнул рукой Никита. — Философствуем о бренности бытия и собственной бесполезности в этом подлунном мире.

— Знатный повод, — хмыкнул Кирилл. — А мировая скорбь по поводу, или так, в качестве психологической разгрузки?

— По поводу, конечно, — вздохнул Никита. — Чего бы мы просто так разгружались? Ты слышал, что Витя Чайкин умер?

Виктор Чайкин был ответсекретарем местной газеты, где раньше работали и Шмелев, и Быстрова. Кирилл его недолюбливал за излишнюю злобность, истеричность и мстительность. Чайкин то и дело раздражался гневными спитчами в адрес полиции то на страницах газеты, то в социальных сетях. В последнее время он куда-то пропал, а на днях в газетах были опубликованы печальные сообщения. Вспомнив об этом, Кирилл осторожно произнес:

— Некролог видел. А что с ним?

— Рак печени, — ответил Никита и вздохнул. — Последняя стадия. Тридцать семь лет, кто бы мог подумать? Я даже кровь для него сдавал, хотя бесполезно, он так пил... Мне кажется, что Витя словно бы мстил самому себе за что-то, и сознательно загонял себя в могилу.

— Земля пухом, — вздохнул Кирилл и, подняв рюмку, спросил: — Так вы помянуть его собрались?

— И помянуть тоже, — ответил Никита. — Витя, прости господи, хоть и алкота был, но все же из наших, из настоящих журналистов. Ну, и в связи с этим на нас навалилась депрессия. Скорбим мы по профессии, которая из года в год вырождается. Блогеры рулят, вместо новостей — посты в социальных сетях, настоящими расследованиями и не пахнет. На нормальную статью время нужно, а где его взять? Видел последние газеты? Пресс-релизы, новостюшки из жизни губернатора и мэра, околоветские меро-

приятия, перерезания ленточек... Новость дня — два трупа в электричке. Ты, кстати, ничего не слышал об этом?

Вопрос прозвучал вполне невинно, но в глазах Шмелева загорелись волчьих огоньки, и этот стремительный переход от расслабленной скорби к боевой готовности Кириллу не понравился. Поэтому он предпочел проигнорировать вопрос и, придвинув стул поближе, с энтузиазмом произнес:

— Как хорошо, что я вас встретил. Есть у меня к вам пара вопросов. Вы случайно не знаете семью Панариных? Они строительством занимаются.

— По-моему, я о нем писал в прошлом году, какие-то были махинации, — неуверенно сказал Никита. — Кажется, намудрили они со стройматериалами, цемент, что ли не той марки закупали, который годился только для штукатурных работ, а не для возведения стен, и где-то целая стена вывалилась при строительстве. Этот Панарин?

— Ну да, — подтвердил Кирилл.

— Я лично его не знаю. А зачем он тебе?

— Я знаю Олега, — вмешалась Юля. — Встречались несколько раз, в основном на разных мероприятиях, в том числе и светских.

— И что он за человек был?

— Да как тебе сказать... Если без деталей — жулик. И бабник с вечно сальным взглядом. Наши дамы от него млели и поговаривали, что мужик — огонь, но он исключительно на старлетках зацикливался. Ко мне подкатывал, но как-то вяло, а получив отказ, на продолжении не настаивал.

— А про его жену что-нибудь можешь сказать?

— Ничего. Порой даже с трудом вспоминаю, как ее зовут. Унылая рыба. Видела пару раз, и, честно говоря, она никакого впечатления не оставила. Полный ноль, тряпка застиранная.

— Наверняка у Панарина и любовница постоянная имелась

— И постоянная в том числе — Жанна Колчина. Наполовину не то татарка, не то казашка, работает косметологом. Лично я ее услугами больше не пользуюсь. Гонору много, проку мало, вкуса ноль. После ее работы все дамы выходили в образе дымковских матрешек или душеньки Марфушеньки, если позволите. Но попробуй скажи, что тебя что-то не устроило, пыль до потолка полетит. Говорят, что Олег ее боялся как огня, но почему-то не бросал.

— Боялся? — удивленно протянул Кирилл.

— У нее нрав дикий, если что — сразу в драку бросается. В прошлом году поножовщину устроила, порезала одну девочку сразу после приема. Не села только потому, что Панарин заплатил и девочке, и ее семье. После этого случая желающих связываться с ней поубавилось, как, впрочем,

и клиентуры. Девчонки поговаривали, что она едва ли не голодала, жила на подачки хахаля. Да и в школе тоже был какой-то похожий случай, тоже ножом пырнула девчонку, вроде бы парня не поделили.

Агрессивная любовница — это был след, тем более что про бросающуюся на людей Жанну Кирилл слышал не впервые. Вот только могла ли она зарезать Панарина, а затем еще и Наталью Богаченко, и если да, то за что? Приревновала? Но Богаченко, судя по мнению охранника, никак не тянула на любовницу Панарина. Скорее, Наталья просто попалась под горячую руку.

Бред! подумал Кирилл. Кто бы ни убил Панарина, он обладал недюжинной силой, раз умудрился проткнуть бизнесмена, словно бабочку, да еще сквозь пальто и пиджак. Вряд ли на это хватило сил у женщины...

— Про врагов Панарина что-нибудь знаете? — задал он очередной вопрос, но больше этот номер не прошел. Беседа медленно, но верно превращалась в допрос, и его собутыльники это быстро почувствовали. Юля промолчала, а Никита недовольно произнес:

— Судя по всему, Панарина с нами больше нет, верно? Может, и нам что-то расскажешь для приличия?

— Это тайна следствия, вообще-то, — пробурчал Кирилл и потянулся к суши. Юля молниеносно отодвинула тарелку, а Никита все тем же мерзким голосом добавил:

— Ну, тогда и вызывай повесткой. Все равно скоро ваша пресс-служба даст комментарий. Имей совесть, в конце концов, мы и так тебе много рассказали.

Кирилл посмотрел на злого Никиту, потом на ядовито улыбающуюся Юлю и, мысленно махнув рукой, выдохнул:

— Лады. Ты про трупы в электричке спрашивал. Ну, вот, один из трупов как раз и был Панариным.

— Ничего себе! — воскликнул Никита. — А второй?

— Некая Наталья Богаченко. Работница железнодорожной станции.

— Что же это получается? Их обоих... того? А как?

— Того. Зарезали, — буркнул Кирилл. — Но, только, ради бога, на меня не ссылайся, и вообще придержи материал до объявления официальной версии. И без того о нашей дружбе болтают где не надо. К тому же у нас действительно мало пока данных. Так что вы можете сказать про врагов Панарина?

— Я помню только конфликт с Осиповым, — ответил Никита, подумав. — Там было первостатейное кидалово. Но у Осипова шансов отстоять свое бабло не было вообще.

— Почему?

— Потому что Панарин хорошо делился с кем надо. Например, с бывшим мэром Тришиным. По сути, он был правой рукой Тришина в вопросах жилищного кидалова, и когда на мэра завели уголовное дело, Панарин должен был, как минимум, выступить свидетелем, если не соучастником и ответчиком. Но он вывернулся. Строительные фирмы были юридически оформлены на «левых» людей, двое, насколько я помню, вообще были бомжи, что с них взять? Их, кстати, потом даже не нашли, видать, замерзли где-то на трубах. Сколько денег было отмыто тогда, страшно подсчитать. Но в итоге Панарин выкрутился, а Тришин просто перешел на другую работу по состоянию здоровья. Сейчас в соседней области руководит департаментом сельского хозяйства. Осипов тогда тоже участвовал в тендере и по всем статьям должен был победить, но его обскакали на кривом повороте, а потом еще и вскрылись махинации в земельном комитете, когда Панарину отдали участок земли, купленный Осиповым. Они долго судились, и Осипов проиграл. Самое печальное, что он под этот участок кредит брал, причем в валюте, а потом жажнул кризис, и отдавать пришлось в два раза больше. Осипов даже в больницу лег с сердцем, а когда вышел, обещал грохнуть Панарина. Я об этом большую статью писал еще в прошлом году, тоже потом огреб по полной программе. Едва не засудили, но, к счастью, мэр сбежал, и дело заглохло.

— Вендетта прямо какая-то, — восхитился Кирилл. — Это в прошлом году произошло?

— Ну да. Считаешь, если это Осипов, то он слишком долго ждал?

— У Осипова дела не блестяще идут, это я точно знаю, — вмешалась Юля. — Он у нас заказывал машину, но в последний момент отказался от покупки. Хорошо еще, что мы успели отменить заявку, иначе стоял бы у нас этот «ягуар» мертвым грузом...

Кирилл сделал для себя зарубки в виде «ягуара», Колчиной и старого конфликта с Осиповым, неприлично скомкал разговор и сбежал, предоставив журналистам возможность обсудить полученную от него информацию...

Утром он пересказал разговор с журналистами Устемирову.

— Значит, Осипов... — задумчиво произнес Олжас. — Ну, теперь у следствия есть трое четких подозреваемых.

— Трое? — переспросил Кирилл.

— Ну да. Осипов, Колчина и жена.

— Увы, не все так просто, Олжасик. Всякое может быть, не стоит так узко мыслить. Есть еще мужья всех баб, с которыми у Панарина была связь, есть и другие люди, о которых мы ничего не знаем. Есть случайный фактор, вроде залетных гопников. К тому же у нас его деловые партнеры

не проверены из Михайловки, да и машину надо найти. У жены алиби, к тому же, судя по всеобщему мнению, она вообще ни на что не способна.

Олжас согласно кивнул и неожиданно произнес:

— А меня шкатулка беспокоит. Куда-то ведь она делась...

— Вот найдем машину, авось и шкатулка там отыщется, — подытожил Кирилл, а затем, подумав, добавил: — Кто его знает, может, в ней как раз все дело.

Наталья Богаченко жила в ветхом бараке на четыре квартиры возле железнодорожных путей. Когда-то это убогое жилье возводили как временное, но, как известно, нет ничего более постоянного, чем временное. Бараки до сих пор не сносили. И люди в них обитали, как могли. В двух комнатах этого низенького строения Богаченко жила с престарелой матерью и двумя сыновьями. Старший — Костя — худой, с россыпью юношеских угрей на щеках, подпирал притолку и на полицейских смотрел с ненавистью, младший, Даниил, лет пяти, то и дело выбегал из гостиной, испуганно смотрел на плачущую бабушку и снова прятался.

Кирилл и Олжас пристроились на тесной кухне, наполовину загроможденной большой печью. Олжас сидел за колченогим столом и писал протокол, а Кирилл, устроившись напротив матери Натальи, старался как можно мягче опрашивать ее, хотя это было непросто.

Таисия Семеновна, так звали мать покойной Богаченко, не скрывала, да и не старалась скрывать слез, утирая их смятым в ком носовым платком. Вот только сообщить по делу она ничего не могла.

— Таисия Семеновна, ваша дочь всегда возвращалась домой так поздно? — спросил Кирилл..

— Так работа же, — разводя руками, жалобно произнесла женщина. — Она на путях работала, посменно, приемщицей, по вагонам да бочкам лазала, то в день, то в ночь. С дневной смены ехала, а это всегда в десять-одиннадцать вечера. Как пересменка еще придет, пока инструктаж... А они ждут. Бывало, их на локомотивах подвозили хотя бы до нашей станции, но чаще на электричках приходилось.

— Она могла с собой взять что-нибудь ценное? — негромко спросил Олжас.

— Полюбуйтесь на наше богатство, — с горечью ответила старуха. — Много купишь на ее зарплату и на мою пенсию? А помогать некому. Нет, не было у нее ничего ценного. Зарплату уже выдали, так она ее домой принесла... Боже мой! Как я детей поднимать буду? На какие деньги?.. — зарыдала она.

— А как же отец мальчиков? Он где вообще?

— Да пес его знает! Сгинул еще до рождения Данечки, алкаш проклятый! Ушел и не вернулся, все нажитое из дома вынес.

— Вы его искали?

— Даже не пытались. Пропал — и слава богу! Без него легче стало. Мальчишки хоть спят по ночам спокойно...

— Никого вы не найдете, — вдруг сказал Костя с неприязнью.

— Это почему же? — спросил Олжас.

— Да вам до таких, как мы, дела нет, — выпалил мальчишка. — Мы же не олигархи, не миллионеры. Поговорите сейчас с нами, и все на этом закончится.

— Костик, помолчи! — прикрикнула бабушка, но тот, сжав кулаки, с остервенением добавил:

— Я не дурак. Вы же думаете на отца это убийство спихнуть. Вроде как развелись, а он потом ее зарезал, потому что алкаш. Ну, давайте, спихивайте! Небось вам начальники... медаль... даду-у-ут!.. — Костя не выдержал и, разревевшись, выбежал из кухни.

— Пусть поплачет, — всхлипнула Таисия Семеновна, — может, полегчает ему. Наташеньку все равно не вернуть. А вы спрашивайте, я, что знаю, — скажу.

— Вы уверены, что ваш... кхм... зять не мог свести счеты с бывшей женой? — спросил Кирилл.

— Да где ему! Его ж и раньше соплей перешибить можно было. А после того, как он запил, и подавно.

— А зовут его как?

— Иваном. Иван Павлович Богаченко. Он тут жил, в соседнем бараке до женитьбы на Наташеньке...

— А как они жили?

— Плохо жили, ругались постоянно. Говорила я ей, говорила: что ты нашла в этом малохольном? Так она только плечами пожимала, мол, все лучше, чем совсем одной...

Кирилл сделал знак Олжасу, и тот, понятливо кивнув, вынул сотовый и вполголоса сделал запрос. Пока он разговаривал, Кирилл продолжал спрашивать, отчетливо понимая, что ничего интересного мать погибшей не расскажет.

С покойным Панариным Богаченко не пересекалась, во всяком случае, мать об этом не знала. Поверхностный осмотр квартиры дал понять, что в этом доме действительно деньги не водились, и весьма сомнительно, что лоснящийся, холеный Панарин выбрал бы в любовницы серую, побитую жизнью Наталью Богаченко.

Они попрощались и вышли на улицу.

— Ну, что? Мимо кассы, шеф? — спросил Олжас.
— Ты папашу пробил?
— Бесперспективняк, шеф. Иван Богаченко три года назад был осужден за кражу, и до сих пор сидит. Так что поquitаться с женой не мог никак.
— Бесперспективняк, — вздохнул Кирилл. — Ладно, поехали. Может, в другом месте повезет.

7

Свет ударил прямо в глаза. Яков Семенович зажмурился и застонал. Следом за ярким, безжалостным лучом в голове стеклянным шаром покати-лась боль от висков к затылку и обратно. Губы старика были мокрыми и солеными, то ли от слез, то ли от крови. На затылке тоже было мокро. Антиквар всхлипнул и закрыл глаза.

Ночью Коростылев долго не мог заснуть, звонил коллегам в Германию и Америку, прозрачно намекая, что в его руки попал артефакт невероятной ценности, интересовался ценами на крупные бриллианты, чем вызвал в сообществе антикваров переполох, однако прояснить ситуацию Яков Семенович отказался наотрез. Гораздо интереснее было выяснить происхождение бриллианта, который Коростылев про себя уже окрестил «Синим льдом Бомбея» за голубоватую окраску. Судя по огранке и кри-стальной чистоте, камень происходил из Индии, но каким образом он по-пал в Россию, и, тем более, оказался в чайной шкатулке, которой было больше сотни лет, оставалось загадкой. Оставить ее без решения Коро-стылев не хотел. Крупные камни всегда имели хозяев, и крайне редко про-падали бесследно. Пусть Яков Семенович бриллиант в оборот, неизвест-но, кто мог предъявить на него права. Конечно, камень можно было про-дать из-под полы, но в этом случае крупные аукционы отпадали сразу, а иметь дело с теневым оборотом драгоценностей антиквар не хотел. Был у него один неприятный инцидент...

Только в три часа ночи, когда от усталости Коростылев уже едва не падал, удалось найти чуть заметный след, который связывал возможного бывшего владельца шкатулки, имеющего весьма прозрачную связь с Ин-дией, но выяснить это по Интернету было весьма проблематично. След был слишком старым, однако в нем вырисовывались детали, обгаренные кровью. Судя по всему, камешек был с богатой историей, и его владельцы вряд ли приходили в восторг, обнаружив, что получили настоящую «бомбу с часовым механизмом». Но это еще предстояло проверить. Решив, что разгадка никуда не денется, Коростылев отправился на боковую и уснул сразу, кажется, еще до того, как успел закрыть глаза, потому что сразу

провалился в сон: яркий, теплый, из которого не хотелось выныривать. Якову Семеновичу — Яше — приснилась покойная жена Адочка, задорная хохотушка, с которой они и прожили двадцать лет, пока она не скончалась от рака. Но во сне Адочка была молода и прекрасна, и все тянулась к нему своими тонкими пальцами, а на шее у нее висел кулон с бриллиантом. Не этим, найденным в шкатулке, а тем, проклятым камнем, из-за которого молодого Яшу, решившего толкнуть камень на черном рынке, замели умельцы из КГБ, и только сотрудничество со следствием помогло напуганному юноше избежать суда и расстрельной статьи. Яша никому не рассказывал, как сдал всю сеть подпольных ювелиров, раз и навсегда превратившись в сексота. Зато его не тронули, и Адочку тоже. Правда, камень пришлось отдать.

Сон лопнул мыльным пузырем, когда из салона донеслись странные звуки, словно что-то дзынькнуло и покатилося. Коростылев подскочил в постели и прислушался. Тишина была полной, но старика глодало нехорошее предчувствие: а ну, как воры забрались? Он сунул ноги в тапки, подхватил тяжелый молоток, лежащий на тумбочке специально для защиты, открыл дверь и стал бесшумно спускаться вниз. Последняя ступенька предательски скрипнула под его ногой, и в эту же минуту к антиквару рванулась черная тень. Яков Семенович попытался инстинктивно закрыться рукой, а потом в голове взорвалась бомба...

Когда Коростылев пришел в себя, оказалось, что он лежит на полу в своем салоне. Прямо над ним висела темная железная люстра. В помещении кто-то ходил, шебуршился и, негромко матерясь, передвигал предметы с места на место. Судя по звукам, грабителей было несколько — двое, а может, даже трое. Яков Семенович слегка повернул голову и тут же получил сильный удар в бок. Несмотря на боль, он промолчал, стиснув зубы так, что они хрустнули.

— Хватит, — скомандовал кто-то рядом. — Ты же не хочешь, чтобы он прямо тут ласты склеил?

Над Коростылевым нависли две тени, вот только разобрать лица в темноте оказалось невозможно. Но, как оказалось, дело было не только во тьме. На грабителях были лыжные маски. Один, судя по всему именно тот, что пнул старика в бок, осветил снизу свою маску фонариком и гнусно захохотал:

— Смотри, у дедульки реснички трепыхаются. Але, дедуля, пора вставать!

Голос у него был совсем еще молодой, с глумливыми интонациями. Парень грубо похлопал Коростылева по щеке, отчего голова Якова Семеновича заболталась, словно яблоко на нитке.

— Что вам надо? — спросил Коростылев, удивившись, как испуганно и жалко звучит его голос: — Вы кто?

— О, дед, тебе бы на шоу «Интуиция», — захохотал парень и осветил фонариком Коростылеву в лицо, отчего тот зажмурился. — Мы тут стоим перед тобой в масках, по кумполу только что заехали. Кто же мы?

— Вы грабители? — прошептал Яков Семенович, а парень, вновь хлопнув антиквара по щеке, подтвердил:

— Бинго, Шерлок! И чего нам надо?

— У меня тут совсем немного денег, — плаксиво протянул Коростылев и, немного осмелев, добавил: — Забирайте и уходите.

— А нам тут доложили, что у тебя гораздо больше, чем немного. Где ключи от сейфа?

Это сказал второй, и его голос был хриплым, властным, с интонациями жожака. Яков Семенович напрягся, инстинктивно отодвинувшись от опасности, но это несколько не помогло. Парень с гнусным голосом рывком поднял старика на ноги:

— Не спим, не спим, дедуля! Где ключи?

«Если сейчас отпихнуть его, можно добежать до лестницы, подняться в квартиру и запереться. А, можно попробовать добраться до тревожной кнопки. Почему же сигнализация не сработала?.. Боже, они ведь и до камня доберутся!»

Эти мысли пронеслись в голове антиквара в один момент. Мысль, что бриллиант достанется грабителям, неожиданно придала Коростылеву сил и смелости. Он с силой толкнул держащего его парня и бросился к столу, но то ли силенок оказалось мало, то ли противник оказался невероятно силен, но грабитель без особого труда ухватил старика за тощую шею, прижал к полу и издевательски произнес:

— Куда? Сидеть, Тузик!

— Тише ты! — прошипел второй грабитель и скомандовал: — Отпусти деда.

Первый неохотно разжал пальцы, и Яков Семенович рухнул на колени, хватая воздух. Теперь было не до камня. Старик понял, что шутить с ним никто не собирается, и если не принять их правила, из этой переделки можно и не выйти живым. Сердце колотилось в груди, словно птица, а виски сдавливала тягучая боль.

— Ключи не нужны, — прошептал антиквар, — у сейфа кодовый замок. Если я назову вам код, вы оставите меня в покое?

— Торговаться он вздумал, пень старый, — хмыкнул грабитель с гнусным голосом. — Называй, а там поглядим. И не вздумай с нами играть!

Теперь Коростылев видел, что в салоне находятся еще двое. Один шарил в витрине, бросая приглянувшуюся ему добычу в сумку, а второй застыл у входа, там, где на стене находился щиток сигнализации. Получив ощутимый тычок в спину, Коростылев, откашлявшись, назвал код.

В маленьком сейфе не было ничего ценного, с потерей его содержимого антиквар смирился бы легко, но именно там лежал один из двух ключей, отпирающих второй, большой сейф, скрытый декоративной панелью. Именно там лежала выручка, самые ценные золотые и платиновые украшения и — что самое главное — бриллиант, «Синий лед Бомбея». Второй ключ висел у Якова Семеновича на шее. Антиквар подумал, что если повезет, грабители не найдут ключа и не обнаружат сейфа, но спустя мгновение эти надежды рухнули.

Разграбить сейф поручили третьему грабителю, разорившему витрину, и он, почти не глядя, смел содержимое сейфа в сумку, и с победным возгласом продемонстрировал найденный ключ. Коростылев обреченно закрыл глаза, а главарь, повернувшись к нему, бросил:

— Молодец, дедуля! А теперь ключи гони от второго сейфа.

— Послушайте, — торопливо сказал Яков Семенович, еще на что-то надеясь, — там нет ничего ценного, сплошная бухгалтерия. Вряд ли она вам пригодится, а для меня эти бумаги очень важны...

— Ты, видно, не понял, старый! — прошипел глумливый и ударил антиквара по затылку. Коростылев приглушенно взвыл от боли и не заметил, как четвертый член шайки выступил вперед и сказал неожиданно тонким голосом:

— На шее у него ключи.

«Лица?!»

Этот голос Яков Семенович не мог перепутать ни с чьим другим и теперь с ужасом и отвращением смотрел на свою сотрудницу, облаченную в черные брюки и куртку, с такой же лыжной маской на лице. В прорези для рта кривились дрожащие губы, словно Лица с трудом сдерживала слезы, и только мгновение спустя Коростылев понял, что Лику корежит не от сожалений, а от злости.

— Боже мой! Ликочка, но как же так... — пролепетал Яков Семенович. — Как ты могла? И за что?..

Он не договорил, так как осознание ударило, словно молот. Конечно же, из-за камня! Проклятого индийского бриллианта, приносящего владельцам одни беды. И не в суевериях дело или злом роке, висевшим над драгоценностью. Какой, к чертям, рок, если бал правила жадность. Захотела девочка красивую «цацку» и решила отобрать ее у законного обладателя!

О том, что «цацку» нашла как раз Лика, Коростылев не подумал, как и о том, что с девушкой следовало поделиться или хотя бы пообещать что-то, а не откупаться копеечной премией. Судя по злобному блеску в ее глазах, она этого не забыла.

— Да за все! — воскликнула Лика и сделала шаг вперед. — Вы что же, думали, я такая дура и буду корячиться за копейки, когда у вас полна коробочка? А шишок под носок? Хватит с меня, наработалась!

Она протянула руку и рванула шнурок с ключом с шеи Коростылева. На этот раз старик закричал в голос от боли и отчаяния. Было ясно, что это не обычный налет. Грабители пришли за бриллиантом.

Лика отодвинула скрытую панель, воткнула в скважины оба ключа и открыла тяжелую дверцу. Грабитель с гнусавым голосом, швырнув старика на пол, подошел ближе, осветил фонариком внутрь сейфа и с восхищением присвистнул:

— Ого, твою ж мать! Да тут денег куча! Прямо не сейф, а Поле чудес. Нет, вы подумайте, на фига этому старому хрену столько бабла?

Коростылев закрыл глаза. Это конец. Денег в сейфе действительно было много, и еще вчера они представляли бы какую-то ценность, но теперь Коростылеву все стало безразлично.

— Дай, гляну! — решительно сказала Лика, отодвинула глумливого в сторону и стала шарить в сейфе, отодвигая в сторону деньги и украшения.

— Серый, что делать? — спросил глумливый.

— Спихайте все в рюкзаки. Лика, давай-ка ты этим займись, Антоха, пошарь на полках.

— На фиг вы имена вслух называете, дебилы? — неожиданно подал голос четвертый грабитель.

После его слов в салоне на мгновение воцарилась тишина, сопровождаемая переглядками грабителей. Взгляды, которые они потом бросили на Коростылева, были пугающими. Антиквар почувствовал, как от ужаса его пальцы стали ледяными, и он срывающимся голосом пролепетал:

— Пожалуйста... Берите, что хотите, и уходите. Оставьте меня в покое! Я никому ничего не скажу!

— Конечно, не скажешь, — сказал тот, кого глумливый Антон назвал Серым, и сделал шаг к старику. Коростылев замотал головой и пополз от грабителя, но тот быстро нагнал его и, повалив на пол, обхватил руками тощую морщинистую шею Якова Семеновича.

Задыхаясь, Коростылев замолотил руками в воздухе, стараясь добраться до своего убийцы, но схватка была короткой. В шее что-то хрустнуло сломанной веткой, и в тот же момент его пальцы, хватавшие Сергея за отвороты куртки, разжались. В умирающем мозгу пролетело короткое

воспоминание о жене, бегущей по ромашковому полю, ее серебристый смех и голос:

— Яша! Яшенька!..

Коростылев улыбался ей, не зная, как ужасно перекосилось его мертвое лицо, улыбался и шел следом. Ромашки стегали его по босым ногам, а пальцы жены наконец-то смогли прикоснуться к его рукам. Остальное уже не имело никакого значения...

8

Лика успела добежать до туалета, где ее вырвало. Сплевывая в унитаз серо-желтую слизь, она всхлипывала от страха. До этого момента девушка и не подозревала, что смерть может быть так... ужасна. Впрочем, ужасна — не то выражение — омерзительна, отвратительна. Впервые в жизни Лике пришлось видеть смерть так близко и, более того, помогать отправить кого-то по черным водам реки Стикс.

Совесть не то чтобы мучила, задавленная страхом и злостью на старого козла, не пожелавшего сидеть тихо, но легче от этого не становилось. Сухой хруст сломанной шеи до сих пор стоял у нее в ушах. Придумывая план, она не думала, что все может кончиться именно так. И кто в этом виноват? Сама, сама, глупая курица, не удержавшаяся от комментариев. Конечно, Коростылев узнал ее голос, а после этого у Сергея не было иного выхода, кроме как убить его. Смыв рвоту, Лика встала с пола, открыла кран умывальника и, уставившись на свое покрасневшее лицо, плеснула в него холодной водой. Прополоскав рот, она закрыла кран и вновь уставилась в зеркало, откуда на нее смотрела рано постаревшая баба с красными глазами, трясущимся перекошенным набок ртом и всклокоченными волосами.

«Докатилась, — подумала Лика. — Еще вчера была обычным человеком, а сегодня — организатор налета и соучастница убийства. Кажется, у ментов это именно так называется».

Выходя из туалета, Лика злилась: на Сергея, на его безмозглых подельников Антона и Вовку, устроивших в салоне тарарам, а больше всего — на покойного антиквара, которому, видите ли, не спалось у себя в постельке. Ведь она все продумала, организовала, отключила сигнализацию. Нужно было всего-то войти, распотрошить маленький сейф и, если Коростылев не расстался со вторым ключом, напасть на старика в его квартире. Даже нападение должно было пройти без сучка и задоринки. Сергей раздобыл у знакомой бутылочку хлороформа, и Якова Семеновича ждал всего лишь крепкий сон. Вместо этого он сейчас лежит на полу салона с высунутым

языком и выпученными глазами. А еще Лике было жалко себя, идиотку, связавшуюся с отморозками. Ведь можно было все тщательно продумать, завладеть камнем и ни с кем не делиться. А что сейчас? Всего-то радости — твердый комочек, спрятанный в лифчик.

Снедаемая жалостью к себе, Лика вышла в салон, натолкнувшись на троих поделщиков, столпившихся вокруг тела Коростылева. Полумрак не давал разглядеть их лиц, но Лика была почему-то уверена, что все они имеют бледный вид.

— Блин, Серый, ты что наделал? На фига ты его завалил? — наконец протянул Антон. Его голос был испуганным.

— Он Лику узнал, — сухо ответил Сергей. — Через нее на нас всех вышли бы. А даже если бы и не вышли, думаешь, я позволю свою телку на нары отправить?

— Блин, вот ты отмороженный! — буркнул Вова. — Что теперь делать-то будем?

Сергей помолчал, а потом неохотно протянул:

— План «Б», пацаны.

— Можно подумать, у нас был план «Б», — фыркнул Антон.

— Не ной! — отрезал Сергей. — Не был, так появился. Собираем манатки и валим из города. Салон закроем, труп еще не скоро найдут. Повесим на дверь табличку «Учет» или что-нибудь такое, а сами свинтим. Когда его хватятся, будет уже слишком поздно.

— Сережа, но меня будут искать! — возразила Лика плаксивым тоном. — Может, лучше я останусь? Приду завтра на работу, как ни в чем не бывало, найду покойника, подниму визг?

— Не будут. Напиши заявление по собственному желанию, мы его в бумагах оставим, будто ты пару дней как уволилась. Даже если найдут, скажешь, мол, не в курсе, я на него не работаю.

— Думаешь, поверят? Там же не дураки работают.

— Брось, — хохотнул Сергей, но смешок вышел нервным. — Кто от большого ума в ментуру пойдет? Самое главное — мы богаты. А с такими деньгами можно делать все, что хочешь!

— Я лучше останусь, — твердо сказала Лика. — Глупо бежать сейчас. Это все равно, что признаться. И потом, я тут работала, так что кругом мои следы остались.

— Нам-то как быть? — взвыл Антон. — Я на «мокруху» не подписывался. И Вова тоже. Вы сказали, все будет тихо, а что получилось?

— Хватит орать, — прошипел Сергей. — Лика права. Делаем так: расходимся по-тихому, не отсвечиваем. Деньги поделим, золотишко тоже. Только не вздумайте его продавать по ломбардам! Лика завтра выйдет на работу,

найдет тело, позвонит ментам, а дальше по обстоятельствам. По телефону дело не обсуждать. Все поняли?

Антон и Вова молча кивнули и, подхватив набитые сумки, двинулись к выходу. Лика направилась, было, за ними, но Сергей придержал ее за локоть, притянул к себе и тихо спросил:

— Лик, а... камень у тебя?

Она помолчала, а потом закивала, растягивая трясущиеся губы в фальшивой улыбке.

9

Вышагивая по перрону, Юля ежилась, прятала покрасневший нос в воротник, с ненавистью глядя на медленно ползущий поезд, к которому уже ринулись пассажиры и встречающие. Порывы ветра ледяными пальцами залезали под одежду. Юля сделала несколько шагов назад, укрываясь от ветра за киоском с нехитрой паровозной снедью, но здесь было не намного теплее. Даже продавец внутри выглядела обмороженной. На Юлю она взглянула без интереса, сообразив, что девица в норковом полушубке вряд ли станет есть лапшу, и захлопнула оконце плотнее, отрезая запах прогорклого масла и жареных сосисок.

Юля, естественно, проспала, потому что вставать в три ночи и тащиться на вокзал через весь город оказалось невыносимо сложно. Нечесаная, не накрашенная, в мятых джинсах, выдернутых из шкафа впопыхах, она едва успела выпить чашку черного кофе, спустилась во двор и отправилась встречать сестру.

Муж, естественно, был против.

— Такси бы взяла, — бурчал Валерий. — Не барыня. С какого перепуга ты должна тащиться среди ночи на вокзал?

Юля безнадежно отмахивалась. По поводу торжественной встречи Татьяны, кузины Юли, у нее состоялась грандиозная стычка с матерью, увещающей непокорную дочь, что с родней ссориться грех, и вообще... Родная кровь, мол, не водица, надо помогать и прощать. Прощать и помогать, к слову, приходилось постоянно: деньгами, советами, связями, проглатывая бесконечное осуждение менее удачливых во всех отношениях родственников. Они обижались по любому поводу, становились в позу и требовали извинений, а не получив их, начинали гадить по мелочи: обзванивать друзей и родственников, рассказывая им небылицы про «проклятых богатеев, которые отреклись от родной крови». Мать, конечно, расстраивалась, сглаживала углы, как могла, глотала таблетки горстями, сдерживая приступы гипертонии. А родственникам было все нипочем.

Так что родню Юля не любила. Собственно, она вообще не особенно любила людей и мало кого пускала в свой близкий круг. Это были люди, проверенные годами, готовые ради нее в огонь и воду, ну и она, соответственно, так же.

Поезд медленно выплыл из мрака, рассекая тьму мощным прожектором, в свете которого плясали редкие снежинки. Пассажиры и встречающие, обморожено торчащие на перроне, пришли в движение, вытянули шеи, старательно выискивая в окнах вагонов таблички с номерами.

Наконец поезд остановился, проводники открыли двери, откинули лешенки и, вытерев поручни, стали выпускать пассажиров. Юля неохотно пошла к нужному вагону, надеясь, что в последнюю минуту случилось чудо, и сестра решила не приезжать, а предупредить не успела. Мало ли...

Сестру Татьяну Юля в гости не звала и видеть отнюдь не хотела. Тетку, сестру матери, как и Таню, Юля давно перевела в категорию упырей, от которых следовало держаться подальше. И если тетка была более-менее вменяемым человеком, то Танька, одержимая собственной красотой и желаниями стать звездой эстрады и найти приличного мужчину, была все рекорды глупости.

Из вагона сестрица не просто вышла — выпала, поскользнувшись на ступеньке, и только мертвая хватка удержала ее от падения. Вытянув из вагона большие клеенчатые сумки в клетку, Таня принялась озираться по сторонам, а увидев Юлю, бросилась к ней.

— Юлька! Сестренка! Я так рада тебя видеть! Я так соску-у-училась! А ты по мне соскучилась?

— Безумно, — равнодушно ответила Юля, и, не в силах сдержать раздражение, добавила: — А что, не было другого поезда, который прибывал бы не в четыре утра?

Таня обиженно захлопала ресницами.

— Были какие-то, но мне неудобно на них уезжать, надо было рано вставать.

Юля скривила губы и внимательно поглядела на сестру, приплясывающую на месте от холода в слишком тоненькой курточке.

— Ну и? Никаких противоречий не замечаешь?

— У тебя вид усталый, и мешки под глазами.

— Неужели? И с чего бы это? Может быть, оттого, что я не выспалась? — ядовито поинтересовалась Юля и пошла по перрону. Таня подхватила свои баулы и суетливо понеслась следом, стараясь не отставать. Юля чеканила шаг и злилась.

От прежних девичьих отношений с годами не осталось и следа. Если раньше сестры частенько ездили к друг другу в гости, доверяли самые сокровен-

ные тайны, делились нарядами и нехитрыми украшениями, то с годами все изменилось. Таня вышла замуж первой, выбрав в качестве спутника жизни деревенского алкоголика, который бросил ее через год, а потом и вообще спился и умер, оставив бывшей жене многочисленные кредиты и бестолковую дочь. Таня, сбросив проблемы на плечи своих немолодых родителей, продолжала грезить сценой, но певицей, как ни старалась, так и не стала: и былая красота подувяла, и голос, на который возлагались огромные надежды, оказался отнюдь не выдающийся, да и образования соответствующего, кроме музыкальной школы, не было...

Идти до машины было всего ничего, и за пару минут Таня, с пыхтением волочащая за собой сумки, успела рассказать немудреные новости о родителях, дочери, а потом пустилась в извечные размышления о смысле жизни и путеводной звезде, что указывала путь. Юля слушала и терпела, зная, что любые вопросы только подстегнут сестру, а так была надежда, что она выдохнется и замолчит. Увы, затолкав сумки в салон, Татьяна усеелась рядом и ни на минуту не прекращала говорить.

— Знаешь, я жила, жила, работала, копошилась, а потом подумала, как же глупо провожу время. Годы-то идут, а я все сижу, сижу, а ведь мне уже тридцать... два.

— Три, — безжалостно уточнила Юля и завела мотор. — Тебе уже тридцать три. А скоро будет тридцать четыре.

— Ну и ладно. Произносить эту страшную цифру вслух совсем не обязательно, — надулась Таня и ехидно добавила: — Ты тоже не девочка.

— Не девочка, — спокойно согласилась Юля и, нажав на газ, довольно безразличным тоном поинтересовалась:

— Какие у тебя планы? Чем собираешься заниматься?

— Ну... — Таня стусевалась, почесала нос и оптимистично продолжила: — Пока осмотрюсь. У вас же наверняка есть профессиональные студии звукозаписи? А у меня целая куча песен, которые нужно записать и сделать профессиональную аранжировку, с бэк-вокалом.

— Это все, конечно, прекрасно... творчество, песни, но запись — удовольствие не дешевое.

— Да брось! — фыркнула Таня. — Когда в студии услышат, как я пою, они в обморок упадут от восторга, и бесплатно запишут. А потом, думаю, можно будет сняться в кино. Я очень хочу работать с Бондарчуком.

Юля не выдержала и расхохоталась:

— А уж Бондарчук-то как хочет, спит и видит. Все глаза выплакал: где же Таня, где же Таня?.. А чего так мелко? Почему сразу не Спилберг? Хочешь совет? Бросила бы ты фигней страдать и куда-нибудь на работу устроилась.

— Это не фигня! — запальчиво воскликнула Таня. — Это — моя мечта! Тебе не понять, потому что ты — не творческая личность, и не бредишь искусством. А я чувствую — это мое! Из меня бы вышла прекрасная певица, а, может, актриса, потому что я сердцем пою. Я — будущее эстрады, а, может, и кино!

— Тебе тридцать три, — холодно ответила Юля, злясь, прежде всего на себя, за то, что затеяла этот разговор. — У тебя нет опыта, образования, зато есть мечта. Похвально, только мечта не прокормит.

— Образование — не главное. Вон люди даже в сорок становятся звездами, потому что появляется шанс! Я решила, что первым делом надо прийти на какой-нибудь проект, спеть, и там меня сразу заметят продюсеры.

— Угу... Заметят, какая ты дура, — буркнула Юля под нос.

— Что?

— Говорю, конечно, заметят. К гадалке не ходи..

На перегоне мигал красным светофор. Шлагбаум был закрыт, и Юля выудила из кармана сотовый, отметив, что лампочка мигает, сигнализируя о пропущенном звонке или полученном смс. Проведя пальцем по экрану, она вывела на него входящее сообщение от Шмелева.

Бестактная Танька тут же уставилась в телефон, и, увидев рядом с сообщением фото Никиты, спросила:

— Это кто?

— Никита, мой очень хороший друг, — рассеяно ответила Юля.

— М-м-м, какой красивый. А он женат?

— Женат, и счастлив в браке, — торопливо соврала Юля. — Четверо детей, супруга — красавица, успешная бизнес-леди.

— Жаль... — вздохнула Танька и вдруг снова оживилась: — Слушай, может, эта бизнес-леди заинтересуется мной как продюсер?

Юля ничего не ответила, лишь тихо вздохнула...

10

Кирилл выдернули из дома, где он сладко отсыпался после дежурства. Телефон проблеял известную песенку «Хоп, мусорок», которую жена из вредности поставила на звонок начальника Кирилл. Не соображая спроне, он выслушал хриплый лай шефа, козырнул в телефон и, с трудом поборов желание наплевать на работу, побрел в душ, натываясь на косяки и мебель.. Ольги не было дома — увезла сына к родителям. Без нее и Васьки дома было стыло и пусто. Квартира приобретала нежилой вид, хотя внешне все было точно так же: и занавески, и посуда, и мебель. А вот,

поди ж ты, где-то на подкорке складывалось впечатление, что дом бросили раз и навсегда.

Побрившись, Кирилл торопливо позавтракал, затолкал грязные тарелки в мойку, сбежал вниз, сел в машину и, посигналив запоздавшему на работу соседу, выкатился со двора, направляясь к антикварному салону. Олжас уже прислал сообщение, что на место прибыл и приступил к работе, так что не было причин для треволнений.

У салона уже сгрудилось несколько служебных автомобилей. К счастью, среди них не было ни одной машины вездесущей прессы, слетавшейся на пададь с хищностью чаек-поморников. Видимо, не успели сориентироваться, а окрестные жители — донести о сенсации.

Кирилл скупо поздоровался с коллегами, выслушал короткий доклад, не глядя, выудил из коробки бахилы, с которыми теперь ездила на происшествя бригада, и прошел к судмедэксперту Георгию Милованову: старенькому, толстенькому, в нелепой шапке с детским помпоном и завязками под подбородком. В углу всхлипывала неизвестная девица, видимо, сотрудница, рассказывая что-то вполголоса незнакомому следователю. Тот бросил на Кирилла хмурый взгляд и продолжил допрос, чиркая ручкой в протоколе.

Труп старика лежал на полу, остро вздернув подбородок вверх. В уголке беспомощно раскрытого рта запеклась кровь. Сморщенные веки были прикрыты. Кирилл присел рядом с Миловановым и вздохнул:

— Здорово, Жор, опять мы с тобой встретились.

— Так уже четвертый раз на неделе, Кирюша, — ласково прожурчал Милованов. — И кабы по какому приличному поводу. Так нет же, снова у холодного тела клиента, и вообще не эстетического.

— Будто бы жмуры могут быть эстетическими, — фыркнул Кирилл и деловито спросил:

— Клиент сам помер, или помог кто?

— Помогли однозначно, — равнодушно ответил Милованов. — Рана характерная, подозреваю, что перелом основания черепа, и, судя по характеру раны, нанесена сверху тупым твердым предметом. Я кое-что упаковал, но, думается мне, что орудие убивец с собой унес. Видишь, куда его тюкнули?

Кирилл посмотрел на рану и покивал.

— Скорее всего, мужик бил, примерно твоего роста. Или девахабаскетболистка, силушкой не обделенная. Марья Моревна какая-нибудь.

Кирилл поглядел на щуплую блондиночку, всхлипывающую в уголке, прикинул, что на богатыршу она не тянет, и безнадежно переспросил:

— Значит, убийство?

— Убийство, Кирюш. Кабы он с высоты брякнулся, повреждения совсем другие были бы, да и не обо что ему было так удариться. Опять же,

не сам он этот разгром сотворил, верно? Но это ты сам думай, вон какая башка здоровая и умная... — Милованов с кряхтением уложил покойного на бок и привычно запричитал: — Ох, Кирилл, Кирилл, надорвемся мы на своей работе. Ты уже седой наполовину, а ведь тебе всего сорок три.

— Сорок два. А ты вообще весь седой.

— Так мне на пенсию через год, — отмахнулся Георгий. — Вот уйду от вас, попомните старого Жору. Кто ж вас, бестолочей, натаскивать будет?

— Не нуди, старый, — скривился Кирилл. — Есть что по делу еще сказать?

— Да что я могу? — картинно обиделся Георгий. — Человек убиенный — пожилой, много не надо, чтоб справиться. Он, конечно, сопротивлялся, но, видать, силенки оказались неравны. Под ногтями волокна, грязь и кровь, думаю, он убийцу немного оцарапал, следочки хорошие.

— Из следственного кто? — спросил Кирилл.

Милованов покосился в сторону и сказал на полтона ниже:

— Вон, в уголочке сидит какой-то хмырь, впервые вижу. На меня посмотрел с презрением, по углам рыскает, видно, жизни не нюхал еще, хотя вроде не мальчик уже. Наверняка, блатной. Кирюша, чего нам таких упырей стали присылать, а? И так работа не сахар, еще перед следаками приседать...

— Ладно, пойду, — вздохнул Кирилл, поприседаю перед следствием, — и направился к следователю, который допрашивал зареванную блондинку.

Следователем оказался Аркадий Павлович Протасов, работать с которым Кириллу еще не приходилось. Протасова перевели недавно из соседнего района, где он, кажется, не блистал. К тому же о его нечистоплотности ходили туманные слухи.

Внешне Протасов производил довольно отталкивающее впечатление. Невысокий, худой, с высокими зальсынами, тонкими губами, ястребиным носом и злыми серыми глазами, он даже разговаривал, словно сдерживая раздражение. На Кирилла он глянул и скривился, не ответив на приветствие. Не отвлекая его от вопросов, Кирилл взял со стола паспорт девицы и пролистал: Анжелика Крайнова, не замужем. Уже кое-что. А вот паспорт убиенного Коростылева Якова Семеновича, мужчины преклонных лет, жившего по соседству...

— Установите, с кем потерпевший беседовал накануне. Кому звонил, с кем общался, — неприязненно бросил Протасов и брезгливо подвинул Кириллу упакованный в полиэтилен телефон.

Кирилл взял его, сунул в кожаную папку, а потом мотнул головой в сторону письменного стола:

— В компьютер можно глянуть?

— Зачем? — раздраженно осведомился Протасов.

— Может, он по скайпу общался? Или по мэйл-агенту. Есть куча программ, типа «аськи», «фри-колл».

Протасов снисходительно махнул рукой:

— Ну, гляньте, хотя тут явное ограбление. Я бы на вашем месте шпану местную потряс. Двери взломаны, сейфы выпотрошены. Судя по следам, человека три-четыре работало, и работали грубо. Думаю, вычислить их труда не составит.

— Угу, — буркнул Кирилл, включая ноутбук, стоящий на столе. — И при этом сигнализацию они умудрились отключить. А система тут хорошая, я поглядел.

— Кстати, да, Анжелика, кто включал сигнализацию? — встрепнулся Протасов.

Блондиночка утерла щеки и срывающим голосом пояснила:

— Чаще Яков Семенович. Он почти всегда оставался тут после моего ухода. Ему это ничего не стоило. Закрывая двери, он просто поднимался по лестнице к себе в квартиру. А утром я приходила и отключала. Яков Семенович... того... попозже спускался...

Только сейчас до Кирилла дошло, что покойный жил в квартире над салоном, хотя это должно было сразу броситься в глаза, когда он листал его паспорт. А когда дошло, он встал, завертел головой и протянул:

— Интересно. Пойду-ка я на квартиру гляну.

— Там ваш Устемиров уже работает, — заметил Протасов.

— Тем более пойду, проконтролирую, — ответил Кирилл. — К тому же, там могут найтись какие-нибудь контакты.

Олжас в гордом одиночестве, рыскал по квартире, водя туда-сюда скуластым монгольским лицом, раздувая ноздри, будто гончая, и, судя по вываленному на стол хламу, успел найти все записи хозяина. Кирилл бегло огляделся:

— М-да. Музей. Третьяковская галерея, Лувр, Версаль.

Пожалуй, здесь было антиквариата побольше, чем внизу, и, если верить зрению и чутью, эти вещи оценивались не в пример выше. Удивляло другое: как можно было жить в такой обстановке, поскольку ничем человеческим здесь и не пахло, разве что чайник в кухне стоял вполне себе современный, электрический. Обилие позолоты, тусклых зеркал и потертого бархата, глушившего любые звуки, превращало квартиру, просторную, с гигантскими квадратными комнатами и высокими потолками, в музей, в салон старой куртизанки, в декорацию к фильму, но только не в жилье старого вдовца.

Олжас заметил шефа, но подходить не стал, высматривая что-то на

шкафу, затем подвинул стул, забрался на него и долго копался в выдвигном шкафчике, пока не слез оттуда с пустыми руками.

— Привет! — весело поздоровался Кирилл. Озабоченное лицо Олжаса его невероятно забавляло. — Чего нарыл?

— Ничего интересного, — скривился Устемиров. — Честно говоря, первое, что пришло в голову — Коростылев убийц впустил в квартиру, а уже оттуда они спустились в салон. Сигнализация отключена, скорее всего, так они и ушли. Но войти-то было нужно, верно? И через квартиру это было бы проще. Но тут дверь сейфовая, просто так не возьмешь, внешне ни следочка взлома, цепочка накинута, заперто на все замки. Если и открыл, то сам, а затем запер, либо они закрыли, чтобы следы замести — мол, снизу зашли. Но я в этом смысла не вижу, к тому же внизу вроде бы в замке ковырялись.

— Ты в охранную фирму звонил?

— Звонил, сейчас тут еще осмотрюсь и сгоняю... Но по их словам, с сигнализации салон сняли глубокой ночью. Время зафиксировано.

— Там только код набрать необходимо, или звонок клиента тоже нужен?

— Только код. Охранники боятся, что с сигнализации салон сняли ночью и больше не ставили.

— А эта дверь на сигналке? — заглянул в прихожую Кирилл.

— Эта тоже, но вот ее ни вчера, ни сегодня на охрану не сдавали. Я думаю, что старичок ее только на момент отъезда ставил на сигнализацию. Надо подробности узнать. Хата, конечно, богатая, чистый музей. Но вроде тут ничего не взяли. Бардак средний, наверняка сам хозяин копался. Отпечатки пальцев, конечно, надо взять...

Кирилл бегло покопался в записных книжках, валяющихся на столе, перевернул кучу визиток и, задрав голову к потолку, произнес:

— Странно. Дверь наверх была открыта, если обнесли салон, почему не обнести хату? Тут есть что-нибудь ценное? Не мебель, я имею в виду, не все эти барроко и рококо, а то, что можно легко прихватить.

— Шеф, я же не разбираюсь, — развел руками Олжас, — но по мне, это барахло больших денег стоит, для ценителей, конечно. В вазе деньги, тысяч десять, под бельем кошелек нашел, там еще примерно столько же, плюс кредитки. А в кабинете сейф, нетронутый, запертый, на кодовом замке. Надо бы открыть, глянуть. Деньги на виду лежали, но их не тронули. Нет, скорее всего, грабителей тут не было.

С этим трудно было спорить. Внизу салон перевернули вверх дном, в квартире же был относительный порядок. Сомнительно, что здесь налетчикам пришлось работать осторожнее, но кто знает?

— Очень интересно, — раздосадовано протянул Кирилл. — Почему же они не тронули квартиру?

— Может, не успели? — предположил Олжас. — Чистили салон, а тут хозяин спустился. Они ему по башке тюкнули, и бежать.

— Скорее всего, все так и было. Откуда только код сигнализации узнали? Кто мог сказать?

— Девушка, например... Эта, Анжелика, — уверенно предположил Олжас. — Протасов ее, правда, спрашивал, а она насмерть стоит — код никому не говорила. Но кто ж ее знает? И соврать могла.

— И как он тебе? — любопытно спросил Кирилл.

— Протасов-то? — Олжас скривился, сделал такое лицо, словно хотел сплунуть, но вовремя спохватился. — Да не особо, если честно. Я с ним работал пару раз. Очень себе на уме, типа, самый умный. Ни с кем не считается, и оперов гоняет по чем зря. Никто его не любит, но терпят. Он в главке кому-то из вышестоящих то ли сват, то ли брат. А еще говорят, у нас в Казахстане кумовство.

— Еще что-нибудь интересное есть? — спросил Кирилл.

— Ничего такого. Хотел контакты Коростылева отработать, но Протасов меня отправил сюда. Единственное, что успел узнать, накануне в салон приходила бывшая ученица покойного — некая Александра Ковалевская.

— Вот как?

Всплывшее имя старой знакомой заставило Кирилла вздрогнуть.

Саша Ковалевская пару лет назад крепко попортила крови, выясняя подробности убийства своего деда. Если быть точнее, кровь попортили Шмелев и Быстрова, которые с завидным постоянством впутывались в расследования Кирилла, умудряясь делать выводы, основываясь на каких-то диких фактах и предположениях. То, что за весьма короткое время в двух разных расследованиях Кириллу приходилось столкнуться и с Ковалевской и с этим околориминальным дуэтом, ему совершенно не нравилось.

Олжас о мрачных мыслях начальства не подозревал, поэтому бодро продолжил:

— Да, Анжелика о ней сказала. Не понял зачем приходила, какой-то был личный вопрос. Теперь вот еще ее придется устанавливать.

— Не надо никого устанавливать, — хмуро произнес Кирилл. — Знаю я эту Ковалевскую. Она неподалеку работает, так что я сейчас сам ей позвоню.

Александра Ковалевская, к которой удалось дозвониться только с третьего раза, да и то через секретариат, прибежала сразу, благо музей был в двух кварталах. Ойкнула, глядя на тело на полу, позеленела и вроде даже

собралась рухнуть в обморок, но потом взяла себя в руки. Кирилл провел ее внутрь, глядя, как она, высоко поднимая ноги, словно цапля, старается перешагивать через валяющиеся на полу черепки. Ее большие глаза раненой оленихи смотрели на кавардак с ужасом. Усадив ее за стол, Кирилл торопливо записал паспортные данные Саши, бросая на нее быстрые взгляды. Изменилась красавица. Щеки слегка округлились, и волосы отрастила до плеч. Выглядит отлично. Неудивительно, что у Шмелева в свое время крыша поехала. И чего у них там не сложилось?

Кирилл тут же отогнал мысли о Никите (еще репортеров тут не хватало!) и быстро спросил:

— Саш, вчера у Коростылева что делала?

Она метнула испуганный взгляд на тело, которое уже собирались унести. Медики с сухим хрустом раскатывали по полу черный пластик. Выглядело это кошмарно даже для подготовленного человека, а Саша явно была не такой. Анжелика, отправленная на составление описи похищенного, тихо завывала. Саша оглянулась на подругу, сглотнула и срывающимся голосом произнесла:

— Меня директор отправил, хотел вымолить у Якова Семеновича экспертизу... Хотя нет, экспертиза — неверная формулировка. Скорее, консультацию.

— Вымолить? — встрял в разговор Протасов.

Саша закивала и грустно пояснила:

— У них были очень сложные отношения последние пару лет. Яков Семенович — признанный авторитет, но предпочел оставить госслужбу, салон открыл, и — самое трагичное для его бывших коллег — стал зарабатывать деньги. На это всегда косо смотрят, осуждают, ну и... всякое такое. Сазонов, директор музея, когда-то с Яковым Семеновичем работал, вместе радели за историческое наследие страны, а потом вот... такое предательство ради денег. У нас многие Коростылева осуждали. Но когда нужна была консультация или экспертиза, все равно бежали к нему. Яков Семенович обладает... обладал... уникальными знаниями, особенно касающимися иконописи. У него просто чутье было, как у собаки или экстрасенса, никто не мог его превзойти. Делать заключения официально он не мог — государственную лицензию так и не получил, поэтому все экспонаты приходилось таскать к нему нелегально, ну, или просить его прийти, проверить. Каждый раз это были цирковые номера. Чаще всего это поручали мне или Лиде Ворониной, она тоже у него училась и знала, как Коростылева умаслить. Но недавно она уволилась, так что умолять Якова Семеновича пришлось мне. Директор слезно просил: Сашенька, сходи, уговори...

— Уговорила? — спросил Кирилл.

— Ну да, — ответила Саша. — Попала под хорошее настроение. Он буквально передо мной одну сделку совершил и очень радовался по этому поводу.

Услышав про сделку. Кирилл подобрался и даже рот открыл, чтобы спросить, но тут вмешался Протасов и все испортил, сбив с мысли, а та, кувыркаясь, улетела куда-то в глубь подсознания.

— Говорите, у Коростылева было много недругов? — спросил Протасов. Саша посмотрела на него с легким удивлением и сухо ответила:

— Ничего подобного я не говорила.

Протасов, черкавший в блокноте, нехорошо прищурился:

— Разве не вы сейчас сообщили, что его многие осуждали и недолюбливали?

Вот тут Саша зло сжала губы, насторожилась и даже подобралась по-кошачьи, готовая то ли в атаку кинуться, то ли удрать.

— Осуждать и недолюбливать — это одно, а вот убить из-за расхождения в мировоззрении — совсем другое, — чеканя слова, отрубилла она.

Протасова сбить с мысли было трудно. Он тоже подобрался и, ехидно ухмыльнувшись, продолжил:

— Хорошо. Я перефразирую. Враги у Коростылева были?

— Не знаю. Если и были, со мной он не откровенничал. Я лишь бывшая ученица, виделась с ним от случая к случаю.

— А в его квартире бывать приходилось?

— Давно, но не здесь, а на Островского, когда еще его супруга была жива. А в этой — никогда.

— Почему?

— Никто не приглашал. Я и сама не стремилась. У Якова Семеновича характер был... не дай бог. Каждый раз подстраиваться под его капризы было сложно, удивляюсь, как Лика его терпела. А для деловых встреч мне и салона хватало.

Протасов со скукой оглядел свои ногти, отполированные до блеска, записал слова Саши в протокол и неожиданно огорошил вопросом:

— Александра, а где были вы этой ночью?

Вот тут Саша вытаращила глаза по-настоящему, да и Кирилл, признаться, оказался огорошен. Уж кого-кого, а Сашу Ковалевскую, идейную до мозга костей, правильную девочку, отличницу и зубрилку, подозревать в чем-либо противозаконном было, по меньшей мере, глупо. Но Протасов биографии Саши не знал, и потому это казалось извинительным, но Кирилл еле сдержался от предупредительного кашля. Тем более что в голове вновь завертелась мысль, не давая ухватить себя за хвост.

— Что? — с изумлением переспросила Саша.

— Где были вы этой ночью? — повторил Протасов.

— Вы шутите, наверное... — возмутилась она. — Дома была, спала. Нормальные люди, знаете ли, дома спят, а я как раз из нормальных.

— Не ерничайте, — сморщился Протасов. — Вы были одна?

— Послушайте....

— Нет, это вы послушайте, — рявкнул он и даже хлопнул ладонью по столу. — Я задал простой вопрос, а вы становитесь в позу. Давайте без этого, уважаемая.

Глаза Саши тут же заволокло слезами. Дрожащим голосом она пролепетала:

— Я была дома одна. Правда, несколько человек звонили.

— На домашний телефон?

— Нет, на мобильный...

Протасов рассмеялся, как гиена.

— Тогда как вы подтвердите, что были дома? — ехидно рассмеялся Протасов. — К тому же вряд ли они звонили вам в три ночи, верно?

— А я и не собираюсь ничего подтверждать! — возмущенно воскликнула Саша и подскочила с места, сверля глазами ухмыляющегося Протасова. — В конце концов это идиотизм какой-то! Что, теперь будем хватать людей только потому, что они ночевали дома в одиночестве? Может, еще в кандалы закуете?

— А что вы так кипятитесь, дорогая? — удивился Протасов.

— Я вам не дорогая! — рявкнула Саша так, что под потолком дзинькнули подвески хрустальной люстры.

Протасов открыл рот, чтобы ответить какой-то гадостью, но Кирилл опередил его и, схватив Сашу за руку, развернул к себе, тем более что мысль наконец-то сформировалась. Еще не зная, в чем дело, испытывая лишь смутное предчувствие, он торопливо произнес:

— Саш, Саш, успокойся. Скажи мне вот что: вчера у Коростылева состоялась какая-то сделка, помнишь? Он еще был очень доволен. Ты не знаешь, что Яков Семенович купил?

Саша ответила не сразу. Раздувая ноздри от гнева, она, бледная, с двумя красными пятнами на щеках, смотрела на Кирилла, сжимая и разжимая кулаки, не понимая, чего он от нее хочет, а затем, сдвинув брови, ответила:

— Что купил? Шкатулку. Чайную шкатулку, предположительно из мастерской Чарльза Ружа. Вещь старинная, недешевая.

— Что? Шкатулку?

— Ну да. А что?

Вот тут Кирилла словно шарахнуло по голове. Он закашлялся, начал шарить по карманам, вытащил мобильный и, найдя в нем картинку, показал ее Саше:

— Посмотри, вот такую шкатулку?

Саша посмотрела, потом перевела взгляд на Кирилла и неуверенно сказала:

— Не знаю, возможно. А что?

— Да так, ничего, — медленно протянул Кирилл. — Спасибо, Саш.

Вот теперь он был готов поверить в судьбу. Не слушая новых вопросов Протасова, Кирилл бросился к лестнице, чтобы обрадовать новостью Олжаса, не замечая острого взгляда помощницы покойного антиквара.

11

Поначалу все шло хорошо, настолько хорошо, что Лика почти перестала дергаться.

Утром она так и не смогла впихнуть в себя завтрак и отправилась на работу. Обыденно вытащила ключ, сунула в замочную скважину, напонила себе, что должна удивиться открытой двери, вошла внутрь, пристроила куртку на вешалку и деревянными шагами прошла в салон.

В дневном свете картина казалась ужасающей. Вокруг валялись разбросанные вещи, бумаги, черепки антикварных чашек, не приглянувшихся грабителям, а на полу, скрючившись, лежал хозяин салона, Яков Семенович Коростылев, не более живой, чем предметы вокруг него. В воздухе витал неприятный запах.

Лика неуверенно вскрикнула, а затем ее желудок подскочил вверх, и она бросилась в туалет, где ее вырвало зеленоватой желчью.

Она выползла из туалета и, стараясь не смотреть на покойника, прошла к телефону, выдохнула несколько раз и завыла в трубку, умоляя о помощи.

Полицейский наряд приехал быстро, а следом потянулись и судмедэксперты. Лика забилась в уголок, всхлипывала, но, в целом, старалась держаться внешне в более-менее вменяемом состоянии. Не хватало еще, чтобы вкололи успокоительное, там и выболтать что не надо можно. Наконец очередь дошла и до нее. Майор с киношной фамилией Миронов начал задавать стандартные вопросы, и Лика отвечала: да, вчера вечером видела его в последний раз. Нет, он не звонил. Нет, утром не видела ничего подозрительного, разве что сигнализация была выключена, а дверь открыта, но она подумала, что Яков Семенович уже открыл салон... Нет, накануне все было как обычно... Кто приходил? Несколько постоянных клиентов и бывшая ученица Коростылева, подруга Лики — Александра Ковалевская...

Сдав Сашку, Лика испытала легкое злорадство, а затем мысленно стукнула себя кулаком по лбу: Сашка же видела шкатулку! Но отступить назад было поздно. Миронов, кстати, услышав Сашкино имя, нахмурился, вы-

удил ее номер из телефонного справочника, позвонил и пригласил прийти в салон, причем разговаривал, как с хорошо знакомой. Это Лике совершенно не понравилось.

Сашка явилась через час и стала заторможенно давать показания, с ужасом поглядывая на труп, который ворочали туда-сюда медики. Лика тоже была занята: составляла возможный список украденного. Сашка пару раз бросила на нее недоуменный взгляд, а потом надолго притихла, когда покойника уложили в пластиковый мешок и вынесли из салона.

Сашка уехала, а Лика осталась давать показания. Через пару часов ее, совершенно выжатую, отпустили домой, и она, сохраняя на лице скорбное выражение, ушла, радуясь, что так легко удалось одурачить полицейских. Внутренне она была готова, что ее поволокнут в кутузку прямо из салона, и то, что этого не произошло, показалось ей удивительным.

Сергей, напротив, не увидел в произошедшем ничего странного.

— Я же говорил: менты — идиоты. Через пару недель они найдут какого-нибудь бомжа, повесят на него это дело, а мы преспокойно отправимся загорать на Мальдивы. Никому и в голову не придет, что мы как-то связаны с убийством...

— Замолчи! — воскликнула Лика, к горлу которой вновь подступила тошнота. Перед глазами встал разбитый череп Коростылева, а тошнотворный запах ударил в нос. — Не произноси это слово!..

Сергей посмотрел на Лику сонным взглядом, сгреб в ладонь чипсы из миски, отправил в рот и захрустел, перемалывая жженный картофель могучими челюстями.

— Да расслабься ты, — равнодушно промычал он. — Через пару дней, когда все успокоится, мы свалим из города, поделим добычу, сбросим пацанов с хвоста, и ищи свищи... Кстати, а для Мальдив нужен загранпаспорт?

— Загранпаспорт везде нужен, — раздраженно ответила Лика, подумав, что прекрасный принц после первого серьезного испытания оказался ничтожеством, и если кто кого и сбросит с хвоста, так это она его, как только камень окажется у нее в руках. Пока же Сергей таскал его при себе, и даже в квартире спрятал так, что она не могла найти.

Сама Лика на Мальдивы не собиралась, во всяком случае, с Сереженькой. Лучше в Эмираты или Бангкок, где знали толк в драгоценностях. Более того, у нее даже были записаны телефоны партнеров Коростылева, давно занимающихся эксклюзивными «цацками», но делиться ими с Сереженькой и его бандой она не собиралась. Провезти через таможню бриллиант не так уж сложно. Камень звенеть не будет, запаха не издаст. Сунула в рот — и прошла. Даже глотать не надо. Или прицепила на шею вместе с дешевой бижутерией, никто и не подумает, что эта сверкающая глыба — настоящий бриллиант.

— Значит, паспорт надо сделать, — вздохнул Сергей и вновь зашуршал чипсами. — Надо этим заняться, как только все устаканится.

Лика с отвращением посмотрела на него. Боже мой, и вот с этим убожеством она делила кров, пищу и постель? Для той, до бриллиантовой, жизни, Сергей вполне подходил, а вот сейчас она не могла даже смотреть на эту лоснящуюся физиономию. Завладей Лика камнем, только бы ее тут и видели. С деньжищами, вырученными за его продажу, она могла бы позволить себе куда более красивых и приятных мужчин, чуть ли не наследных принцев, образованных, светских, прекрасных во всех отношениях. Видимо, в легендах о драгоценностях, сводивших владельцев с ума, была толика правды. Камень всего-то ничего у них в руках, а Лика уже готова была избавиться от всей компании, включая когда-то любимого.

«И избавлюсь, — подумала она, льстиво улыбнувшись Сергею, — только бы все прошло хорошо!»

Сергей понял ее намек, похотливо улыбнулся и начал стаскивать с себя спортивные штаны. Лика легла на него, сорвала с себя халат и промурлыкала:

— Сереженька, я хочу на него посмотреть. Покажи.

Сереженька хохотнул и начал шарить рукой в промежности, а затем вытащил руку.

«Так и знала», — удовлетворенно подумала Лика и восторженно выдохнула:

— Какой громадный!

Бриллиант, тщательно скрывааемый Сергеем в исподнем, сверкал ослепительной звездой, случайно упавшей с небес в маленькую прокуренную квартиру, бросая яростные блики, от которых глаза парочки вспыхивали, словно у кошек. Сергей ловко опрокинул Ликю на спину и стал водить бриллиантом по ее губам, шее, груди, опускаясь все ниже и ниже. От жара разгоряченных тел окна медленно запотевали, и только бриллиант оставался чистым и холодным, будто осколок синей льдинки. В какой-то момент камень выскользнул из влажных пальцев Сергея и завалился в складки простыней, но ни Сергей, ни Лика этого не заметили, поглощенные друг другом.

О том, что все пошло кувырком, они узнали через три дня, когда в квартиру влетели перепуганные Антон и Володька.

Они ввалились в квартиру поздно, уже за полночь, когда Лика с Сергеем спали. Торопливо разулись и чуть ли не бегом прошли на кухню, так и не включив там свет. Лика, услышав шум, проснулась, вышла к ним и сразу отметила нездоровую бледность Вовки, свежий фонарь под глазом и перекошенное от злости лицо Антона. Вслед за ней на кухне появился Сергей, нажал на кнопку выключателя, и вспыхнувшая под потолком лампочка заставила гостей зажмуриться.

— Погаси! — прошипел Антон. — Не хватало еще...

Чего ему не хватало, никто не стал выяснять, однако Сергей торопливо погасил свет, выдвинул ногой табурет и уселся напротив друзей.

— Выпить дайте, — хрипло произнес Антон.

— А ты принес? — усмехнулась Лика, но, стушевавшись под взглядом Сергея, послушно вытащила из шкафчика початую бутылку коньяка и три стопки. Антон вырвал бутылку из ее рук, глотнул прямо из горлышка, скривился, и только потом разлил коньяк в стопки.

— Да что случилось-то? — не выдержал Сергей.

— У придурка этого спроси, — мотнул подбородком в сторону Вовки Антон.

— Я у тебя сейчас спрашиваю. Какого хрена вы приперлись среди ночи и еще во «Что? Где? Когда?» играете?

Антон выпил, замотал головой, отказываясь от подвинутой Ликой тарелочки с нарезанной колбасой, и зло выпалил:

— Он цацки в ломбард отнес. Те, из салона.

Вова понуро опустил голову, а Лика похолодела.

Добычу из сейфов Коростылева они даже не делили между собой, упаковали в мешок и спрятали в гараже, где Сергей держал машину. Гараж был арендован у совершенно постороннего мужика, так что связать его с Сергеем было весьма проблематично. Но перед тем как спрятать украшения и монеты, Лика тщательно все просмотрела, а позже, когда полицейские заставили ее сделать опись похищенного, ловила себя на мысли, что чего-то в мешке с драгоценностями не хватает. Естественно, во время ограбления что-то рассовали по карманам. Лика подозревала такой исход, но думала, что у подельников хватит мозгов не «светить» похищенное в скупках и ломбардах.

— Вы что, дебилы? — ахнула она. — Это же антикварные украшения, а не фигня с турецкого рынка! Их же сразу заметят!

— Чего это — вы? — возмутился Антон. — Лично я ничего никуда не относил.

— Вова! — гаркнул Сергей, присовокупив несколько матерных слов, — ты... о чем... думал, придурок?

— Да кто ж знал-то? — всхлипнул Вова. — Все как-то само собой получилось. Денег не осталось, а тут эта бранзулетка в кармане бултыхается. Ну, я ее и скинул. Раньше-то никогда осечек не было, чего бы не приносил...

— А сейчас? — схватившись за сердце, произнесла Лика немеющими губами.

Вова пробурчал что-то нечленораздельное, а Антон, опрокинув в рот очередную стопку, ехидно вставил:

— Менты к нему приходили.

Сергей поперхнулся, а Лика безвольно сползла на стул. Господи! Надо же было связаться с этими идиотами!

— И что? — каким-то чужим голосом спросил Сергей.

— Да ничего, — отмахнулся Вовка. — Дома только мамка была, а она уже две недели не просыхает. Так что ничего они от нее не добились. Я ментовскую машину у дома увидел и заходить не стал. Сосед потом рассказал, что по мою душу были, выпрашивали, где я, когда домой вернусь, но он-то калач тертый, ничего им не сказал. Вот!

Вова откинулся назад, навалился на стенку и даже слабо улыбнулся, демонстрируя молодецкую удасть.

— Ты чего радуешься, кретин? — спросил Сергей ласковым голосом. — Это ты сейчас от ментов ушел, да и то случайно, потому что твой калач не сдал, где ты тусишь. А завтра что делать будешь? Куда пойдешь?

— Ну... — Уеду куда-нибудь. Страна большая. Вернусь, когда все утихнет через месяц-другой.

Антон вздохнул и закатил глаза.

— Идиот, — произнес он с жалостливым сожалением. — Ты хоть понимаешь, что сейчас менты все раскопают, телефоны на «прослушку» поставят... или как там это называется? Раскопают все связи, а через тебя, дегенерата, на нас выйдут!

Вот теперь Вова, кажется, по-настоящему испугался.

— Мужики, — жалобно пролепетал он, игнорируя Лику, — а что делать теперь?

— Что делать, что делать — сухари сушить! — рявкнул Антон. На него зашикали сразу с трех сторон и он добавил чуть тише: — Послал бог коreshа... Когти надо рвать, пока не прихватили. Если менты Вову возьмут, он нас сразу сдаст, потому что тупой, как сибирский валенок.

— Да, — протянул Сергей. — Надо сваливать.

— Пацаны, у меня ж... того... денег нет, — жалобно произнес Вовка.

— Ты что? Все потратил?! — воскликнул Антон.

После грабежа в сейфе Коростылева помимо драгоценностей, была и небольшая кучка денег, которую поделили на четыре части. Этих денег могло хватить недели на две, а то и на месяц, если не сильно шиковать, и то, что Володька умудрился спустить все за несколько дней, не просто раздражало, а бесило до глубины души.

— Значит, жрать и пить не будешь, — зло сказал Сергей. — И в сортир только по команде, придурок, блин!

Вова поднял голову и жалобно проблеял:

— Вы же меня не бросите?

— Не бросим, — буркнул Антон. — На бывшую турбазу поедем за город, там перекантуемся. У меня ключи есть, дядька оставил, просил пригладеть. Места глухие, для отдыха не сезон. Там точно никто искать не будет. На вокзалы сейчас соваться не с руки, наверняка менты не совсем идиоты, быстро сообразят, что мы из города валить собрались.

— Сам-то дядька где? — спросил Сергей.

— В больнице. Надолго он там. Туберкулез у дядьки. А рыбаков сейчас нет, на озерке всю рыбу извели, один карась остался. Какой дурак за карасем в такую даль поедет? Да и дороги там — не дай бог...

На кухне надолго повисла тишина. За окном еще шумел плохо засыпающий город. Откуда-то издалека, со стороны железной дороги, ухнул гудок пролетавшего поезда и невнятный гул перекликающихся диспетчерских голосов. В трубах гудела вода, видно, какой-то полуночник принимал душ. Из вентиляции несло жареной рыбой. Лика почувствовала тошноту и вскочила, опрокинув стул. Зажимая рот рукой, она склонилась над унитазом, извергая из себя остатки ужина. Ужас сжимал ее горло когтистыми лапами. Игра не стоила свеч. Чертов бриллиант, проклятое, сверкающее великолепие в одночасье разрушил ее жизнь. Почему она не оставила его Коростылеву? Пусть бы давилась от зависти и несправедливости, но сейчас спокойно спала бы под боком Сергея, не испытывая этой мерзкой дрожи в животе и коленях. Теперь она ненавидела сокровище. Но — и в этом она боялась признаться даже себе — ненавидя проклятый бриллиант, она все равно продолжала его вожделеть, и мысль о продаже, пусть даже за баснословные деньги, казалась Лике кощунственной.

Она еще не знала, что беременна, и даже не допускала подобной мысли. Медленно, словно старуха, выползла из ванной, равнодушно отметила, что после ее ухода в кухне царил полная тишина, и стала собирать вещи, думая о том, как быстро слетел с катушек при виде бриллианта Коростылев, как изменился Сергей, и что стало с ней самой...

12

Окна Никитиной квартиры были темными, но Саша по опыту знала: это еще ничего не значит. Он вообще не любил включать верхний свет, работал с одной слабой настольной лампой, освещающей лишь клавиатуру. Однако в глубине души шевелился ядовитый червячок сомнения: что если его дома нет? Или еще хуже: дома, но не один? Как смотреть ему в глаза

после предательства, как разговаривать? Как просить о помощи? Саша припомнила Никиткиного приятеля, выражающего высшую степень отрицания совершенно нелепой фразой:

«Очень сильно невозможно».

Вот и ей, поднимающейся на второй этаж, было «очень сильно невозможно» страшно. Вдруг малодушно захотелось сбежать, оставить все как есть, надеясь, что все рассосется само собой. По большому счету, все вполне могло рассосаться, уж больно дикими выходили оправдания, данные следователю на его еще более дикие вопросы. Но сбросить со счетов свой нынешний статус подозреваемой или, как минимум, соучастницы, было трудно. Оттого Саша, тщательно взвесив, бросилась к тому, кто однажды уже оказался впутан в ее семейные дела и мастерски разобрался во всем. Ну, или почти во всем.

На лестничной клетке Саша притормозила и неуверенно протянула руку к звонку, но тут же поняла, что звонка по-прежнему нет.

Саша прислушалась. Из-за двери доносились грохочущие басы и вой гитар. Она облегченно вздохнула и постучала.

Басы смолкли, в «глазке» мелькнул и исчез свет, и дверь бесшумно приоткрылась.

— Привет, — хрипло сказала Саша.

Никита, загорелый, почти незаметный в темноте, дернул плечами и весьма прохладно ответил:

— Привет.

Возникла неловкая пауза, а затем Саша неуверенно произнесла:

— Можно войти?

— А, ну да, входи, конечно.

Никита посторонился, пропуская ее в квартиру, закрыл за ней дверь и, прислонившись к стене, молча ждал, пока она снимет пальто и пристроит его на вешалку, не сделав ни единого движения, чтобы помочь. Саша, привыкшая к его политесам, слегка поджала губы, а затем, напомнив себе, что пришла в качестве просительницы, посоветовала не обращать внимания на его недружелюбный вид.

— Отличный загар, — похвалила она.

— Спасибо, — кивнул Никита и мотнул рукой в сторону гостиной, мол, проходите, гости дорогие.

В гостиной, оставленной в прошлом году с боем, слезами и истерикой, все было так же... и не так. Мебель осталась прежней, но кое-какие детали добавились или исчезли. Прежде всего, пропала их совместная фотография, большая, стильная, на которой они, обнявшись, хохотали под дождем. На ее месте висела картина: осень сочными грубыми мазками, кажется Па-

риж, а, может, какой-то другой город, пара под зонтом черными силуэтами, разбросанные желтые и красные листья. На полу у окна стояла гигантская ваза, покрытая черным лаком, на которой то ли выгравировали, то ли выцарапали сложный орнамент со слонами и дивными птицами. Рядом с вазой притулился дешевый столик из Икеи, а на нем — клетка, в которой щурился проснувшийся волнистый попугайчик небесно-голубого цвета. В квартире было как-то непривычно, почти стерильно чисто, что Никите, в общем-то, было несвойственно, и только под клеткой попугая на полу валялась шелуха от корма да несколько легких перьев. Саша изобразила интерес и наклонилась над клеткой.

— О, кажется, у тебя что-то новенькое, — с преувеличенным восторгом сказала она. — Это мальчик или девочка?

— Мальчик, Гриша, — неохотно произнес Никита и пояснил: — Брат маме подарил, а у них кошка, она бы от него быстро пух и перья оставила, так что пришлось забрать. Чай будешь? Или кофе?

Мальчик Гриша встрепенулся, склонил голову, неуверенно чирикнул с присвистом, перепрыгнул поближе к кормушке и стал клевать семечки, поглядывая на Сашу черными бусинками глаз. Откуда-то из брюшка, а, может, из крыла, вылетело еще одно перышко и спланировало вниз, провалившись между прутьями клетки. Саша проводила его взглядом и, спохватившись, ответила, повысив голос, так как Никита уже был на кухне:

— Чай, пожалуй... Мне поговорить с тобой надо.

Она прошла на кухню, уселась на табурет, глядя, как он нервно наливает в чайник воды из кувшина-фильтра, ставит на стол из холодильника кулечки с конфетами и печеньем, и тихо, но серьезно повторила:

— Мне нужно с тобой поговорить.

— Ну, раз надо, говори, — негромко бросил Никита.

Саша не выдержала, подпрыгнула на стуле и неожиданно склочным голосом выпалила:

— О, пожалуйста, не веди себя так, будто я в чем-то виновата!

— Ты считаешь, что не виновата? — усмехнулся Никита и театрально всплеснул руками: — Замечательная позиция. Мужик всегда виноват.

Саша была готова вскочить и бросить ему в лицо что-нибудь обидное, но, глядя на его хищное, безжалостное лицо, стушевалась, припомнив, что, в общем-то, он прав, и разрыв действительно произошел по ее вине. И потому она беспомощно пролепетала:

— Никит, послушай... Тебя вся родня ненавидела за ту историю с прошлым деда. Они считали, что ты не должен был все вытаскивать наружу, да еще и публиковать. Ведь есть какие-то этические нормы...

Дед Саши погиб в позапрошлом году при загадочных обстоятельствах, а она, не поверив в самоубийство, прибежала к журналисту Шмелеву с

просьбой разобраться. Никита и разобрался, что повлекло за собой скоротечный роман, закончившийся катастрофой, и развенчанием культа личности деда Саши, оказавшегося едва ли не предателем родины. Более того, Никита не раз предлагал Саше прекратить копаться в прошлом, но она не захотела. В итоге все кончилось плохо, и она понимала это так же хорошо, как и он.

— Почему эти этические нормы не затронули тебя? — зло спросил Никита и брякнул об стол чашками. — Ты прекрасно знала, что я опубликую эту статью, и, тем не менее, сама попросила о расследовании, так как не верила в самоубийство. Можно было остановиться в любой момент, но ты не захотела. А когда правда вылезла наружу, я остался крайним, а ты — чистенькой, потому что, видите ли, не захотела осложнения отношений с родственниками. И потому легко и непринужденно выкинула наши отношения в мусор.

— Но что я могла сделать?

— По крайней мере, не идти у них на поводу. Ты — взрослая женщина уже и вправе сама решать, с кем оставаться.

— Ну, спасибо тебе за женщину, тем более за взрослую.

— Мадемуазель, оставьте свое неуместное кокетство, — скривился он, налил чай и уселся напротив, разглядывая столешницу с преувеличенным интересом.

Вот теперь сдерживать слезы стало «очень сильно невозможно». Саша всхлипнула, схватила чашку, отхлебнула кипятку и задышала часто-часто, втягивая холодный воздух. Никита на ее страдания даже внимания не обратил, сидел красный от злости, с надутыми щеками. В таком состоянии его было невозможно пронять слезами, уж это Саша помнила из прошлой жизни. Закатишь истерику — он просто уйдет.

«Чурбан бесчувственный, — зло подумала она, а себе посоветовала: — Терпи!»

— Ну, не злись. Я понимаю, что виновата и сама все испортила. Мы ведь можем сейчас просто поговорить, не касаясь скользких тем, правда? Как добрые товарищи.

— Как товарищи? — Его бровь снова иронично дернулась.

— Господи, Шмелев! — не выдержав, вскипела Саша.

— Ладно-ладно, — усмехнулся Никита и вкрадчиво поинтересовался: — И о чем мы будем говорить, если скользких тем не касаться?:

— Вообще-то мне нужен твой совет. Ты, наверное, слышал, что на днях был убит местный ювелир?

— Коростылев? Он, по-моему, в нашем универе когда-то преподавал...

— Да, это Яков Семенович. Я у него как раз училась.

— Хочешь детали узнать? Там не так много чего в прессу просочилось, потому как грабителей не нашли. Я в деле не копался, по-моему, Витька Сахно что-то такое писал...

— Я знаю. Получилось, что я с Коростылевым разговаривала незадолго до его смерти.

— Вот как?

Вот теперь акула, раздосадованная тем, что давний конкурент криминальной хроники Витька Сахно, дрянной мужичок с подленькой душой, но отличной хваткой на сенсации, обскакал на повороте, заглотила наживку. Саша торопливо изложила подробности своего визита к Коростылеву, звонок из полиции и допрос. Никита слушал внимательно, и даже что-то черкал на салфетке, хотя мог бы и за блокнотом сходить, но, видимо, боялся сбиться с мысли, упустить подробности. Саша завершила рассказ новостью об исчезновении Лики.

— Расследование Миронов ведет, — вздохнула она. — Хоть какая-то светлая деталь, знакомое лицо... и все такое... Он меня уже опрашивал, но я мало что знаю. Хотела Лику потормозить, но она куда-то подевалась, даже полиция ее найти не может. Миронов такие странные вопросы задавал, что я подумала: он подозревает, что Лика наводчица.

Никита уже давно решил, что чаем тут не обойтись, и вытащил из холодильника бутылку рома, порубил колбаску и сыр. Возбужденная рассказом Саша проглотила бутерброды в одно мгновение.

— А ты сама как думаешь? — спросил Никита.

— Да ну, чушь, — отмахнулась Саша. — Мы же учились вместе, я ее неплохо знаю. Хорошая, простая девчонка. Нет, скорее всего, она до смерти перепугалась. Мало ли, вдруг грабители решат и от нее избавиться?

— Что же они, совсем дураки?

— Да кто ж их знает? Но, если честно, я сама тут кое о чем задумалась. Лика ведь показания давала о том, что пропало из салона. А одну вещь не упомянула, хотя видела ее и должна была сказать.

— А ты что, была в курсе того, что хранилось в салоне?

— Откуда? Просто Яков Семенович при мне купил одну вещь и даже просил навскидку оценить. Вряд ли Лика могла забыть о ней ...

— Что за вещь? — насторожился Никита и даже ногами под столом засучил от нетерпения.

— Чайная шкатулка. Из красного дерева. Ценности невеликой, стоимостью тысячи в две долларов. Такие даже в очень хорошем состоянии — не раритет, поскольку выпускались поточным способом. Но тут дело даже не в этом. Когда я упомянула о шкатулке, Миронов вытащил телефон и показал мне фото очень похожей шкатулки.

— Очень похожей?

— Может, той же самой, а потом попросил напрячься и описать продавца. Я описала: женщина какая-то, в платке и полушубке. И, судя по реакции, Миронов знал, кто она такая. Я поискала в Интернете и нашла такую же шкатулку. Смотри.

Саша вынула телефон, вошла в приложение галереи и вывела на экран фото находки, увеличив его до предела. Никита взял телефон Саши и сбросил изображение на свой.

— Интересно... — протянул он. — Но ты же не думаешь, что Коростылева убили из-за шкатулки? Или, может, из-за того, что было в ней?

— Ничего в ней не было. Я же ее рассматривала. Пустая шкатулка, без гербов царского двора и инициалов последнего императора, если ты подозревал ее уникальность. Думаю, она просто попалась грабителям под руку, вот и прихватили. Другое странно: почему Лика о ней не обмолвилась. И в журнале учета купленного шкатулки не было, это я точно знаю, сама смотрела.

— Ну, твоя подруга была в шоковом состоянии. Могла забыть — не каждый день труп начальника находишь.

— И при этом подробно перечислить все купленное днем раньше? — скривилась Саша.

— Саш, не ищи черную кошку в темной комнате, — посоветовал Никита. — Это для тебя, может быть, покупка древней рухляди — целое событие, а для нее — обыденность. Ты вот все, что на работе делала, помнишь? То-то же. И я не все. Ликую твою могло переклинить. Если шкатулка была сразу перед смертью Коростылева куплена, не внесена в каталоги или куда там еще, естественно, что она о ней забыла. У меня вот тоже на написанное отличная память, а вот на все остальное — нет.

— Меня беспокоит, что Лика исчезла, — упрямо возразила Саша, «поймав за хвост» ускользающую мысль: что, если шкатулку сама Лика и прихватила?

— Ну, так пусть это ментов беспокоит, — отмахнулся Никита. — Ты же не ходишь в подозреваемых?

Саша не ответила, многозначительно хмыкнув. Никита недоверчиво поглядел на нее и ахнул:

— Что? Seriously?!

— С меня подписку взяли о невыезде. Вызывали к следователю, мерзкий такой мужик, на глиста похож, и он так распорядился. Отпечатки пальцев сняли, алиби проверяли и очень обрадовались, узнав, что я спала всю ночь одна. На работе сразу известно стало, директор к себе вызвал,

мозги все выел, хотя сам меня к Коростылеву отправил за экспертизой. Естественно, бабки музейные меня обсудили со всех сторон, и теперь чуть ли не крестятся.

— Вот видишь! — фыркнул Никита.

— Никит, не начинай! — разозлилась Саша. — Я же пришла к тебе за помощью.

Вот это было ошибкой. Потеряв бдительность, она нечаянно выделила «к тебе», словно делая одолжение, и Никитка это самое одолжение ментально учуял и взвился до потолка:

— И что ты хочешь услышать? — заорал он. — «Я так рад, Сашенька, что ты втягиваешь меня в очередную задницу? Всю жизнь мечтал отмазывать тебя от ментов?» Этого, да? Ты меня бросила, Саш! Бросила! Потому что мамочка с папочкой и сворой тетушек были против! А сейчас пришла за помощью, как ни в чем не бывало, потому что у доброго Никиты связи и все такое. А что потом, Саш?

У нее не было сил возражать. Понурившись, Саша спросила:

— Ты не хочешь мне помочь?

— Представляешь, не хочу. Вот бывает у меня такое — не хочу людям помогать. Имею право — не хотеть. Ведь на меня родственникам трудно давить. Наверное, поэтому имею собственное мнение.

Саша неуклюже сползла с табуретки и тихо сказала:

— Прости. Я зря пришла.

Никита не ответил. Она еще пару мгновений постояла, разглядывая его злое лицо, и побрела в прихожую. Одеваясь, она еще надеялась на то, что он налетит, прижав к себе, зашепчет в ухо горячие слова о том, что все еще любит, не может без нее, тоскует по прошлому, но ничего не произошло. Натянув сапоги, Саша обернулась у дверей. Никита стоял с непроницаемым лицом. Было понятно, что ничего похожего он не скажет. Захлебываясь от горечи и жалости к себе самой, Саша прошептала:

— Знаешь, а я скучала...

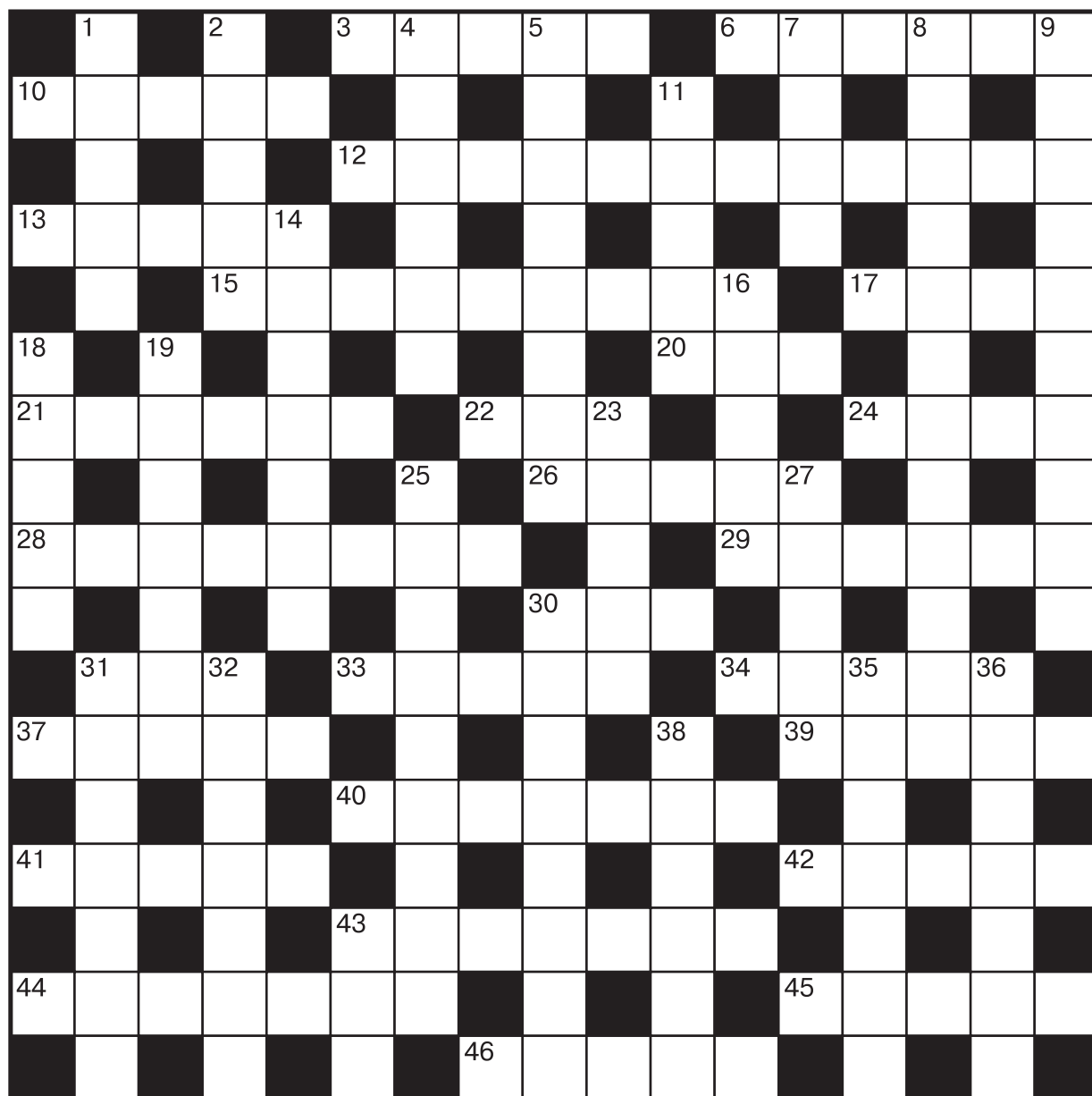
В его глазах вроде бы что-то промелькнуло, но он не подал виду, открыл дверь и выпустил ее в подъезд. Саша сделала шаг, и тут до нее донесся его голос.

— Саш, я узнаю все, что смогу. Но на этом — все.

Она обернулась, чтобы поблагодарить, но рассыпать благодарности было уже некому. Дверь закрылась, а затем в ней дважды повернулся ключ. □

Продолжение следует.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Что из-под ног выбивают? **6.** «Великий и ужасный» волшебник. **10.** Крейсер из песни о героической гибели. **12.** Кто меняет местами товары на магазинных полках, когда вы только что запомнили, где что лежит? **13.** На каком катере Эрнест Хемингуэй «служил в морской разведке» во времена Второй

мировой войны? **15.** «Черная дыра» в глазах физиков. **17.** «История семьи Форсайтов». **20.** «Спешащий таракан в ... попадает». **21.** «Так уж исстари повелось». **22.** Защитник розы. **24.** Мясо на медальоны. **26.** История с удивлением. **28.** Степень точности при изготовлении деталей. **29.** Лучший удар. **30.** Маска-

рад во дворце. **31.** Жертва тореадора. **33.** Какой медведь с косматой гривой обычно закусывает муравьями и термитами? **34.** Какая птица в три раза быстрее гепарда? **37.** Волк из прерий с шакальими замашками. **39.** Кто вступил в «брак по-итальянски» с Марчелло Мastroяни? **40.** Кто из классиков поведал миру детективные истории с участием месье Лекока? **41.** Проект картины. **42.** Кого из героев Оноре де Бальзака разорила любовь к дочерям? **43.** Какой живописный гений из-за бедности топил печь своими шедеврами? **44.** Ангел с «пламенным мечом». **45.** «Самый толстый» из литературных жанров. **46.** Покрывало из песни «Али-баба» группы «Самоцветы».

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Певец ... Мулерман. **2.** «Половина от гривенника». **4.** Где учился в музыкальном техникуме герой комедии «Мы из

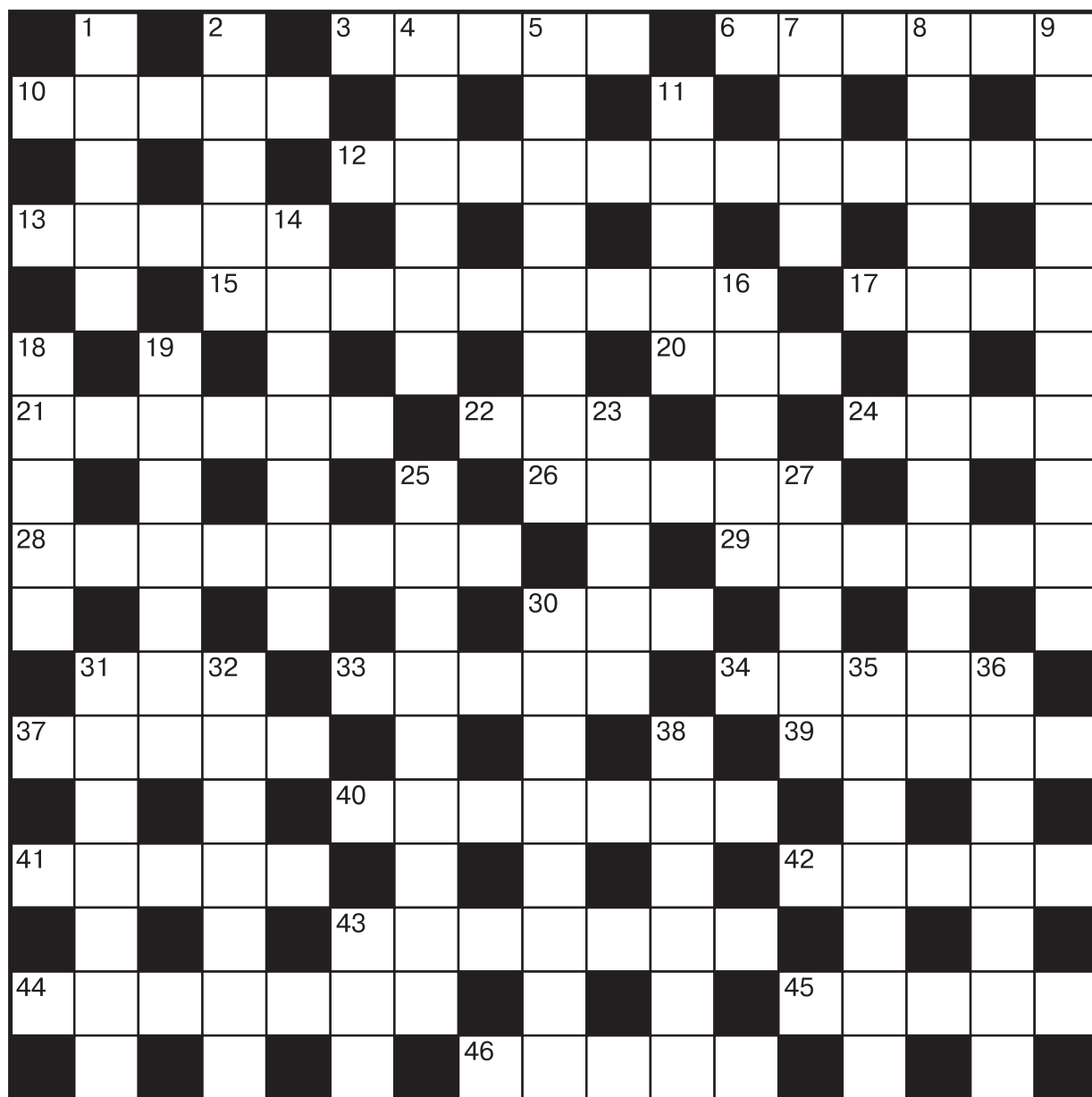
джаза»? **5.** Кто после работы спешит на учебу? **7.** Кто из героев мультика «38 попугаев» говорит голосом Василия Ливанова? **8.** Тип программного обеспечения. **9.** Какая сталь коррозии не страшится? **11.** Какой камень, оправленный в серебро, справляется с бессонницей? **14.** Какие четки святой Доминик получил в подарок от Девы Марии? **16.** «Средство сохранения» чертежа. **18.** Формат наказания. **19.** Кто открыл школу танцев в комедии «Кавказская пленница»? **23.** Служитель эшафота. **25.** Откуда привозят Благодатный огонь? **27.** «Разгонный блок» для пули. **30.** Рекламная панель на крыше автобуса. **31.** Спуск на спортивных санях по желобу. **32.** Хорошее отношение катета к гипотенузе. **35.** Что напоминает гнездо маскового ткача? **36.** Диктор, объявивший о победе над гитлеровской Германией. **38.** Аппарат для приготовления мусса. **43.** Максимум на линейном графике.

Ответы на кроссворд, опубликованный в №11

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Боди. **3.** Соус. **7.** Штиль. **11.** Плюш. **12.** Искусенка. **13.** Театр. **14.** Стая. **17.** Носок. **20.** Щелочь. **21.** Хор. **22.** Команечи. **24.** Кавказ. **28.** Воспитатель. **29.** Павлин. **30.** Лучко. **34.** «Советская». **37.** Миллион. **38.** «Среда». **39.** Техас. **41.** Спорт. **42.** Толпа. **43.** Ужас. **44.** Гонец. **45.** Лиана. **46.** Ответ. **47.** Атос. **48.** Саван.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Блин. **2.** Доктор. **4.** Окно. **5.** Спас. **6.** «Дюна». **8.** Треплев. **9.** Летучка. **10.** Исток. **15.** Трепло. **16.** Ящик. **17.** Новолуние. **18.** Кости. **19.** Вахта. **23.** Апокалипсис. **25.** Ананас. **26.** Килт. **27.** Зонт. **31.** Сон. **32.** Терехова. **33.** Эстафета. **34.** Сопрано. **35.** Яркость. **36.** Адаптер. **40.** Туча. **41.** Сало.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Птица с именным созвездием. **6.** Гора, самая южная точка Адыгеи. **10.** Ящерица, легко лазающая по скалам. **12.** Итальянский агрегат для приготовления национального варианта мамалыги. **13.** Ряд репсовых узелков в макраме. **15.** Какой ликер Медичи считали «эликсиром

долгой жизни»? **17.** Кто придумал картонную подставку под пивную кружку? **20.** Кто из олимпийских чемпионов «подарил» имя певице Нелли Фуртадо? **21.** Княжеская усадьба во времена великой княгини Ольги. **22.** Восточная лютня. **24.** Награда за благое деяние у мусульман. **26.** Пе-

риод затмений. **28.** Прототип сказочного Щелкунчика. **29.** «Нос» дельфина. **30.** Арабский парусник. **31.** Второй по величине и стоимости бриллиант из кремлевского Алмазного фонда. **33.** Лук, национальный символ Уэльса. **34.** Исследователь яиц. **37.** Самый харизматичный дикий кот. **39.** Какой испанский город связан с Трафальгарским сражением? **40.** «Белок долголетия». **41.** Последний, кто при Наполеоне Бонапарте получил звание маршала. **42.** Опускающая решетка крепостных ворот. **43.** Платье у донских казачек. **44.** Гармония от здорового образа жизни. **45.** Словарь китайского языка XVIII — XIX веков. **46.** Демон во врагах Ариев.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Фарфоровая улитка Средиземноморья. **2.** Какой карпатский сыр можно хранить в морозилке без потери вкусовых качеств? **4.** Пространство для прохода пчел между сотами. **5.** Танец испан-

ских цыганок. **7.** Напиток из Риг-веды. **8.** Какой механизм в 1924 году придумал английский часовщик Джон Харвуд? **9.** Учение о монашеском воздержании. **11.** «Безвыходная» шахта «по горизонтали». **14.** Дух древних греков, мстящий преступникам. **16.** Совет по религиозным делам. **18.** Где прошло детство голливудского актера Эндрю Гарфилда? **19.** Дипломатическая церемония, предотвращающая возможность того, чтобы новому послу дали от ворот поворот. **23.** Начало партии в городки. **25.** «Источник» «желудочного гриппа». **27.** Творобушек. **30.** Испанская наука фехтования. **31.** Следователь из детективов Фридриха Незнанского. **32.** Главный женский персонаж пекинской оперы. **35.** Какой «англичанин» давно забрал себе пальму первенства среди сеттеров? **36.** Кто познакомил древних египтян с лошастью и колесницей? **38.** Древняя тетива. **43.** Буква «случайной величины».

Ответы на эрудит, опубликованный в №11

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Линд. **3.** Абзу. **7.** Бихар. **11.** Нике. **12.** Беседница. **13.** Карвы. **14.** Увоз. **17.** Силен. **20.** Еркето. **21.** Чал. **22.** Темповик. **24.** Тайган. **28.** Тринитарист. **29.** Аустер. **30.** Шприх. **34.** Воспнапур. **37.** Плерион. **38.** Сабор. **39.** Макао. **41.** Скраб. **42.** Хадар. **43.** Апис. **44.** Мутул. **45.** Микки. **46.** Лимба. **47.** Тиас. **48.** Касым.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Лоба. **2.** Настил. **4.** Брик. **5.** Унау. **6.** Укко. **8.** Исаакий. **9.** Акветта. **10.** Адмет. **15.** Взвесь. **16.** Зект. **17.** Сапропель. **18.** Нетте. **19.** Шпаро. **23.** Ангиорексис. **25.** Абузус. **26.** Гита. **27.** Норт. **31.** Чон. **32.** Аппалуза. **33.** Баламуты. **34.** Воцанка. **35.** Рамария. **36.** Бодайбо. **40.** Шафт. **41.** Сима.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на 1-е полугодие 2025 года:

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции на электронную почту: sales-smena@yandex.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью*	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 255 рублей 20 копеек	За 1 номер — 289 рублей 30 копеек
За полугодие — 1531 рублей 20 копеек	За полугодие — 1735 рублей 80 копеек

* ОТПРАВЛЕНИЕ ПРОСТОЙ БАНДЕРОЛЬЮ ПО ПОЧТОВЫМ СТРУКТУРАМ НЕ ОТСЛЕЖИВАЕТСЯ!

** Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

На журнал "Смена" открыта подписка на 2025 год во всех отделениях почтовой связи. Оформить подписку можно по следующим подписным индексам:

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ АО «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		П2431 — основной подписной индекс П2446 — льготный подписной индекс П3292 — годовой подписной индекс
---	---	---

ОФОРМЛЕНИЕ ПОДПИСКИ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ осуществляется в любом отделении почтовой связи ФГУП «Почта Крыма»

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вся
пресса
в одном
месте!

! ВНИМАНИЕ! **Анонс на №1-2025**

ISSN 0131-6656

СМЕНА

«Новогодние праздники на Руси — это всегда нечто загадочное и необъяснимое. Их то вводят, то отменяют, то отмечают осенью, то в середине зимы. И как тут не вспомнить ставшую расхожей стихотворную строку: «Умом Россию не понять...» А если все-таки попробовать?..»

Светлана Марлинская «Новый год наступает...»

«В 2019 году лауреат «Оскара», Каннского фестиваля и премии Британской академии кино БАФТА Педро Альмодовар был удостоен почетного «Золотого льва за карьеру». Этот вечный возмутитель спокойствия привык удивлять своих поклонников по всему миру, начиная буквально с первого своего фильма «Все о моей матери». На сегодняшний день за его плечами 42 картины, в основном, на самые острые аспекты женских судеб, которым он безраздельно посвятил свое богатое творчество.»

Юрий Осипов «Певец женской души»

«В книге Виталия Вульфа «Великие женщины XX века» в разделе «Политика» наряду с Инессой Арманд и Александрой Коллонтай упоминается и Лариса Рейснер. Судьба этой женщины, прожившей всего 30 лет, во многом очерчена временем, в котором ей довелось жить, потому что в те нелегкие годы время зачастую затмевало жизнь частную, личную...»

Евгения Гордиенко «Героиня своего времени»

«Президент Академии наук, министр народного просвещения Сергей Уваров и великий поэт Александр Сергеевич Пушкин действительно были настоящими антиподами. Уваров считался сторонником жесткой цензуры и сам называл себя «полицмейстером литературы». И хотя поначалу отношения между ними были вполне дружескими, со временем они стали враждебным. Цензурные притеснения вызывали у Пушкина бурю негодования. Он даже написал на Уварова эпиграмму: «В Академии наук заседает князь Дундук». Вражда между этими двумя неординарными людьми продолжалась до самой смерти Пушкина...»

Александр Ралот «Антиподы»

Продолжение детектива Георгия Ланского **«Синий лед»**

№12 декабрь 2024